

ВЛАДИМИР ШПАНЧЕНКО

КНЯЖАЯ ПУСТЫНЬ

ОЧЕРКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

По следам
загадок и тайн
Костромской
земли

КОСТРОМА
2003

Владимир Шпанченко

Княжая

Пустынь

Очерки разных лет

Кострома
2003

**Автор благодарит кандидата в депутаты Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации,
генерального директора ООО «Торговая группа «Высшая Лига»
Евгения Александровича Трепова
за финансовую поддержку при издании этой книги.**

Книгу очерков «Княжая Пустынь» с интересом прочитает и школьник, и студент, и зрелый человек – все, кто не обделен любознательностью и питает истинную любовь к своему краю. Ограниченность в средствах, к сожалению, не позволило автору включить в книгу другие, не менее интересные, очерки и хорошо проиллюстрировать издание. Что ж, у каждого времени бывают свои издержки.

СТРАНСТВИЯ ГРАНИТНОЙ КОЛОННЫ

Несколько лет назад в жаркий июльский день шел тенистой рощей от улицы Никитской к улице Свердлова, и неожиданно узкая тропка вывела меня к большой гранитной колонне, лежавшей на траве. Поначалу никак не мог понять – откуда взялась она здесь? Вроде бы рядом никакого монумента не стояло. Остановившись возле колонны (а в высоту она была выше пояса), я провел рукой по гладкой поверхности. Розовый гранит нагрелся на солнце, мягко поблескивал. Я обошел вокруг. В двух местах увидел неглубокие дырки – видимо, прежде на колонне были какие-то декоративные детали, которые потом сорвали, а углубления остались.

И тут вдруг какое-то чутье подсказало мне: так ведь это же колонна от бывшего памятника царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину! Мне приходилось как-то видеть старую фотографию в книге. Ну конечно же, вот на этом самом месте был герб, а чуть дальше – двуглавый орел. В ту пору я думал, что от памятника на Сусанинской площади давным-давно ничего не осталось, так же как и от красивейших соборов, стоявших на высоком волжском берегу, там, где теперь раскинулся городской парк.

Моя находка (а до меня, конечно же, ее видели десятки костромичей, что живут в округе) не столько удивила меня, сколько обескуражила. С какой циничностью и легкостью разрушали мы то, что принадлежало истории, что принадлежало России, а следовательно, и нам самим. Разрушили, выбросили за ненадобностью, не сознавая, что это прежде всего народная память, что это искусство, что это в конце концов штучное изделие и больше такого нет и быть не может. Я снова прикоснулся рукой к теплomu граниту, испытывая двойное чувство – боли и радости. Вот уж никогда не думал, что буду стоять у колонны некогда разрушенного памятника, которым костромичи сначала гордились, которого потом стыдились и снесли до основания, а затем, опомнившись, начали сожалеть о случившемся, да поздно.

Подумал я о том, что надо было эту колонну поставить где-то на видном месте, может, даже сделав ее пьедесталом для какого-то памятника, связанного с историей Костромы. В то время ведь и заикнуться было нельзя, чтобы гранит, служивший пьедесталом для бюста молодого царя Михаила, встал бы где-то в городе и был снабжен сопроводительным текстом, который бы поведал о случившемся, о прошлом этой колонны.

Потом мне попала в руки книга, в которой была страница об истории этого памятника. Еще кое-что удалось прочитать. У нас город интереснейший. Каждый дом и храм – необыкновенная, увлекательная история. И столь же удивительное прошлое хранил каждый памятник. Это замечательное прошлое имел и памятник царю Михаилу

Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину – такое у него было полное название.

Впервые мысль о постройке памятника в Костроме возникла в среде местного дворянства в 1834 году, после пребывания в губернском городе императора Николая I. Сначала хотели поставить этот исторический памятник на территории Ипатьевского монастыря, но царь выразил желание видеть его в центре Костромы. Причем удивляет та заинтересованность государя, какую он проявил в отношении создания памятника – приказал представить на утверждение план местности и проект самого сооружения.

Художник В.И. Демут-Малиновский сделал рисунок, который пришелся по вкусу костромичам и петербургским сановникам. В Костроме начали собирать пожертвования на памятник. А 2 августа 1843 года состоялась торжественная закладка фундамента. С утра на площади собрались толпы людей. Звонили колокола. От Успенского кафедрального собора к месту закладки памятника шел крестный ход с чудотворной иконой Федоровской Богородицы. Место будущего памятника окропили святой водой. Прозвучали многолетия царствующему дому, а затем владыка, губернатор, предводитель дворянства и городской голова положили по кирпичу в углах будущего сооружения. Специально для бута сюда было привезено 100 тысяч штук кирпича железняка

Восемь лет строился памятник. Привезены были гранит для облицовки, многотонная гранитная колонна, бронзовые фигуры царя Михаила и Ивана Сусанина. Строили не торопясь. На века! Открытие же памятника костромичи помнили долгие годы. 14 марта 1851 года ярко светило весеннее солнце. Снег слепил глаза. Тысячи костромичей потянулись со всех улиц к площади. Сюда приехали потомки Сусанина, коробовские белопащцы, крестьяне из села Домнино. Блестела на солнце медь оркестров. Сияли одежды духовенства, мундиры офицеров. При орденах явились дворяне и чиновники. Приехали гости из Ярославля и других русских городов.

В кафедральном соборе началась литургия. А затем к площади начался крестный ход. Колокольный звон стоял по всей Костроме. Церемониальным маршем проследовали к памятнику войска местного военного гарнизона. И вот наступила самая торжественная минута. Военный губернатор И.В. Каменский подал знак рукой, и с памятника медленно упал на снег покров. Тысячеголосое «Ура!» послышалось над площадью. Костромичи, стоявшие и сидевшие на крышах прилегающих к площади домов, бросали вверх шапки. Стоявшие на балконах и прилипшие к окнам зрители тоже кричали, махали руками, платками. Военные музыканты грянули российский гимн «Боже, царя храни».

После торжества высокопоставленные костромичи и гости направились в дом Борщова, где был дан обед для коробовских белопащцев. Столы ломились от яств. А посуда в честь знаменательной даты была вся деревянная, окрашенная пунцовой краской, с

позолоченными клеймами. Земляки Ивана Сусанина были довольны, уходили с обеда в бархатных, опушенных мехом шапках. На серебряном позументе каждой шапки было вышито: «14 марта 1851 года». Все белопашцы несли в руках кульки из малинового бархата, а там деревянная посуда, из которой они ели, и всевозможные сладости.

Простой народ тоже не был забыт. А все нижним чинам, находившимся в строю, было выдано по две чарки вина и по фунту рыбы на закуску. Торжества длились в городе целый день. И целый день стоял колокольный звон. А вечером был устроен фейерверк. Памятник, дом Дворянского собрания и многие другие здания были иллюминированы...

Без малого семьдесят лет стоял памятник на площади. После Октября восставший народ стал предавать огню старинные барские усадьбы. Они горели быстро. Через час лишь тлеющие черные головешки лежали на земле. Перед народной ненавистью к императорской России не устоял и гранит. По всей земле Русской падали наземь монументы, уничтожались шедевры прекрасных скульпторов, архитекторов и мастеров. В 1918 году свалили и тут же в сквере зарыли гранитную колонну от памятника царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину. Бронзовые фигуры пустили в переплавку. С постаментом не справились. И тогда кому-то из местных руководителей пришла в голову мысль поставить на старом постаменте обелиск с портретами вождей пролетарской революции. Так и сделали. Вскоре на гранитном постаменте появился низкий четырехгранный деревянный обелиск, обтянутый красным кумачом. На гранях – портреты вождей. А чуть ниже на обращенной к Волге стороне постамента – большой барельеф со сценой гибели легендарного крестьянина от рук поляков. Этот политический «ляп» через несколько лет был замечен.

В газете «Красный мир» за 1923 год я прочитал: «На сквере есть злосчастный памятник. Вверху портреты вождей пролетарской революции. А внизу мерзкая надпись о том, как Сусанин спас царя и как за это его благодарит потомство. Неужели нельзя затянуть постамент досками, если уж непрочен материал, когда-то затягивавший эти позорные для трудящихся строки?...» Вот так ревностно блюлось пролетарское целомудрие. Красота – для буржуев. Для народа же главное – идейная направленность. В таком виде памятник просуществовал до начала 30-х годов. Потом он исчез совсем. Гранитную колонну извлекли из земли в пятидесятых годах при реставрации площади. Отвезли колонну на пустырь в конце улицы Свердлова и там бросили. А когда несколько лет назад здесь началось строительство многоэтажных домов, она опять исчезла. Куда? Стал наводить справки. Обзвонил различные учреждения. Никто не знает. Чиновники же только удивляются – зачем мне это нужно. Как зачем? Это же остатки некогда величественного памятника. Это наша история. В Риме и в других городах Европы древние руины объявляются

заповедными местами. Здесь всегда много туристов. И гранитную колонну от памятника можно было бы положить в Ипатьевском монастыре или еще лучше на сковородке, на том самом месте, где стоял монумент. А рядом бы поставить увеличенную фотографию бывшего памятника под стеклом, с краткой информацией об истории его возведения. И костромичи с интересом бы узнали о прошлом этой площади и туристам было бы любопытно. Тогда шел 1990 год. Городские чиновники и слушать об этом не хотели. А партийные бонзы даже пожурили: «Может, нам еще монархию вернуть?!» (Между прочим, несколько лет спустя те же самые чиновники подобострастно улыбались и заискивали перед семьей великого князя Владимира Кирилловича – их высочествами Леонидой, Марией и Георгием, претендующими на престол и приехавшими посмотреть на Кострому). Через несколько дней я все-таки отыскал гранитную колонну. Она лежала на территории производственного объединения коммунального хозяйства, в дальнем конце двора, в бурьяне. Трактористы, занимавшиеся ремонтом техники, сказали мне, что в последнее время к этой колонне проявляют интерес кооператоры. Правда, интерес отнюдь не исторический. Они хотят ее разрезать на небольшие куски и делать надгробия для продажи. Я выступил тогда с пространной статьей в областной газете и предложил на первый случай перевезти колонну на территорию Ипатьевского монастыря. Там она будет в сохранности. (Кстати, в 1919 году краеведы предлагали передать части разрушенного памятника на хранение Костромскому научному обществу. Однако в отчете КНО можно прочитать: «Ввиду отсутствия кладовой сарая оно (то есть КНО) не могло принять на хранение части разобранного памятника Сусанину»). И опять никакой реакции. Слово в песок все ушло. Прошло еще несколько лет, и неожиданно все разрешилось самым чудесным образом. В Кострому собирался приехать президент РФ Б.Ельцин. Чиновный мир областного центра из кожи вон лез, готовя город к его приезду. Латали асфальт на дорогах, красили фасады домов и заборы – но все лишь в тех местах, где должен был проезжать высокий гость. А тут чисто случайно прозвучал по областному радио очередной мой исторический очерк о памятнике Демут-Малиновского. Там было все то, о чем говорил десять лет назад. Но на этот раз, видимо, попал в жилу, подмаслил чиновникам, а вернее их извечному желанию выслужиться, угодить вышестоящему начальству, а тем более президенту, выше которого уже никого и нет, если не считать Всевышнего.

Через несколько дней гранитная колонна уже лежала в сквере. На сковородке. Мимо нее промчался президентский кортеж. По-моему, на колонну Б.Ельцин даже и внимания не обратил...

Но костромичи возле нее останавливаются. Туристы – тоже. И я думаю, что скоро придет время, когда снова в сквере встанет памятник царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину – так этот монумент назывался в прошлом. И думается мне, что он не будет стоять одиноко и молчаливо. Хотелось бы, чтобы при открытии памятника и во

все последующее время. каждый день в двенадцать часов над площадью звучала величественная и могучая мелодия «Славься» композитора Михаила Глинки.

Славься, славься,

Ты, Русь моя.

Славься, русская наша земля...

Эта традиция возвысит дух костромичей. И вызовет восхищение у туристов.

ПАМЯТНИК НАД ВОЛГОЙ

В 1950 году я жил на улице Чайковского, напротив зеленого парка. В то жаркое лето в парке устанавливалась железная решетка с вензелями (ее можно увидеть и сегодня) создавался новый центральный вход с каменными нишами, в которых появились статуи летчика и моряка, рабочего и колхозницы. Сквозь решетку просматривались каменные белые олени, стоявшие на зеленой полянке, качели, какие-то аттракционы. Днем и вечером со стороны парка доносилась музыка. То пел бесшабашно-озарной Леонид Утесов "От Москвы до Бреста нет такого места..." То проникновенно и чуть меланхолично выводил каждое слово Марк Бернес: "Далеко от дома, от родимых мест, белый дым черемух вспоминал боец"... По вечерам на большой летней эстраде выступали заезжие артисты, силачи и фокусники. Всегда было многолюдно в шахматном павильоне. В читальном – людей было поменьше. Тут можно было найти кроме газет и журналов новинки литературы. У памятника Ленину стоял тир и пользующийся особым вниманием публики аттракцион, где при удаче можно было выиграть бутылку шампанского или какую-нибудь безделушку. Уже тогда мы, мальчишки, с интересом рассматривали каждый раз замысловатый гранитный постамент, находя в нем оттенки загадочной старины, сказочной жизни, свидетелями которой мы неожиданно становились. А, повзрослев, мы уже несколько иначе смотрели на это грандиозное сооружение, находили архитектурное несоответствие, а также разнородность роскошного гранитного пьедестала и простоту бетонной статуи – что вообще-то удивляло и озадачивало. Между прочим, все, кто впервые видят этот памятник в нашем городе, несвободен именно от этого странного ощущения. Даже в конце 80 годов гидам не разрешалось показывать туристским группам старые фотографии – что было на этом высоком волжском берегу до революции. А если турист задавал экскурсоводу вопрос, то как правило ответ получал довольно уклончивый. Революционные смерчи, пронесшиеся над Россией, снесли немало различных памятников в обеих столицах и в других больших и малых городах. В Костроме был уничтожен прекрасный памятник "Царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину" работы скульптора В.И.Демут-Малиновского. А вот другому памятнику - в честь 300-летия Дома Романовых была

уготована иная судьба, я бы сказал, уникальная, которая, надо полагать, ещё не определена окончательно.

КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ?

За 10 лет до празднования 300-летия Дома Романовых, а, следовательно, в 1903 году, костромской городской голова Г.Н.Ботников предложил ознаменовать великое событие, которое ожидалось через десятилетие, сооружением грандиозного памятника. Мысль эта всем понравилась. Городская дума одобрила замысел, и несколько месяцев спустя была объявлена подписка по сбору пожертвований. Разумеется, первыми внесли довольно солидные суммы местные промышленники В.А. и А.А.Зотовы - 3000 рублей, Н.К.Кашин - 3000 рублей, М.Павлов - 3100 рублей. Чуть меньше внесли И.Я.Аристов, И.М. и М.М. Чумаковы, Г.Н.Ботников и другие. Откликнулись не только богатые костромичи. В отчетах того времени мелькают суммы, присланные из Енисейской губернии - 1502 рубля 69 коп, с сахалинской каторги - 43 рубля 47 коп...

Деньги на памятник собирались несколько лет. Когда обозначилась большая сумма и стало понятно, что идея теперь имеет все основания стать явью, Министерство Внутренних Дел с высочайшего благословения монарха образовало Особый комитет для заведования Всероссийской подпиской на сооружение в г. Костроме памятника в честь 300-летия Дома Романовых (известно, что деньги всегда липли к рукам русского чиновничества, но при строительстве памятника, надо сказать, дебет с кредитом все-таки сошелся); в задачи Комитета входила также организация всех работ, связанных со строительством памятника. На свое первое заседание Комитет собрался 9 мая 1909 года. На нем присутствовали губернатор Алексей Порфирьевич Веретенников, епископ Костромской и Галичский Тихон, губернский предводитель дворянства М.Н.Зузин, вице-губернатор князь Александр Николаевич Оболенский, костромской городской голова Г.Н.Ботников, секретарь губернской ученой архивной комиссии Н.Н.Шамонин и ещё несколько человек. Несколько заседаний были посвящены важной теме - кто и как представляет себе этот памятник? Епископ Костромской и Галичский видел его в виде храма. Представителям губернского земства он представлялся в виде дворца, а некоторые говорили о музее, где бы хранились все царские реликвии. Однако к осени все, наконец, пришли к одному мнению. Решено было возводить монументальный памятник. Однако скоро снова начались горячие споры - а где его ставить? Губернатор А.П.Веретенников, как председатель Комитета, поначалу предложил четыре места. Это участок на слиянии рек Волги и Костромы - так называемой Стрелки, на валу, который заканчивается беседкой, на склоне под Кафедральным собором и в Леонтьевском сквере на Сусанинской площади. И этим подлил масла в огонь. Споры разгорелись с новой силой. Устав от препирательств, губернатор вывез однажды весь свой Особый

Комитет на Сусанинскую площадь и, поправив очки в тонкой оправе, решительно заявил, указывая на Леонтьевский сквер: "Господа! Сей памятник будет установлен здесь!" Городской голова, вскинув на губернатора беспокойные глаза, нерешительно произнес: "Помилуйте, ваше превосходительство, но ведь на площади уже стоят два памятника - часовня мученику императору Александру Второму и памятник - царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Ивану Сусанину..." Блеснув стеклами очков, Алексей Порфирьевич недовольно буркнул: "Ну и что? Теперь будут стоять три памятника. Один другому не мешает. Места хватит..." (Именно здесь и был поставлен в семидесятых годах прошлого столетия громоздкий памятник Ивану Сусанину). А ровно через два месяца губернатор был вызван в Петербург в Министерство Внутренних Дел, и оттуда в Кострому пришла скоро телеграмма, из которой стало ясно, что на губернаторскую должность открылась вакансия. Одна из местных газет по этому поводу съязвила: "Бог спас Кострому!"

Чтобы покончить с затянувшейся словесной баталией по поводу того, где ставить памятник, городская дума решила пригласить именитых людей в области искусства. Пусть посмотрят и выберут место. Уж им строптивцы возражать не станут. Солнечным июльским днем 1910 года в Кострому приехали Л.П.Бенуа, А.М.Опекушин, Г.И.Котов, В.А.Беклемишев - видные архитекторы, художники и скульпторы. Ждали художника В.М.Васнецова, но он уже был в Костроме семь лет назад и показал место, где бы ему хотелось видеть сооружение - на маленьком бульваре со старинным насыпным валом. (Здесь сейчас стоит беседка А.Островского). Петербургские знаменитости, побродив по городу, тоже решили, что лучшего места для памятника, чем это, пожалуй, нет. Геодезисты и инженеры произвели изыскательские работы на насыпном валу, после которых члены Комитета схватились за голову. Стоимость работ по укреплению грунта обойдется в 300 тысяч рублей - чуть меньше суммы, которая хранилась в кассе Особого Комитета. На сооружение памятника уже ничего не останется.

И тут от безысходности кому-то пришла в голову свежая мысль - установить памятник в честь 300-летия Дома Романовых на площадке возле Кафедрального Успенского собора. Отсюда открывается замечательный вид на живописные волжские просторы. И памятник будет виден с Волги издалека. Чудесное место!

Академия художеств объявила Всероссийский конкурс на лучший проект памятника. Времени давалось мало, скульпторы, архитекторы и художники торопились. (В первом параграфе объявления о конкурсе говорилось, что в нем "могут участвовать только русские художники"). И вот в двадцатых числах сентября 1911 года жюри, в которое входили академик скульптуры Р.Р.Бах, академик живописи М.Н.Боткин, академик скульптуры Г.Р.Зелеман, профессор живописи В.Е.Маковский и профессор архитектуры Л.Н.Бенуа, а также трое костромичей из Особого Комитета присудили первую премию проекту с девизом "Мир". Две тысячи рублей получили молодые скульпторы Л.Сологуб, В.Барт, С.Овсянников, М.Реельсон

и А.Рухлядев. Второй премии в размере 1500 рублей удостоился проект под девизом "Воздадите Кесарево Кесарю, Божие Богу". Автором проекта был известный скульптор академик Амантус Генрих (Аммон Иванович) Адамсон. Третью премию в размере 1000 рублей получил проект под девизом "Монарх" художника А.Курбатова.

Что же из себя представлял проект, получивший первую премию, и который по логике должен был потом украсить древнюю Кострому? Гранитная пирамида архитектора Сологуба и др. смотрелась эффектно. Ярусы холма украшали старинные пушки и эмблемы различных доспехов - символы доблести русского оружия. Входы второго яруса стерегли золотые львы-хранители. На троне, обращенном к Волге, сидел молодой царь Михаил Федорович и скипетром указывал на обширные российские владения. Отзывы об этом проекте звучали довольно высокопарно. Вот два из них: "...здесь его родоначальник, Дом Романовых в триста лет работы, ведущей к единой цели, создал великое, могущественное соединение -- Россию..." "Игла, уходящая ввысь, зовет нас к Богу, в вечность и в бесконечность. Здесь, ближе к нам, на земле, - дорогие нам, близкие события, а дальше вверху, наше стремление к высшему будущему, лучшему, прекрасному..."

На выставке в Манеже при первом кадетском корпусе все присутствующие в общем-то так и думали, что именно этот памятник встанет на волжском берегу. Но в ноябре 1911 года все три проекта перевозятся из Петербурга в Кострому и устанавливаются в большом Белом зале Дворянского собрания. И тут происходит удивительное - вкусы Костромской публики разошлись со вкусами издавших виды петербуржцев. Выставка открылась 8 ноября. К зданию Дворянского собрания один за другим подъезжали экипажи и пролетки. В вестибюле собрался весь чиновный мир тогдашней Костромы с дамами и чадами. Офицеры лихо щелкали блестящими сапогами, дамы шуршали платьями. Пахло французскими духами. Первыми поднялись по ажурной чугунной лестнице новый губернатор П.П.Шиловский с супругой, вице-губернатор, городской голова, губернский предводитель дворянства, затем гласные думы, чиновники всех рангов, офицеры, интеллигенция и пр.

Яркая публика заполнила Белый зал. Скульпторы стояли рядом со своими моделями и, немного волнуясь, объясняли свои замыслы.

Модель Адамсона была выполнена из красного воска и таинственно светилась в лучах осеннего солнца. Изобилие исторических фигур из воска, которые стояли на многочисленных уступах воскового монумента, сразу же привлекло внимание провинциальной публики. Польщенный таким вниманием, автор с удовольствием отвечал на вопросы посетителей и дал несколько интервью для местных газет. О себе он говорил кратко. Родился в 1855 году близ Ревеля. Учился в Петербургской Академии художеств и там же потом преподавал. Однако стоит подробнее ознакомиться с его биографией. Амантус Генрих Адамсон (русифицированный Аманд Иванович) родился 31 октября 1855 г. на хуторе Ууга-Рягсапа в Эстонии в семье моряка. Учился в школе для бедных в Ревеле, затем окончил уездное училище.

С детства он уже хорошо рисовал, и преподаватели посоветовали ему поступить в Академию художеств в Петербурге. Он поехал. Однако принят не был. Упорный и талантливый юноша едет в Петербург на следующий год и поступает в Академию. Он получает там сначала Малую поощрительную медаль, а затем Большую. Закончив Академические курсы, молодой Адамсон начинает преподавательскую деятельность в Центральном училище технического образования. Но сына моряка влечет море и все, что с ним связано. В 1893 году во время страшного шторма погибла вместе со всей командой броненосная лодка "Русалка", плывшая из Ревеля в Гельсингфорс. Русское общество это известие потрясло. Начался сбор средств на сооружение памятника. Было создано несколько проектов. Выбор пал на сложную композицию скульптора А.Адамсона. В 1902 году памятник был открыт в Ревеле в парке Кадриорг. Успех ободрил скульптора. К 50-летию обороны Севастополя в 1904 году он создает вместе с архитектором В.Фельдманом и инженером О.Энбергом монумент "В память кораблей, затопленных в 1854 – 1855 гг. для ограждения входа на рейд" - так гласит надпись на гранитном пьедестале памятника, который стоит в бухте Севастополя, недалеко от набережной Приморского бульвара. Его высота почти 17 метров. Работы скульптора можно видеть в различных городах России. В Петербурге на Троицком мосту стоят ростральные колонны-obelisks. На фоне красного полированного гранита выделяются ростры кораблей из бронзы, отлитые по моделям А.Адамсона. Немало зданий на Невском проспекте украшены его работами. На Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году можно было видеть у фасада Художественного отдела скульптурные группы А.Адамсона – "Торжество" и "Освобожденный гений". В Тамани, знакомой всем по произведениям М.Лермонтова, стоит памятник запорожским казакам. Это тоже работа А.Адамсона. Монумент был сооружен в 1911 году, когда Таманское станичное общество праздновало столетний юбилей заселения этих мест казаками.

А.Адамсон занимался и живописью. В основном он известен как маринист. В 1907 году художник А.Куинджи, скульптор А.Опекушин и архитектор В.Суслов предложили кандидатуру А.Адамсона на почетное звание академика. В этом же году он это звание получил. В Центральном государственном историческом архиве в Петербурге находится перечень его работ, созданных за 27 лет творческой деятельности, - их девяносто.

Ну а Костромичи, между тем, рассматривая в Белом зале макет А.Адамсона, искренне радовались, узнавая в восковых фигурах исторических деятелей России. А первоначальный макет имел 50 восковых фигур! И все же он был доступней, понятней и ближе, чем грандиозная сологубовская пирамида. Приземистая и маловыразительная модель архитектора Курпатова вообще мало кого интересовала, возле нее костромичи не задерживались. Местные газеты тоже горой стояли за А.Адамсона. Вот выдержка из одной публикации: "Мне кажется, что памятник этот воплощает собой идею о том, как надо жить людям на белом свете. Жить надо в

единении, на основе любви вечной, непреходящих равных прав для всех, ибо мы, явившись на свет, все имеем равные права на существование..."

Восемнадцать дней шли костромичи на выставку. Некоторые побывали на ней не один раз. А.И.Адамсон получил множество советов. Например, было предложение сделать внутри памятника часовню, где хранились бы реликвии, относящиеся к Дому Романовых. Скульптор обещал переделать макет. И в самом деле, окончательный вариант его во многом отличался от первого. Постамент стал выше. Для облицовки его послужил гангуэсский гранит из Финляндии. Поменялись на выступах цари и царицы, государственные деятели России, полководцы. Прибывший в Кострому новый губернатор П.П.Стремоухов высказал в письме к А.И.Адамсону свои пожелания: придать фигуре князя Пожарского больше энергии и мужества, а фигуре инокини Марфы уменьшить рост и приблизить лицо к портретному оригиналу. На постаменте появились барельефы, изображающие Полтавскую баталию, Бородинское сражение, призвание Михаила на царство и другое. Памятник теперь венчал многометровый шатер с двуглавым орлом наверху. Фигур осталось всего 26. Когда же в Белом зале началось голосование, то в кружку А.И.Адамсона костромичи бросили 858 записок. В кружку Л.Сологуба и его товарищей - 166 записок, а в третью кружку всего 13. Однако споры о том, какой памятник все-таки следует ставить в Костроме, на этом не окончились. Академия художеств стояла на своем, даже переработанный Адамсоном макет памятника её не удовлетворял. Газетчики в костромских изданиях или злословили в отношении этого памятника или же чуть не умирали от избытка патриотических чувств. Покончил со всем этим царь Николай II, которому памятник понравился. Идея, по его мнению, была выражена здесь грамотно и правильно и работала на империю и имперский дух. Залог будущей великой России - это престолонаследие! В порыве чувств Государь высочайше разрешил бесплатно отпустить на строительство сооружения 5000 пудов бронзы и меди, а также распорядился (опять же бесплатно) перевозить железной дорогой гранитные и бронзовые части памятника от Петербурга до Костромы. Особый комитет подписал договор с фирмой "К.Ф.Верфель", которая взялась отлить бронзовые фигуры для памятника. Облицовку же сооружения из розового гангеусского гранита взяло на себя акционерное общество "Гранит".

Вот краткое описание макета памятника в честь 300-летия Дома Романовых: Памятник имеет два главных фасадных вида. На одном - царь Михаил Федорович сидит на царском месте. Внизу - видны фигуры вождей русского ополчения - князя Пожарского и гражданина К.З.Минина. У подножия Царского места изображен крестьянин Иван Сусанин, осеняемый аллегорической фигурой России.

На противоположной стороне изображен на барельефе на барельефе ныне благополучно царствующий Государь Император, восседающий на троне и показывающий наследнику Цесаревичу на расположенную на его коленях карту Российской империи.

Богомольный царь Федор Алексеевич советуется с духовным лицом. Рядом Софья и царь Иоанн Алексеевич. На фоне моря, с виднеющимся вдали кораблем, видна фигура преобразователя России Петра Великого. По сторонам стоят его сотрудники – Феофан Прокопович и Костромской вотчинник, фельдмаршал Б.П.Шереметьев. Императрица Екатерина I передает императору Петру II акт о престолонаследии. В верхней части памятника помещены атрибуты царской власти. Их охраняют ангелы. Налево от статуи ангела императрица Екатерина II. Рядом с ней Петр III, император Павел Петрович, Александр I, Николай I, Александр II и Александр III. Император Александр I изображен на фоне кремлевских стен, а император Александр II – держит акт об освобождении крестьян от крепостной зависимости.

Нижняя часть пьедестала украшена барельефами.

Строительные дела планировалось закончить в 1916 году.

А руководил всеми строительными работами губернский инженер Леонид Александрович Большаков. Он был неплохим художником и архитектором. (Купив участок земли на улице Покровской, он построил дом с башенкой по своему проекту. Этот красивый деревянный особняк можно увидеть в начале улицы Энгельса, бывшей Покровской. Он отличается от всех других построек). Говорят, что он внес свои изменения при возведении монумента, и знаменитый скульптор с его доводами согласился.

К середине мая 1913 года фундамент под памятник был готов.

Кострома ожидала приезда государя...

ЗАКЛАДКА ПАМЯТНИКА

Незадолго до юбилейных торжеств в Кострому как всегда пришел пассажирский поезд "Петербург-Кострома". Когда пассажиры разошлись и разъехались (в ту пору железнодорожный вокзал находился на правобережном берегу Волги, и пассажиры переправлялись в город на пароходе или на пароме), из багажного отделения поезда вынесли несколько ящиков и со всеми предосторожностями переправили их в Кафедральный собор, убрав их там в подвалы. В этих ящиках находились серебряный молоток и лопатка, стоимостью в 180 рублей, 40 мраморных кирпичиков с именной гравировкой для ИХ Императорских Величеств и лиц Императорской Фамилии, а также для Его Высокопреосвященства Архиепископа Костромского и Галичского и костромского губернатора - стоимостью 600 рублей; мраморная плита для покрытия кирпичиков стоимостью 25 рублей и большая закладная металлическая доска.

Рано утром 19 мая 1913 года флотилия волжских судов, на которых плыла вся императорская фамилия, появилась у берегов Костромы. Императорский штандарт развевался на пароходе "Межень". Народ, собравшийся у кромки

воды под Кафедральным собором "Волжской беседки" и у складов, восторженно встречал императора и его семью. Они стояли на палубе и улыбались. Николай II в военном мундире, императрица и царевны - в белых платьях. Утро было солнечное. С реки тянул чуточку прохладный ветерок, но день намечался прекрасным - с чистым синим небом, с ярким солнцем и нежным майским теплом.

Император с императрицей и их высочества побывали в Ипатьевском Монастыре, присутствовали на службе в Троицком соборе, где в 1613 году был призван на царствование молодой боярин Михаил Романов, затем посетили Романовский музей, в котором были собраны реликвии, связанные с Домом Романовых, многочисленные церковные древности, книги, портреты и прочее. Потом царь встречался с представителями костромского дворянства в Белом зале Дворянского собрания, - тут рекой лилось шампанское, выкрикивались здравицы, и все присутствующие с энтузиазмом два раза подряд спели российский гимн "Боже, царя храни".

А на второй день пребывания царской фамилии в Костроме состоялась на высоком волжском берегу у Кафедрального Успенского собора торжественная церемония закладки памятника в ознаменование 300-летия дома Романовых. События этого чудесного майского дня прекрасно описал чиновник по особым поручениям при губернаторе Николай Николаевич Виноградов.

Вот, что он видел и чувствовал в те незабываемые часы:

«В тот самый момент, Когда Государь Император, окруженный Августейшей семьей и особами Императорской фамилии, встал на пьедестал сооружаемого русским народом в ознаменование трехсотлетнего подвига дома Романовых памятника, неожиданно, как бы по мановению незримой десницы, над площадью пронесся порыв ветра - громадный стяг с изображением государственного герба заколыхался над головами Их Величеств, и казалось, будто громадный императорский орел, паря в воздухе, приосенил победными крылами немеркнущей славы верховного вождя русского народа, и его Августейшую семью и всех представителей славного дома Романовых.

Председатель особого комитета по сооружению памятника, Костромской губернатор П.П.Стремоухов имел счастье поднести Его Императорскому Величеству на особом блюде юбилейный рубль. Государь Император, государыня Императрица, наследник Цесаревич и некоторые другие Высочайшие Особы, взяв монеты, опустили их в особо приготовленное углубление, сделанное на месте закладки.

После сего Высокопреосвященный архиепископ Тихон окропил святой водой закладную доску и накрыл ей чашу с юбилейными закладными рублями. Рабочие во главе с главным подрядчиком Трофимовым тотчас же залили доску цементом.

Тогда Костромской губернатор П.П.Стремоухов вновь имел счастье поднести Государю Императору Именной закладной кирпич с надписью:

«Его Императорское Величество Государь Император всея России Николай II Александрович. 20 мая 1913 года».

Кирпич этот был окроплен святой водой Высокопреосвященным архиепископом Тихоном. Строитель памятника инженер Л.А.Большаков имел счастье поднести Его Императорскому Величеству на блюде серебряные молоток и лопатку. Государь Император соизволил уложить, при помощи строителя памятника, Именной кирпич на надлежащее место и, согласно освященному веками обычаю, ударил по нему несколько раз молотком и лопаткой.

Алексей Николаевич, вследствие болезни ноги, мог участвовать в торжествах лишь будучи носимым на руках своего дядьки Деревеньки или конвойного казака.

Рабочие, по мере надобности, тотчас же заливали все положенные закладные кирпичи цементом, а сверху их была возложена большая каменная плита, окропленная архиепископом Тихоном святой водой.

Для посещения Их Императорских Величеств городом Костромой был выстроен особый павильон, несколько в стороне от пути следования торжественного крестного хода, на высоком крутом откосе, составлявшем собою некогда западную стену древнего Костромского Кремля. Этот Царский павильон был построен по проекту художника Егорова в стиле «Empire», в виде изящной беседки с легкими колоннами и плоским куполом. Верх беседки украшен позолоченными Государственными гербами и гербами Дома Бояр Романовых, пол беседки был покрыт роскошными бархатными коврами, по стенам – драпировки из дорогих материй и разноцветных ковров. Весь павильон снаружи украшен флагами, гирляндами.

Изумительно красивая картина открылась здесь взору Их Императорских Величеств. Внизу вся громадная торговая площадь и весь склон берега Волги, вплоть до самой реки были сплошь заняты бесчисленной толпой народа, по праздничному принарядившегося, теснящегося поближе к откосу и к Царскому павильону. Здесь, волнуясь, переливалось и шумело целое море голов, среди которых пестрели белые, голубые и красные платки женщин, облеченных в любимые, настоящие костромские цвета. Взоры всех направлены к царскому павильону. Все жадно ждут выхода на балкон Их Императорских Величеств.

Лишь только Государь Император со своим Августейшим Семейством предстал глазам ожидавшего Их появления народа, как все это многотысячное волнующееся море слилось в одном громогласном восторженном крике «Ура!». Бесчисленное количество людей машет головными уборами, платками, простирает руки к Царскому павильону, плачет от радости при виде Их Императорских Величеств.

Гудят колокола всех Костромских церквей, но здесь не слышно их гула. Здесь в воздухе носится лишь одно заглушающее все остальные звуки истинно Русское, могучее «Ура!».

Умиленный представившейся Его очам картиной, Его Императорское Величество Государь Император со своею Августейшею семьею изволил дважды выходить на балкон и многократно милостиво кланяться, смотря на ликующее море народа. Второй выход Их Императорских Величеств вызвал новый еще больший взрыв народного энтузиазма. Бесконечные, восторженные крики «Ура!» разносились далеко по всему городу.

Ровно в 12 часов дня Его Императорское Величество Государь Император подал знак к началу церемониального марша.

Раздалась громкая и отчетливая команда командующего парадом генерал-майора Д.П.Парского: «Смирно! На плечо!»

Разом звякнуло оружие. Искрометной молнией сверкнули на солнце штыки и обнаженные шашки. Грозно оцетинились густые ряды войск. Словно вкопанные, недвижимо стали ряды солдат. Вместе с войсками замерла и вся площадь. Начался церемониальный марш. Глухими перекатами зарокотали барабаны; затрещала, полилась задорная мелкая барабанная дробь, колыхнулась и сверкнула искристым, перебегающим отблеском стальная щетина первых рядов. Войска плавно двинулись, проходя поротно во взводных колоннах.

Прохождение церемониальным маршем совершалось под звуки марша, на мотивы из оперы М.И.Глинки «Жизнь за Царя», исполненного поочередно оркестрами Эриванского и Пултусского полков и хором трубачей 5-й сотни Кизлярского Гребенского полка.

После парада командир Эриванского полка полковник Мдивани и офицеры удостоились счастья быть представленными Государыне Императрице и поднести Ее Императорскому Величеству и Их Императорским Высочествам Великим Княжнам букеты живых цветов».

Итак, прочтя воспоминания очевидца, мы с вами как будто бы сами побывали в этот чудесный весенний день на торжествах в Костроме, видели чуть взволнованного императора на закладке памятника, всю эту приятную суету, ликующие толпы костромичей, слышали Пение архиерейского хора и бравурную музыку маршей полковых оркестров.

Как я уже говорил, сооружение памятника предполагалось закончить в 1916 году. Так бы оно и было, если бы не случилась I Мировая война, которая отодвинула сроки, - так что к весне 1917 года был возведен лишь пьедестал и поставлен над ним бронзовый шатер. Уже начали устанавливать и бронзовые фигуры, но после Февральской революции из Петрограда пришло распоряжение о приостановлении строительства всех памятников царской династии - в том числе и в Костроме. Несколько месяцев ящики с бронзовыми

фигурами исторических деятелей России лежали в саду губернаторского дома и на строительной площадке у Царской беседки. Фирма "Верфель" отлила 22 фигуры. 18 были привезены в Кострому. Четыре фигуры лежали в мастерской скульптора на Обводном канале в Петрограде. Осталось отлить ещё четыре, но они так и не появились на свет, как, впрочем, и барельефы. А.И.Адамсон был доведен до отчаяния. Он писал письма во все инстанции, пытаясь довести строительство монумента до конца. Но время уже было другое. Лучшего своего произведения он так и не увидел. Скульптор заболел и уехал в Эстонию.

А новые костромские власти вспомнили о статуях из бронзы лишь в 1919 году, когда в губернию пришли нищета, холод и голод. В губисполком вызвали членов Особого Комитета, вернее, останки его. Пришел бывший губернский строитель Л.А.Большаков и с ним ещё несколько человек - все, как тогда говорили, лишенцы, т.е. лишенные гражданских прав. (Впрочем, и все костромичи в документах того времени, а также в газетах и в специальном губернском журнале, освещающем нужды населения и состояние промышленности и сельского хозяйства, именовались не иначе как "едоки". Так и писали: "На фабрике трудится 185 едоков..."). Так вот, от членов Комитета потребовали самороспуска, а все оставшееся имущество, строительные материалы и бронза подлежали немедленной продаже - за исключением почему-то шатра. Члены Особого комитета беспрекословно выполнили требование большевиков. К этим дням относится один документ, который мне встретился однажды в Костромском областном архиве. Вот часть этого документа: "...необходимо, чтобы начатый строительством памятник был закончен так, чтобы он явился постоянным свидетельством вечной смерти царского бюрократического управления России, на развалинах которого освободившийся от цепей народ начал великое строительство республиканской России. Необходимо, чтобы конец памятника означал верность и преданность страны к завоеванной революцией свободе, которая приведет нас в царство социализма.

К самой постройке можно будет приступить не так скоро. Но нельзя оставить все имеющиеся средства без использования, когда на всю страну, и в частности на нашу губернию, надвигается страшная разруха, голод, безработица и другие бедствия..."

Видимо этот витиеватый, а порой и просто безграмотный текст был написан наспех, в пылу революционной эйфории (шел второй год большевистского переворота), и поэтому отнесемся к нему снисходительно. Между тем сразу же в революционный Петроград командировались двое костромичей - большевики А.Рассадин и Н.Огибалов, которые и продают в скором времени фирме "Трэд" три тысячи пудов бронзы за очень низкую цену - по 30 рублей за пуд (заметим при этом, что каждый из командированных получал по 20 рублей суточных). На

вырученные деньги были отправлены в Саратовскую губернию и в Сибирь специальные уполномоченные по закупке хлеба и крупы. Из Саратова в голодную Кострому прибыло несколько вагонов с мукой. Уехавшие же в Сибирь за продуктами обратно не вернулись. Судьба их неизвестна.

НОВАЯ ФИГУРА НА ПОСТАМЕНТЕ

И снова на несколько лет о монументе, а точнее о гранитном постаменте, забывают. И только в середине 20-х годов на одной из городских партийных конференций кто-то из делегатов высказал мысль об установке на пустующем пьедестале скульптуры В.И. Ленина - вождя мирового пролетариата. Тогда этот памятник будет символизировать победу рабочего класса над самодержавием и буржуазией. Идея эта пришлась по душе делегатам конференции. Тут же решено было начать массовый сбор средств на строительство нового монумента. Все трудовые коллективы Костромской губернии, а затем и области (термин губерния прекратил свое существование в 1928-1929 годах) с энтузиазмом восприняли старый большевистский замысел и начали работать в выходные дни, отчисляя заработанные деньги в фонд строительства памятника. А тем временем в Кострому приехали московские скульпторы Д.П.Шварц, М.Ф.Листопад и З.Т.Иванова. Работая над проектом скульптуры Ильича, они теперь на месте уже решали, в какую сторону должен смотреть вождь, определяли его осанку и движение руки. Со стороны города он, конечно, будет смотреться хорошо, а вот с Волги, с Волги – не очень, с пароходов будет видна только одна спина. Скульпторы долго решали и спорили, но все-таки остановились на том варианте, который мы сегодня видим. На строительство скульптуры были приглашены лучшие рабочие Костромы. Отбор был строгий, - и по анкетным данным и по моральным качествам и, конечно же, по профессиональным. Бетон поднимался наверх в три смены. По ночам трудились в свете прожекторов. Сотни пудов бетона пошло на скульптуру Ильича.

1 мая 1929 года состоялось открытие памятника.

25 тысяч костромичей собрались в парке и на крутом волжском берегу. Все с нетерпением ждали, когда со скульптуры упадет покрывало. Ведь столько месяцев монумент стоял в лесах, а фигуру вождя скрывали фанерный короб, разжигающий любопытство горожан: "Что там?" Но вот секретарь губкома партии Заславский зачитал присутствующим приветствие ЦК ВКП(б), а также письма костромичам Н.Крупской, вдовы В.И.Ленина, и М.Ульяновой – его младшей сестры. Под звуки "Интернационала" медленно спала ткань с огромной скульптуры. Аплодисменты и крики "Ура!" заполнили все вокруг и слышны были даже у фабрик.

Одиннадцатиметровая фигура вождя воодушевляла людей.

До позднего вечера у постамента проходило массовое гуляние. Костромичи танцевали и пели, у всех было радостное настроение. И никто не знал, что именно в это самое время в родном селении близ Таллинна уходил из жизни тот, кто своим мощным талантом создал на крутом волжском берегу этот удивительный постамент, предназначенный для Дома Романовых, выдающихся деятелей Российской империи и ее героев.

Уехав в 1919 году из Костромы, А.Адамсон поселился в Палдиски. Много работал. 9 июня 1929 года он присутствовал на открытии памятника поэтессе Лидии Койдула в Пярну. Через десять дней, закончив работу над гипсовым слепком "Умирающая волна", Амандус Генрих (Аманд Иванович) Адамсон умирает в своей мастерской. На его рабочем столе в кабинете осталась лежать газета с маленькой заметкой о России, в которой сообщалось об открытии памятника В.И.Ленину в Костроме на гранитном постаменте, созданным по проекту академика А.И.Адамсона...

Бетонная скульптура В.И.Ленина простояла чуть более полувека. К 80-м годам трещины на ней были уже видны гуляющим в парке костромичам. А московский скульптор П.Козин, с которым я встретился в 1982 году, сказал мне «не для печати», что бетонного Ильича источило время, он весь был в дырах, особенно голова и поднятая в энергичном жесте рука, и мог поэтому развалиться в любой момент. А при разрушении его могли быть и жертвы. Поздней осенью 1981 года памятник уже в третий раз оделся в строительные леса. Решено было заменить бетон на бронзу. Причем сплав, как сказал мне тот же П.Козин, автор новой металлической копии, позволит стоять памятнику не одну сотню лет. И снова скульптуру вождя упрятали в фанерный короб и там демонтировали. А однажды ночью по улице Советской проехала странная колонна машин с "мигалкой" впереди. Кто эту колонну видел - ничего не понял. Лишь немногие знали, что из Москвы везут детали бронзовой статуи Ильича. Почему везли ночью? Оказывается, костромичи не должны были видеть в отдельности голову, туловище, руки и ноги вождя. Считалось это крамолой. Монтажники потом все эти части сварили.

Ко дню рождения В.И.Ленина памятник открыли.

Два часа шли к нему вереницей от улицы Чайковской делегации от учреждений, заводов и фабрик. Здесь побывала вся партийно-хозяйственная костромская номенклатура. Подходили к монументу, ставили у подножия корзины с живыми цветами и уходили, а чаще уезжали на черных "Волгах"

Прошло двадцать лет. Времена изменились. Теперь у памятника можно увидеть разве только лишь группы туристов - соотечественников да иностранцев. Два раза в году по великим праздникам - в годовщину Октября и в день рождения В.И.Ленина появляются тут с цветами коммунисты-ортодоксы, коих становится с каждым годом все меньше и меньше. И хотя в швах между гранитными

блоками растет уже трава и кое-где маленькие березки, содрана чеканка, украшавшая облицовку - всё равно, памятник не кажется запущенным благодаря возвышенной и благородной красоте постамента. На страницах местной прессы не раз уже поднимался вопрос об эклектичности памятника, о полном несоответствии скульптуры и пьедестала. Одни за то, чтобы над памятником всегда оставалась фигура Ильича, другие предпочитают видеть бронзовый шатер с двуглавым орлом наверху. Время, наверно, всех рассудит. Хотя я склонен видеть творение академика А.И.Адамсона - но с поправкой на время, чтобы сооружение его стало грандиозным памятником всем жертвам братоубийственной гражданской войны, и той и другой стороне, белым и красным, погибшим за свои идеалы и с мыслью о великой России.

ЧТО ХАНЯТ ПОДВАЛЫ СОБОРНОГО АНСАМБЛЯ?

Летом восемьдесят девятого года я написал в областной газете о взорванных храмах на высоком волжском берегу. Это была самая первая публикация в прессе о храмовом ансамбле в Костроме, погибшем в тридцатых годах. Но самое интересное было впереди. Спустя месяц мне позвонил мужчина и довольно глуховатым, дребезжащим старческим голосом сказал, что в начале тридцатых он работал в НКВД и был участником не только взрыва храмов и колокольной, но и свидетелем еще кое-чего! На мой вопрос, свидетелем чего он был, мужчина не ответил, но, подумав некоторое время, согласился встретиться со мной в парке им. Ленина. Договорились, где и когда увидимся.

На следующей неделе, в среду, отправился в парк. На крайней скамье от центрального входа увидел небольшого роста кряжистого мужчину в старой, выцветшей гимнастерке. Остановился. Представился. Он поднял на меня узкие серые глаза с покрасневшими веками. В жестком взгляде была подозрительность. А может, мне это только показалось, не знаю. Я сел рядом. Он повел какой-то сбивчивый рассказ о своей молодости в Горьком, в ОГПУ, о поездке в Вохму, где он разбирал какое-то дело, связанное с воровством, говорил еще о чем-то малоинтересном, - так что я даже раздраженно подумал, а зачем он, собственно, меня пригласил? И вдруг ни с того ни с сего:

- А вы знаете, где стоял Богоявленский собор? Я сказал.

- Нет. Он стоял вот здесь, - мужчина показал рукой на пустырь. - Красив был внутри - стены, своды, столбы и алтарь были отделаны мрамором, а чугунные плиты на полу так и остались лежать. Если снять слой земли с этого кургана, то увидите их. Только вам никто не разрешит здесь копать.

- Почему? Он усмехнулся:

- Потому что в подвалах собора еще много чего осталось.

- А чего, например?

- Вы писали, что во время взрыва вокруг храмов стояло оцепление.

Это правильно. Но вы не знаете, что оцепление из сотрудников НКВД было выставлено за две недели до взрыва. Я стоял в этом оцеплении.

Я молчал. Но по опыту знал, что навязчивость часто портит все дело. Раз пригласил меня, значит, решился сказать что-то важное. И я не ошибся.

Однажды, в шестом часу вечера приехало начальство, - продолжил он свой рассказ. - Вся группа скрылась в соборе. Я слышал их голоса, а затем стало тихо. Минут через десять вышел мой непосредственный начальник с фонариком в руке и попросил пойти с ним помочь передвинуть какие-то тяжести. «Какие такие тяжести, - подумал я, - ведь из храма все уже вывезли...» Начальник свернул влево, и я увидел мраморную лестницу, ведущую куда-то вниз, в подвалы, о существовании которых я и не знал. Минуту мы шли галереей, а затем я увидел помещение с широкими сводчатыми потолками. В одном месте фонарик высветил каменные саркофаги. А дальше - железные ящики. Меня попросили передвинуть несколько ящиков. Ох, и тяжелы они были! Один ящик оказался открытым, и я увидел там древние книги в толстых кожаных переплетах. Одна толщиной чуть ли не с полметра. Что было в других ящиках, я не знаю. Может, книги, а может, и что другое. В одном месте на полу лежали хоругви и иконы. Когда выходили наверх, мой начальник положил мне на плечо руку и предупредил, чтобы я держал язык за зубами. Я все понял... Вскоре начали подъезжать машины с песком и вход в галерею засыпали. Это было где-то за неделю до взрыва. Потом приехали пиротехники. Начали долбить стены и укладывать в нишах взрывчатку. А сам взрыв был, конечно, потрясающим зрелищем. Было, кстати, два взрыва, не один. Мой знакомый лодчман плыл в это время из Ярославля и рассказывал потом, как колокольня вдруг приподнялась в воздух и так застыла, а затем рухнула наземь, в клубах пыли. И уж затем только на пароходе слышали взрыв...

Потом я поближе познакомился с Николаем Ивановичем Смирновым, он хотел мне еще что-то поведать, но каждый раз откладывал. Он почему-то был уверен, что рано или поздно на месте соборов начнутся раскопки, и ему очень хотелось дожить до этого времени. Не дожил. Я в Костроме спрашивал у музейных работников, в архиве, в МВД, где книги из соборной библиотеки - несколько десятков тысяч томов, где утварь и иконы, - никто мне толком на это не ответил. Странно! А ведь храмы были полны сокровищ - золото, серебро, драгоценные камни...

Так что же из себя представлял соборный ансамбль Костромского кремля? Историк Г. Лукомский писал в своей книге «Кострома»: «Еще задолго до пристани, когда на фоне сияющих лесистых далей нежно вырисуются белые колокольни костромские и, заглушая шум парохода,

плеск волн, крик чаек и песнопение косарей на лугах заливных и душистых, послышится разносящийся свободно по водной шире малиновый звон колоколов... образ какого-то волшебного города встает на небосклоне живым миражом».

Любопытно, что алтари обоих храмов обращены не на восток, как это положено по церковному уставу, а на север. Почему? Легенда гласит о том, что князь Василий Ярославович во время охоты в районе Запрудни увидел чудотворный образ Федоровской Божьей Матери. К этому месту, где явилась ему икона, и были обращены алтари. От врат до церковного входа прихожане шли по каменной мостовой, выложенной путиловской плиткой. Здесь было два садика, огражденных балюстрадой. В летний зной богомольцы отдыхали тут в прохладе. Внутренности храма могли бы поразить нас своей роскошью, своим богатством. Он сиял от золота и серебра.

Вот небольшое описание образа чудотворной иконы, сделанное священником П. Островским: «У образа Пресвятыя Богородицы оглавие низано жемчугом большим, а во главе камень изумруд не мал; шесть изумрудов не велики в золотых гнездах, камень дал не мал в золотом гнезде, камень яхонт лазорев на восемь граней да четыре яхонта лазоревы не малы в золотых гнездах, одиннадцать яхонтов малых червчатых в золотых гнездах, у оглавия висюльки сорок одно зерно бурмитского жемчугу, на золотых спях ожерелье жемчужное. Жемчуг большой на золотой цке. На том ожерелье, на другой стороне, крест серебряный литой золочен, обнизан жемчугом...»

Оклад и риза образа с украшениями оценивались в начале века в 25 тысяч рублей серебром. Драгоценностям, которые здесь хранились, нет цены, чтобы перечислять их поименно, потребовалось бы много места и времени. Надобно сказать, что Успенский собор горел в восемнадцатом веке. 18 мая 1773 года храм охватил пожар. Погибло много икон, церковной утвари, огонь растопил колокола, причем и самый большой, в 1000 пудов весом. Но самые ценные иконы удалось спасти. По высочайшему указу Екатерины II на восстановление храма казна выделила 12 тысяч рублей. В Кострому съехались лучшие мастера. И через несколько лет храм был восстановлен.

Через три года после пожара мещанин из посада Большие Соли Степан Воротиллов приступает к строительству храмовых сооружений, каких Кострома до тех пор не знала. 14 лет работают каменщики, штукатуры, кровельщики, живописцы на высоком волжском берегу, рядом с Успенским собором. Но вот убраны строительные леса, сделаны все внутренние работы. И перед изумленными костромичами, гостями губернского города предстало величественное творение провинциального русского зодчего - Богоявленский собор.

Новый Богоявленский храм - теплый, с большим куполом, одноглавый. Рядом встали два каменных двухэтажных дома. Вокруг этих соборных домов возведена каменная белая ограда с железными решетками. Между домами небольшой сад. Чуть поодаль каменная

часовня, в которой продаются свечи. Прихожане входят в Богоявленский храм через боковые крыльца. Полы в притворе, в храме и алтаре выложены чугунными плитами. На это пошло три тысячи пудов чугуна. В храме стены отделаны мрамором, из мрамора также столпы и своды. Алтарь также убран мрамором с золочеными медальонами и розетами по белому карнизу (10 тысяч рублей потрачено на мрамор.) Днем богатый украшениями храм хорошо освещен. Здесь 10 окон. В ночное же время горят 16 лампад и два медных отсеребренных паникадила, 30 пудов каждый.

В обилии украшений новый храм не уступает Успенскому собору. Куда ни взглянешь - везде тускло поблескивает золото, стоят бесценные золотые 84-й пробы сосуды. А вот подарок купца А.А. Акатова - золотой напрестольный крест 94-й пробы. Стоимостью 1 400 рублей серебром.

Что еще может привлечь внимание? Евангелия, украшенные серебром (здесь их 12), серебряные блюда, подсвечники, кадила, ковчег, ладаницы, панагии, напрестольные кресты, плащаница из золота и серебра по малиновому бархату. Всего не перечислишь. Украшением же Костромы стала колокольня Богоявленского собора. Первый ярус состоит из пилястр дорического стиля. Второй ярус - из 20 колонн ионического ордера. Третий - из 16 коринфского ордера. Последний ярус из восьми сложных колонн. Выше четвертого яруса - квадратный мыгиб, который образует четырехсторонний парапет византийского стиля. Здесь вмонтированы часы с золотыми стрелками на темном фоне, костромичи каждый час, полчаса и четверть часа слышали их мелодичный бой. Дальше уже был золоченый шпиль, который венчал восьмиконечный крест.

А теперь давайте по винтообразной лестнице поднимемся наверх, выйдем на площадку второго яруса (площадки для обзора были на 2, 3 и 4 м ярусе). Обопремся на массивную железную решетку и посмотрим на Волгу. Увидим внизу паром, разноцветные пристани у берега (каждое пароходное общество красило дебаркадеры в определенный цвет), белые пароходы, песчаные косы. Пройдемся по балкону. В угловых тумбах стоят вазы из листового железа. Их свыше сорока на колокольне. Тумбы и решетки покрыты плитами из белого камня. А теперь сойдем на широкий деревянный помост с балюстрадой, пройдем по нему (он устроен на крыше Богоявленского собора), обдуваемые свежим волжским ветерком. Дойдем до круглого храмового фонаря, откроем высокую белую дверь и сразу же попадем в светлое просторное помещение с семью большими окнами. В самом куполе еще восемь окон. В круглой ротонде мы увидим в шкафах тысячи книг на русском, латинском и греческом языках. Это библиотека. Здесь можно посидеть в тишине, почитать, поразмышлять над смыслом жизни.

Но давайте посмотрим еще два яруса, на третьем мы увидим колокола общим весом в 2400 пудов. Самый большой весит 1160 пудов, а самый маленький - 10. Если звон, как говорят, был слышен на многие километры, то у звонницы он был, конечно, оглушительным. На

четвертом - мы можем увидеть механизм колокольных часов. Их создали в 1818 году тульские мастера Полутины. Здесь же можно увидеть самое интересное - телескоп. Приложимся к окуляру. Что это за город перед нами возник? Не удивляйтесь увиденному на горизонте - Ярославль с его домами и храмами. Устав от высоты, насмотревшись всего, спустимся вниз и отдохнем в саду или побродим по уютным закоулкам храмового ансамбля. Впечатление от увиденного останется надолго...

Оставалось бы оно и у наших потомков, если бы не трагедия 1934 года. В городе было уничтожено 29 храмов. Полностью. Остальные почти все дошли до нас в полуразрушенном состоянии. В начале тридцатых годов антирелигиозная пропаганда достигает своего апогея. Городской совет воинствующих безбожников работает не покладая рук. Атеистическая агитация ведется на фабриках и заводах. Население собирает деньги на строительство подводной лодки «Безбожник». В 1930 году горисполком принимает решение о сносе соборных зданий на волжском берегу. В одном из пунктов записано, что делается это с целью приведения в порядок парка им. Ленина и строительства нового кинотеатра. В это время рядом с собором открыт памятник В.И. Ленину. Издалека видна его одиннадцатиметровая фигура на мраморном постаменте.

Идет пятилетка по антирелигиозной пропаганде. Партаппаратчики каждый месяц обсуждают на бюро горкома атеистические вопросы, а под носом у них совместились несовместимое - стоят храмы, сверкают купола и кресты, а рядом (в нескольких метрах) затерялась среди них бетонная статуя вождя. Все это, очевидно, подвигает партийцев на мысль снести храмы. Можно со всей основательностью сказать, что если бы памятник В. Ленину был поставлен не в парке на волжском берегу, а в другом месте - мы бы и сейчас любовались красотой архитектурного шедевра Воротилова и русских каменщиков.

Но случилось то, что случилось. Зная, что кафедральный собор обречен, что он существует последние дни, костромичи в начале июня 1934 года кучками и в одиночку идут прощаться с ним. Двое архитекторов - москвичи Чижов и Чудаков - ведут обмеры храмов и колокольни, чтобы сохранить чертежи для потомков (они находятся сейчас в Москве, в Донском монастыре).

Ранним утром 8 июня костромичи услышали глухой мощный взрыв со стороны Волги. Жители с улицы Чайковского бросились к окнам и увидели облако пыли на том месте, где стояла колокольня. Потом еще взрыв. К развалинам собора никого не подпускали. После уничтожения храмов среди костромичей стали ходить легенды. Одни говорили, что храмы взорвал некий эсер в отместку за свою погибшую семью. Другие уверяли, что в Москву было послано письмо о готовящемся взрыве собора, но когда пришел ответ о сохранении шедевров архитектурного зодчества, то собора уже не было. К сожалению, никаких документов об уничтожении памятников архитектуры в наших архивах не сохранилось.

Кирпич, как говорят, пошел для фундаментов зворыкинских домов. Теперь на месте соборов - пустырь, заросший травой. В прошлые годы на этом месте останавливался передвижной зверинец. Теперь этого не делают, зато ставятся летние пивные ларьки.

В последнее время снова слышны голоса за восстановление соборного ансамбля Костромского кремля. Первое общество по возрождению храмов было создано летом 1990 года, и возглавил его преподаватель технологического института Чижов. Уже тогда был открыт счет, готовились к раскопкам. Через два года все собранные деньги превратились в копейки, и общество прекратило свое существование. Теперь снова создан комитет по возрождению храмов. Откуда в наше время комитет возьмет сотни и сотни миллионов рублей - это загадка. Мне кажется, было бы разумней построить в парке пинильон, где и поставить большой макет бывшего храмового ансамбля. Разместить там фотографии и т.д. Здесь же можно было бы продавать и миниатюрные макеты соборов иностранным туристам, богатым гостям города. Тут и туристам, и костромичам было бы что посмотреть.

И еще. Давно бы пора провести раскопки на территории Костромского кремля. По всей видимости, археологов будут ждать удивительные находки и открытия, которые станут сенсацией не только для костромичей, но и для всех россиян.

В ПОИСКАХ ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА

На карте Сибири есть уголок, который всегда привлекал моё внимание, - это маленький северный посёлок с экзотическим названием Ванавара; от него до эпицентра Тунгусской катастрофы, где нашёл последнее пристанище таинственный космический пришелец в далёком уже 1908 году, как говорится, рукой подать. Два дня пути по таёжной тропе. В молодости мечтал когда-нибудь побывать там. Но время ушло, и мечта осталась мечтой, как это у многих бывает. Ванавара по-прежнему оставалась для меня манящей точкой на карте. И вдруг знакомлюсь с Иваном Тимофеевичем Рысенко, он выкладывает передо мной свои дневники и фотографии.

- Это Ванавара. А это я сижу в Ванаваре у домика КСЭ. С этими ребятами я ходил на место падения Тунгусского метеорита.

- А что такое КСЭ?

- Комплексная самодеятельная экспедиция. Дело в том, что до шестидесят второго года в район Тунгусской катастрофы ходили научные экспедиции, которые субсидировало государство. Четыре раза бывал здесь известный учёный Леонид Алексеевич Кулик.

Пятая экспедиция под руководством К. П. Флоренского была снаряжена к месту взрыва в пятьдесят восьмом году. Через пятьдесят лет после падения космического тела. Она была оснащена самыми современными приборами. После исследований было сделано

авторитетное заключение, что метеоритных осколков в этом районе нет и дальнейшие поиски их бесперспективны. Повышенной радиации на месте взрыва тоже не было обнаружено. И ещё. Экспедиция пришла к выводу, что Южное болото образовалось естественным путём. Задолго до взрыва. И вообще на землю ничего не падало...

- Как?

- Взрыв произошёл на огромной высоте. Это подтверждает и так называемый «телеграфный» лес в эпицентре взрыва, обнаруженный ещё Куликом. Но он тогда не мог объяснить его существование. Объяснение нашлось после испытаний атомных бомб над землёй. Взрывная волна валит все деревья, находящиеся под углом к ней, а под местом взрыва распространяется вдоль ствола, обрывая ветки, сучья, и деревья после этого напоминают телеграфные столбы. Кстати, не так давно была обнаружена запись в книге регистраций Иркутской магнитологической обсерватории. Она сделана в 1908 году. Так вот, по разности прихода в Иркутск сейсмической и воздушной волны было определено, что взрыв космического пришельца произошел на высоте около 10 километров. Высвободилась огромная энергия. Словно взорвалось около ста атомных бомб, которые были сброшены на Хиросиму. Температура в момент световой вспышки была несколько тысяч градусов. Как на фотосфере солнца... В общем после седьмой экспедиции в шестьдесят втором году государственное субсидирование научных исследований было прекращено. И тогда в тайгу, к месту катастрофы, на поиски тайны века пошли просто увлечённые люди, любители-одиночки, из которых и стали составляться комплексные самодельные экспедиции.

- Трудно в них попасть?

- Нет. В первый раз я потратил весь свой отпуск и добрался только до Кежмы. А через три года завтракал в Иркутске, а ужинал уже в Ванаваре. С самолёта на самолёт, и через девять часов был в «столице метеоритчиков» - так зовут этот посёлок. Там как раз ночевали студенты, собирающиеся идти к эпицентру взрыва. Сразу нашёл с ними общий язык.

- Траты большие были?

- Двухсот рублей хватило. И на дорогу, и на еду.

- Романтика дорог увлекала? Или тайна тунгусского дива?

- Конечно же, второе. У меня профессиональный интерес к этому необыкновенному явлению природы. Я физик теоретик.

- Сколько гипотез о Тунгусском метеорите?

- Свыше ста. Есть очень оригинальные, захватывающие человека при первом знакомстве. Есть прямо фантастические. Есть совсем абсурдные, которые назвать научными неудобно. Основные же три: метеоритная, ядерная и кометная.

- Какой гипотезы придерживаетесь вы?

- Теории плазмоида.

- Что это такое?

- Сгусток солнечной плазмы оторвался от светила и достиг Земли. Это вполне возможно. И тогда все явления объясняются наиболее полно. Мощная взрывная волна. Чрезвычайно высокая температура. Световые эффекты – светлые ночи на тысячи километров, нарушение магнитного поля Земли, повышенный прирост древесины. Последнее – самая настоящая загадка, которую не может объяснить ни одна гипотеза. Кстати, космическое тело, вызвавшее такую катастрофу возле Подкаменной Тунгуски, до сих пор называют Тунгусским метеоритом. Но это по привычке. От метеорита не может быть пожаров. Он падает на землю чуть тёплым. А внутри его температура космоса – знаете какая? Минус 273 градуса! Абсолютный ноль!

- Между прочим, теорию плазмоида, я синтезировал с другой гипотезой – катастрофой инопланетного корабля, который перемещался не с помощью ядерной установки, как об этом заявил известный писатель-фантаст А. Казанцев, а – плазменной. В тайге за Ванаварой есть два лесных вывала – Шишковский и Куликовский. Друг от друга они находятся на расстоянии 120 километров. Стволы поваленных деревьев лежат на огромной территории. Известно так же и место соприкосновения космического пришельца с Землёй – это район реки Мутарай. Терпя аварию, инопланетный корабль выбирает место, наиболее удалённое от крупных населённых пунктов, болотистое и на высоте 20 километров начинает освобождаться от топлива, чтобы уменьшить суммарную мощность взрыва. Первый сброс. Затем второй сброс. (Самолёты, между прочим, тоже освобождаются от груза бомб, когда совершают вынужденную посадку.) Следуют взрывы над тайгой. Освободившись от плазменного горючего, инопланетный корабль падает на землю. Двадцать лет назад, когда Иван Тимофеевич в первый раз отправился в Ванавару и, как мы знаем, не добрался, он встречался с очевидцами падения Тунгусского тела. Много услышал от них любопытного. В Киренске (а это в 550 км от эпицентра взрыва) были разбиты стёкла в окнах, обращённых в сторону взрыва. Пала посуда с полок и разбивалась. На Ангаре поднялась волна, которая разбила в щепки множество лодок. В Ванаваре силой взрыва охотник Семёнов был сброшен с крыльца на землю, и у него было такое ощущение, словно на теле загорелась рубашка. В 35 км от эпицентра взрыва семья Эвенков вместе с чумом оказалась на дереве. Глава семьи сломал руку и лишился дара речи. Вокруг бушевал пожар. Эвенки в страхе покинули стойбище. Ещё Иван Тимофеевич узнал, что тайна космического пришельца была известна эвенкийским шаманам. И он нашёл одного, разговаривал. Но об этом чуть позже. В общем, будь один взрыв над тайгой – от Ванавары не осталось бы и следа, как и от многих других населённых пунктов.

На днях И.Т. Рысенко пришёл ко мне с газетой. «Смотри» - и развернул «Комсомольскую правду». Показал статью. Она о Тунгусском метеорите. «Эвенкийский охотник разгадывает тайну века!» - гласит подзаголовок. Оказывается, местный охотник Виталий Иннокентьевич

Воронов принёс вместе с пушницей сенсационную весть. Прошлой осенью во время охоты он наткнулся в нескольких десятках километров от посёлка Мутарай, в тайге, на огромную воронку, заросшую сосняком. Диаметр её почти 200 метров. Находится эта воронка как раз на пути полёта космического пришельца. Не в ней ли скрыта жгучая тайна XX века? Я (да и не только, я наверно) в последнее время с некоторым недоверием отношусь к сенсационным открытиям. Поэтому спросил у Ивана Тимофеевича:

- А есть ли вообще такой звенк?

- Есть, - сказал Рысенко и показал фотоснимок с маленькими звенкийцами. – Эту фотографию подарил мне Воронов. Я встречался с ним в последний раз на тропе Кулика...

- А что это за тропа?

- По ней впервые прошёл в двадцать седьмом году Леонид Алексеевич Кулик со своей экспедицией. Он шёл на поиск Тунгусского метеорита. Что из себя представляет тропа? Это чаще всего канава, заполненная водой. Места тут болотистые. И кругом тайга. В сторону вступить нельзя. Можно сразу же погрузиться в болото.

О своём походе Иван Тимофеевич рассказывает увлечённо.

- Раз в жизни в этих местах обязательно нужно побывать! Каждый прибывающий сюда романтик держит тайную мысль разгадать вековую загадку, которую хранит эта тайга. И Рысенко, конечно же, не был тут исключением. Ивана Тимофеевича пригласили посмотреть технологию анализа свежеработанной пробы земли. Он сел за микроскоп. Увидел крупный магнетитовый шарик – частицу вторгшегося в атмосферу космического гостя.

- А где вы там жили эти три дня?

- В эпицентре сохранились избы Кулика. Две просторные избы, кузница и лабаз.

Вот несколько строк из дневника Рысенко: «... Был прощальный ужин. Все уселись за столы уже в полной темноте. Горели костры. Серьёзные разговоры закончились. Были шутки, смех и песни. Пели под гитару песни, рождённые здесь: «Перекаты на Чамбе», «Прощай, Тунгусская тайга». Я слушал моих новых друзей, смотрел на искры от костра, поднимающиеся в звёздное небо. Хотелось запомнить в деталях, впитать в себя на всю жизнь эту необычную ночь, оставить в памяти голоса, улыбки этих увлечённых, сказочно выносливых, смелых и дружных людей. Временами угасал костёр, затихала песня, и в это время ещё явственнее ощущалась молчаливая, тёмная, суровая тайга. Думал: что же объединяет сидящих в слабых отсветах костра молодых бородачей, учёных мужей, девушек и подростков? На чём держится здесь безупречная дисциплина и безоговорочная исполнительность? Ведь никто здесь никому не приказывал. За всю 15-летнюю историю КСЭ был лишь один случай, когда парень бросил товарищей и уехал домой... Рассвет я пошёл встречать на гору Стойковича. Наступал обычный ясный летний день. Лучи восходящего солнца освещали

вершины таёжных сопок, которые уходили к горизонту грядями. Внизу у подножия нашей горы в клубах розового тумана виднелось обширное Южное болото – эпицентр взрыва Тунгусского метеорита...»

Иван Тимофеевич подал мне спиленный сук сосны.

- Вот. С того самого места. Это дерево помнило взрыв и пожар. Видите, обгорелое место в сучке? А это бусины с места захоронения шамана.

Подкаменная Тунгуска – дикий и почти необжитый край. Для японков он дом родной. Но самое удивительное то, что приезжающие сюда горожане очень быстро адаптируются.

- А трагические случаи были в тайге? – спросил я его.

- Нет. И это удивительно. Забавных случаев – сколько угодно... Впрочем, один трагический случай произошёл. В зимовье Куюмба был убит известный исследователь Тунгусского метеорита Виктор Григорьевич Коненкин, учитель по профессии. Уже в зрелом возрасте он увлекся проблемами Тунгусской катастрофы и посвятил этому делу пятнадцать лет своей жизни. Его гибель – по сей день загадка. Когда его нашли, на лице у него была блаженная улыбка. А в спине торчал нож. Человек, который был с ним в последний вечер накануне гибели, – застрелился. Остановились на версии, что его убили, приняв за золотоискателя. Но я встречал на реке Большая Ерёма, по которой плыл больше недели одного старого эвенка. Он знал Коненкина. Так вот эвенк утверждал, что его убили шаманы, потому что он приблизился к загадке тайны космического пришельца.

- Шаманы знали эту тайну?

- Говорят, что да. Им было что-то известно. Однажды на аэродроме в Ванаваре я узнал, что в местной больнице, в психиатрическом отделении, лежит старый шаман Иван Аксенов. Пришел в больницу. Гляжу, на кровати лежит маленькое высохшее тельце. Глаза слезятся от трахомы. Но я сразу почувствовал какое-то напряжение вокруг него. Мы остались вдвоем в палате. Я поздоровался по эвенкийски. Дома специально изучал эвенкийский язык. Назвал его уважительно – амикан. То есть дедушка, или медведь. Он услышал и сразу оживился. Я рассказал ему о себе, что я физик, а работаю преподавателем в военном училище, что я заядлый охотник и так далее. Специально так начал говорить, чтобы расположить к себе замкнутого шамана. Охота – это любимый конек любого эвенка. И он мне с час рассказывал о природе. Да так увлеченно, что я сразу понял, что он никакой не сумасшедший, такой же здоровый человек, как и я. Почему он находится в больнице? – подумал я. Может быть, потому, что пенсии у него нет. Пришла старость. А здесь ему тепло, кормят – вот и делает вид, что сумасшедший. В середине нашего разговора об охоте, когда он особенно увлекся и даже сел на кровати, скрестив ноги, я спросил: «А вы помните, когда огонь по небу летел на Чамбе?..» - «А как же! Я в то время как раз лося убил и начал свежевать. И у меня лодку о берег разбило. Он летел вот так...» Я достал планшет и начал быстро

наносить на схему линию полета космического тела. И вдруг шаман замолк. Я думал, что он не видит. А он, оказывается, все прекрасно видел, и как только понял, что я не охотник, а интересуюсь Тунгусским метеоритом, - все, ни слова больше не сказал. Сидел как истукан...

Как-то мне попали в руки воспоминания, написанные костромским учителем и краеведом Л. Колгушкиным. Там я нашел довольно любопытную запись. Вот она. «Однажды вечером в конце июня, сидя за вечерним чаем на своем излюбленном месте в саду, мы были напуганы каким-то шумом и хлопками вроде выстрелов, которые с большой скоростью приближались с запада. В те времена не летали ни самолеты, ни тем более ракеты. Мы все подняли вверх головы и увидели, как какой-то раскаленный огненный шар, очень напоминающий по величине и форме наш медный самовар, со стремительным шумом промчался в восточном направлении, оставляя за собой длинный светящийся хвост. Мы все были поражены этим явлением, не зная, на что подумать. А через несколько дней узнали, что в Сибири в районе подкаменной Тунгуски упал необычайной величины метеорит...»

Был ли это тот самый таинственный тунгусский пришелец или его осколок или что-то другое? Сказать трудно. Однако известно, что в лесах под Кологривом в 1908 году тоже упал метеорит. Место его падения изучали ученые. Был у воронки и Иван Тимофеевич. Он не отбрасывает мысли, что поиски кологривского метеорита могут когда-нибудь привести к разгадке тайны Тунгусского чуда и его таинственного маневра, сделанного перед самым падением.

Между прочим, энтузиасты, занятые поиском Тунгусского метеорита, поют сейчас песню на слова Л. А. Кулика. Он сочинил это стихотворение еще в 1922 году. А музыку написал художественный руководитель Костромской филармонии Игорь Баранов.

Гром! Встрепенулась тайга и затихла.
Пламя! Свет Солнца ослаб и померк.
С грохотом мчится по небу светило,
Сыплются искры и тянется след...

Кажется, никто из костромичей, кроме И. Д. Рысенко, не шел еще по тропе Кулика и не встречал восход солнца в эпицентре Тунгусского взрыва.

Но не исключено, что такие романтики – путешественники-одиночки могут появиться. Тайна века пока еще не открыта и зовет к себе.

ЖЕРТВЫ ЛАЙНЕРА «БЕРЛИН»

Выйдя на пенсию, Владимир Григорьевич Назаров, бывший первый секретарь Костромского райкома партии, большую часть времени летом проводит в деревеньке возле Караваево, в старом доме. Там он написал воспоминания о людях района. Есть у него еще одни воспоминания, связанные с германским круизным лайнером «Берлин», на котором во

в времена расцвета нацистской Германии организация «Сила через радость» отправляла немцев в туристическое путешествие к островам Полинезии в Южные моря... Спустя десятилетия, в мирные 80-е годы, этот лайнер унес жизни сотен советских людей.

В войну «Берлин» стал госпитальным судном. Весной 1945 затонул на Балтике. Наверное, не было бы смысла вспоминать эту историю (сколько кораблей утонуло во время войны!), если бы не одна мистическая деталь, связанная с советским круизным лайнером «Адмирал Нахимов», затонувшим темной августовской ночью 1986 года в Черном море, недалеко от Новороссийска...

В 1945 году В. Г. Назаров был молод, крепок здоровьем, работал водолазом А до этого, еще во время войны, закончил школу водолазов и первые спуски под воду у него были на Ладоге, на так называемой «Дороге жизни». После первого спуска долго не мог прийти в себя – увидел на дне машины с мешками, останки шоферов в кабинах, трупы детей и стариков в кузовах. Сотни людей и десятки машин ушли под лед на «Дороге жизни» при налетах немецкой авиации. После освобождения Риги матрос В. Г. Назаров восстанавливал понтонный мост через Даугаву, теперь на этом месте стоит красавец мост, которым все проезжающие по нему восхищаются. А после взятия Кенигсберга аварийно-спасательный отряд, в котором состоял матрос - водолаз, начал поднимать затопленные вдоль берега суда. Вот тогда и поступил приказ поднять со дна моря один из первоклассных пассажирских лайнеров Германии – теплоход «Берлин». Он затонул возле Свинемюнде. Глубины тут были небольшие – верхние надстройки судна виднелись над поверхностью спокойного моря. После первых погружений водолазы обнаружили в носовой части большую пробоину. Видимо, теплоход торпедировала в море наша подлодка, но он все же дошел до Свинемюнде, где получил вторую торпеду – рядом с машинным отделением – после чего затонул.

Поднимать такую громадину было нелегким делом. У судна было восемь палуб. Длина – 174 метра. Ширина – 21 метр, высота – свыше 14 метров. Водоизмещение – 235 тонн. На судне было тринадцать отсеков, разделенных водонепроницаемыми перегородками. Водолазы герметизировали и осушали отсеки. Закрыли все люки и иллюминаторы. Завели пластыри. На всю эту работу ушло несколько месяцев. В новогоднюю ночь 1947 года на спасательных судах слышались ликующие крики: из под воды показался нос гигантского теплохода. И вдруг водолазы обнаружили течь в одном из отсеков. Под воду ушел старшина 2-й статьи Т. Старченко. По телефону водолаз сообщил, что находится под днищем судна и начинает заделывать трещину у полувсплывшего лайнера.

Неожиданно под кормой раздался оглушительный взрыв и огромный лайнер снова опустился на грунт, придавив днищем водолаза. Моряки на спасательных судах оцепенели. Страшная смерть товарища потрясла всех.

И вдруг случилось чудо!

В телефоне слышались какие-то странные шорохи, а затем все, кто стоял на палубе спасателя, услышали голос Старченко. Не с того ли света он говорит, мелькнула кое у кого мысль. Но водолаз сообщил, что он оказался в небольшой яме и это спасло ему жизнь. Но видимо, не на долго, потому что днище лайнера вдавливаются в ил и скоро его раздавит – у него уже погас подводный светильник. Через некоторое время он сообщил, что туша судна вдавливает его в ил и становится трудно дышать. Но друзья уже спешили ему на помощь. Под водой исчез водолаз с гидромонитором и сразу же стал отмывать грунт под днищем, делая туннель к попавшему в беду товарищу.

Три часа пролежал Старченко под днищем «Берлина», пока, наконец, не почувствовал сбоку струю воды от гидромонитора.

Когда его подняли наверх, обрезали брассы и вспороли рубаху – он еще улыбался и пытался шутить. Но силы его оставили и он потерял сознание.

А взорвался на корме судна фугас, оставленный немецкими моряками специально для советских водолазов.

Еще месяц работ, и судно снова подняли. А в стране, между тем, уже делали первые шаги дети, которым суждено было через несколько десятилетий взойти по трапу на борт этого лайнера и отправиться в путешествие, из которого они уже не вернулись.

Звездной августовской ночью 1986 года из Новороссийска вышел в море круизный лайнер «Адмирал Нахимов». В семи милях от порта, еще не развив скорость, он столкнулся с сухогрузом «Петр Васев». Удар сухогруза, который вез зерно, был настолько сильным, что в корпусе «Адмирала Нахимова» появилось рваное отверстие площадью почти 80 квадратных метров. В эту пробоину устремились потоки теплой черноморской воды – почти 30 тысяч кубометров в минуту, как подсчитали потом специалисты. Некоторые туристы уже спали в каютах, другие сидели в барах или танцевали на площадке под стеклянным куполом, а в это время мощный поток воды разрушал переборки, вода мгновенно затопляла коридоры, машинное отделение, котельную. Лайнер тонул, освещенный электрическими огнями. Через несколько минут все было кончено.

Спаслось 836 человек.

Утонули 423 пассажира.

Из них свыше трехсот разделили судьбу судна и покоятся теперь в каютах и в салонах затонувшего теплохода, который лежит в нескольких милях от берега, на глубине 47 метров...

В 1947 году советские водолазы подняли «Берлин» в короткие сроки. Ему дали новое имя – «Адмирал Нахимов». Говорят, он делал последний круизный рейс. Его должны были списать. Не успели. Старый «Берлин» (построен на судовой верфи «Бремен – Вулкан» спустя 13 лет после гибели в 1912 году знаменитого «Титаника») снял-таки свою последнюю жатву. Он покоится на черноморском дне уже 17 лет.

Решено – его уже не будут поднимать.

ПОЗЫВНЫЕ ДИРИЖАБЛЯ «ИТАЛИЯ»

В просторной гондоле дирижабля «Италия», который летел над большими льдами Северного Ледовитого океана, было солнечно, члены экипажа (шестнадцать человек во главе с конструктором дирижабля генералом Умберто Нобиле) испытывали радость и даже не пытались этого скрывать. Позади остался Северный полюс, где был сброшен итальянский флаг и большой дубовый крест. Полюс покорён, итальянцы на родине торжествуют, и экипаж с чувством выполненного долга немного расслабился: кто-то читает, кто-то занят своими лабораторными исследованиями. Нобиле смотрит в лобовое окно, пытаясь увидеть чёрные скалы Шпицбергена. До базы в Кингсбее остаётся 40 миль,

И вот тут как из рога изобилия посыпались неприятности. Начался туман. Его сменила пурга. Неожиданно послышался крик: «Заклинило руль высоты!» Дирижабль стал клевать носом. Потом ещё крик: «Дирижабль отяжелел!» Через минуту раздался страшный треск. Гондола стукнулась о торосы, разломилась, и люди стали падать вниз на лёд. А дирижабль, освободившись от лишнего груза, взмыл вверх и скоро скрылся из виду, унося с собой шестерых человек, находившихся в конце гондолы. Лежавшие на снегу люди искренне им завидовали - те спасены. Но никто больше этот дирижабль уже не встречал; где он упал - эта тайна так и не раскрыта до сих пор.

А между тем перепуганные, потерявшие всякую веру в своё спасение итальянцы, швед и чех уныло ходили в торосах, подбирая то, что выпало из гондолы: красную палатку, спальные мешки, кое-что из еды, и вдруг радист Бьяджи радостно закричал:

- Радиостанция лежит!

Несколько часов понадобилось ему для ремонта. И вот он передал первый сигнал «SOS. «Италия!» Судно «Чита ди Милане», которое находилось на Шпицбергене и следило за полётом, не услышало зов потерпевших дирижаблекрушение. Странно, они слышали голоса многих станций, но их не слышал никто. Через два дня Бьяджи сказал генералу:

- Скоро сядут аккумуляторы...

И оба поняли - это конец! Льдину, на которой они находились, уносило в сторону архипелага. Надеяться было не на что.

Радист подал несколько сигналов в эфир «SOS. «Италия». Их поглотила магнитная буря. А на «Чита ди Милане» эфир уже не прослушивали, считая экипаж погибшим. Трое во главе со шведом Мальмгреном и отправились на поиски земли. Через две недели швед ослеп, снял унты и положил голые ноги на снег. Они были обморожены. Он попросил оставить его. Двое итальянцев пошли

дальше. А между тем рация в красной палатке ещё работала, и Бьяджи поймал сообщение из Сан-Паоло, от которого все приободрились (некоторые были ранены, а Нобиле лежал со сломанной рукой и ногой), «Советское правительство, - громко, чтобы все слышали, закричал радист, - информировало итальянское правительство о том, что сигнал бедствия с дирижабля «Италия» был пойман советским радиолюбителем в ночь на 3 июня».

После этого в район бедствия полетели шведские самолёты. Советское правительство направило к Шпицбергену ледокол «Красин». Руал Амундсен вылетел на поиск итальянцев на самолёте «Латам». (Это был его последний полёт. Самолёт исчез в просторах Арктики. И только несколько лет спустя норвежские рыбаки нашли в одном из фиордов поплавки от «Латама», принесённый прибором, - вот и всё, что осталось от великого полярного путешественника).

Сотни мощных радиостанций на земле и на кораблях, тысячи радиолюбителей искали в эфире позывные попавших в беду членов экипажа «Италия», но услышал их только молодой паренёк из Вохмы - тихий, скромный и застенчивый - Николай Шмидт, поселившийся здесь совсем недавно. Вообще провидение всю жизнь заботилось об итальянском дирижаблестроителе Умберто Нобиле. Всё ему давалось. И даже в минуты опасности там, на льдине, когда смерть уже поглядывала на людей из-за торосов, внезапно пришло спасение из далёкого костромского села.

Как пишет Нобиле в своей автобиографической книге «Крылья над полюсом», весной 1924 года у него впервые возникла идея о полёте на Северный полюс на дирижабле собственной конструкции. По совпадению, именно весной 1924 года Николай Шмидт переезжает со своей семьёй в Нижний Новгород, где впервые в России была создана радиотехническая лаборатория.

Здесь, в Нижнем, многие тогда строили детекторные приёмники. А Николай каким-то чудом построил ламповый.

Останься он в городе, скорее всего, из него бы вышел крупный инженер или учёный, благо, что путь в институт ему был открыт, но после смерти отца мать забирает троих своих сыновей и уезжает в село Заветлужье, что стояло в 35 километров от Вохмы. Здесь, считала она, легче прокормить и вырастить ребят. Хоть Вохма была и близко, но вряд ли бы Николай поехал туда. Скорее всего, он отправился бы снова в Нижний, где уже были друзья, или в Москву. Но неожиданно из Вохмы приезжает мистический гонец - Михаил Смирнов, семнадцатилетний юноша. Он приезжает к родителям (в Вохме он учился), знакомится с Николаем, и с первого же дня они становятся друзьями, что называется, не разлей вода. А как это часто бывает в жизни, более волевой, энергичный, расторопный друг увлекает за собой тихоню-приятеля. Николай Шмидт приезжает в Вохму, устраивается на работу киномехаником. Ещё недавно жил в Вохме Григорий Меркушев, один из близких знакомых Шмидта. По свидетельству Н. Григорьевой, которая

по крупицам собирала данные о жизни Николая Шмидта. Григорий бывал у радиолобителя, видел, как тот ковыряется в кристаллике иглой, а потом надевал приятелю наушники, и тот слушал морзянку, летевшую, может быть, из далёкой Бразилии или Австралии. А Николай организовал у себя дома радиокружок и научил многих вохомцев отстроить детекторные приёмники, владеть телеграфным ключом. Комната его была завалена радиодеталями, чертежами, журналами, в том числе и зарубежными. Когда Умберто Нобиле в первый раз полетел с Амундсеном на дирижабле «Норвегия» на Северный полюс, вохомский радиолобитель собрал ламповый радиоприёмник. Через год им и принял он сообщение о катастрофе в Ледовитом океане.

Поздним вечером Николай сидел за своим коротковолновым приёмником, слушал эфир и вдруг услышал: «SOS. «Италия»...» Разволнованный Николай побежал к своему другу Григорию Меркушеву, вместе они отправились на почту и написали телеграмму в «Общество друзей радио», его представителю Я. Мукомолю.

Но не тут-то было. Телеграфист отказался передавать телеграмму в Москву, посчитав её глупой шуткой. И только после обращения к начальнику почты телеграмма улетела в столицу. А на другой день на почте в Вохме начался трамтарарам. Телеграф принимал одну телеграмму за другой - от Я. Мукомоля, ОСОВИАХИМа, редакций газет, даже от Наркомата иностранных дел, который прежде запросил биографические данные Николая Шмидта.

Сообщения, принятые Н. Шмидтом с просторов Ледовитого океана, были переданы Комитету помощи «Италии», который возглавлял Н. Уншлихт, а тот уже через Совнарком передал в итальянское консульство. Четвёртого июня Рим узнал, что Нобиле с частью экипажа жив и ждёт помощи. В их поисках приняли участие двадцать один самолёт и шестнадцать судов. Четырнадцать человек при этом погибло. Всех участников экспедиции на «Италии» снял с льдины ледокол «Красин». У. Нобеле вывезли на Шпицберген самолётом.

После завершения ледовой эпопеи в Москве в Большом театре был устроен торжественный вечер в честь спасателей. Приглашены были на него и Николай Шмидт с приятелем Григорием. Явились они по-деревенски одетыми, с вещмешками за спиной. Я. Мукомоль, встретивший их, дал денег друзьям и отправил их в «Мосторг», наказав купить себе по костюму, по сорочке и галстуку, а также новые ботинки. У них хватило еще денег постричься и побриться - вот такими денди предстали они на сцене Большого театра, где сидели итальянцы и красинцы.

Зал аплодировал им. Обоим дали по грамоте. Николаю еще - золотые часы.

Несколько месяцев они жили в Москве, а затем их отправили на работу в Ташкент, на научно-испытательную станцию.

Н. Шмидт устанавливал связь между районами, помогал геологам, речникам и, говорят, участвовал в боях с басмачами. Тут, в Ташкенте, и теряются его следы.

А генерал У. Нобиле в 1930 году, уйдя из армии и рассорившись с Муссолини, уезжает в Советский Союз как жертва фашизма и работает в качестве эксперта по воздухоплаванию. Он вступил в итальянскую компартию, избирался в национальное собрание и умер в середине 70-х годов, когда дирижаблестроение уже ушло в романтическое прошлое.

ПРОИГРАННАЯ ОПЕРАЦИЯ

ОТТО СКОРЦЕНИ

Это рассказ о костромиче, капитане госбезопасности, человеке, который повлиял на ход мировой истории в конце войны. Ибо, готовя операцию под кодовым названием «Цеппелин», любимец Гитлера штандартенфюрер СС Отто Скорцени заявил, что его диверсия вызовет развал Советского Союза и обеспечит Германии победу в войне.

Он не блефовал. Он освободил из-под ареста Б. Муссолини, вывезя его из высокогорной крепости на легком самолете. Он похитил венгерского диктатора Хорти, когда тот решил сдать Будапешт советским войскам. Наконец, он с группой диверсантов парализовал на длительное время движение целой армии на Западном фронте. Его боялись во всех странах антигитлеровской коалиции. Он был умен, хитер и бесстрашен.

Продумав до тонкостей всю операцию «Цеппелин», в результате которой должен быть уничтожен И.В. Сталин, штандартенфюрер СС не мог предположить, что где-то в смоленских лесах приведенный им в движение механизм (на Скорцени работали сотни людей и были израсходованы миллионы марок) не сработает из-за настырности и какой-то алогичности в мышлении неприметного капитана — этой маленькой песчинки в бушующем океане войны.

Но об этом противостоянии штандартенфюрера СС Скорцени и русского офицера позднее. А пока мы отправимся в Берлин, где в большом кабинете на Потсдамель-штрассе, 28, сидит Отто Скорцени, а напротив него — молодой, плотно сбитый мужчина с открытым русским лицом в форме майора Советской армии — Петр Таврин. Ему чуть больше тридцати. До войны он работал начальником геологоразведочной партии на Урале. За растраты был осужден, бежал из лагеря, сменил фамилию (прежде была — Шило) и под новой фамилией был призван в Красную армию. На Калининском фронте был в разведке и при удобном случае (им как раз заинтересовались в Особом отделе — почему сменил фамилию) перешел к немцам. Его направили в лагерь для военнопленных, где он встретился с генералом Власовым.

Таврин уже дважды разговаривал со штандартенфюрером СС. Это была их последняя встреча. Скорцени с удовлетворением смотрел на своего агента — его долго готовили, и он был теперь в хорошей форме. Может быть, немного перестарались с наградами — но ничего. На гимнастерке Таврина была золотая звезда Героя Советского Союза, орденом Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу». Если другим агентам давались поддельные ордена, то у Таврина были подлинные. В Москву он должен был следовать с документами на имя заместителя начальника контрразведки «Смерш» 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта. Оружие, мотоцикл, самолет специальной конструкции ждали его в Риге.

Скорцени попросил Таврина еще раз рассказать, что он должен делать в Москве. Таврин подробно объяснил. Проникнув на торжественное заседание в Кремль, он должен будет приблизиться к И. В. Сталину и стрелять в него отравленными разрывными пулями. Здесь же он должен будет открыть огонь и по другим членам правительства. У него было секретное оружие — «Панцеркнаке». Небольшой ствол кожаным манжетом закреплялся на руке под рукавом кожаного пальто. В стволе находился реактивный снаряд, который приводился в действие от специальной электрической батарейки, спрятанной в кармане пиджака. Стрельба производилась бронебойно-зажигательными снарядами, которые насквозь прошивали бронированные плиты толщиной 45 мм. Этим оружием он должен был расстрелять машину, в которой поедет И.В. Сталин и другие члены политбюро, если не удастся теракт в Кремле.

Однако полет над советской территорией немецкого самолета «Аррадо», в котором летел Таврин и его жена Лидия, радист в форме лейтенанта Советской армии, закончился неудачно. Его заметили и обстреляли. Загорелся мотор. При посадке в лесу у самолета сломалось шасси (оно было на гусеничном ходу — новинка), и он не мог больше полететь с лесной поляны. Летчики помогли Таврину выкатить мотоцикл немецкой марки. Лидия села в люльку, набитую оружием, радиоаппаратурой, документами, бланками, печатями, и спустя несколько минут террористы были уже на проселочной дороге, ведущей в районный центр Карманово Смоленской области...

Впервые о террористе Петре Таврине, засланном немецкой разведкой в СССР с целью убить И.В. Сталина, я узнал из журнала «Огонек». И тогда же мой знакомый из силовых структур (как теперь принято говорить) спросил меня:

— А вы знаете, кто арестовал Таврина?

— Нет. Об этом почему-то не пишут.

— Капитан Федосеев. Родом он из-под Красного. А сейчас живет в Костроме, на Подлипаева, Он уже давно на пенсии.

Узнал телефон. Звоню. Договариваюсь о встрече. На другой день поднимаюсь на лифте на шестой этаж. Нахожу квартиру. Меня

встречает небольшого роста человек, которому уже далеко за семьдесят. Большая голова крепко сидит на широких плечах, А взгляд пронизывающий, цепкий. Сели за стол. Я внимательно разглядываю человека, который в далеком 1944 году вступил в схватку с королем диверсантов Отто Скорцени и одержал победу.

— А как все это было? — спросил я.

— Как было? — Клавдий Федорович взглянул в открытую дверь балкона. Внизу виднелись деревянные дома и сады. — Я тогда работал начальником Кармановского райотдела НКВД. Рано утром, еще не было четырех, позвонили из Гжатского райотдела НКВД и сообщили, что на высоте 2500 метров обнаружен вражеский самолет. Потом опять звонок: «Самолет совершил посадку неподалеку от Карманова. Предполагается, что в нем находятся немецкие диверсанты. Срочно организуйте поиск». Я сразу же поднял своих людей — человек двадцать. Собрались все у здания райотдела. Обсуждаем, куда нам идти. Начало светать. Было прохладно, стояли первые дни осени. Вдруг вдалеке показался мотоцикл. Он ехал в нашу сторону. На скорости пронесся мимо. Мы только заметили, что за рулем сидел майор в кожаном пальто и рядом с ним молодая женщина — лейтенант. Дорога, по которой он ехал, вела в сторону соснового бора и там заканчивалась. Это мы знали. «Значит, сейчас развернется и подъедет к нам», — решил я. Так оно и получилось. Майор остановил мотоцикл возле нашей группы. Спросил, как проехать в Ржев. Это меня сразу насторожило. Может быть, это была его первая ошибка. Я представился, объяснил ситуацию и попросил предъявить документы. Он спокойно подает. Смотрю, майор из «Смерша». О, птица какая! Говорю, пойдете, вместе подумаем, как разыскать диверсантов. И ваш мотоцикл очень кстати будет. Мы, мол, безлошадные. Он на ходу расстегнул кожаное пальто. Блеснула звезда Героя Советского Союза на гимнастике.

Поговорили мы несколько минут. Я вижу, он очень уж торопится. И нервничает. Опять у меня подозрение появилось. Извинился перед ним — все-таки майор, а я капитан. Сказал, что должен еще задать несколько вопросов его спутнице — лейтенанту. Он пожал плечами. «Пожалуйста», —

говорит. А у меня, пока я с ним говорил, созрел план. Он ушел. Вошла женщина. Я перед ней положил на столе карту и попросил показать, по каким дорогам они ехали от дислокации своего штаба до Карманова. Она вроде бы как растерялась, но тут же взяла себя в руки.

- Я не могу вам этого раскрыть.

- Почему?

- Это тайна.

Какая же это тайна, думаю. Нет, тут что-то не то. Ее отправил вниз. Кивнул трем вооруженным ребятам, чтобы поднялись ко мне. И из окна попросил майора пройти еще для одного вопроса. Он вошел. На столе по-прежнему лежала карта. «Ваша спутница, — говорю, — отказалась сообщить маршрут, по которому вы ехали, покажите, пожалуйста...»

Вижу, и он замялся, скосив глаза на карту. Дорог там много. Почти все проселочные. Я-то их хорошо знаю. А чужому человеку сразу не разобраться. Прошло несколько напряженных секунд. И тут я понял, что передо мной — враг, и крикнул: «Руки вверх!» У дверей стояли наши ребята с винтовками наизготовку. «Вы с ума сошли, капитан. Вы отходите за это!» — закричал он. Но я свое. «Руки вверх или стреляю!» Тут он поднял руки, а в рукаве какое-то странное сооружение. Потом узнали, что это снаряд, пробивающий броню. За поясом у него оказалось три пистолета... Внизу на улице ребята арестовали женщину и привели ко мне. Я допросил их — каждого по отдельности. И тут узнал, что заброшены они на территорию страны с целью убийства Сталина.

— Что же он так легко сдался? — спросил я.

— А что ему оставалось делать? Ну, убил бы меня. Еще двоих. А у мотоцикла еще пятнадцать человек. Все равно бы скрутили.

Обыскали мы мотоцикл. А там чего только нет. Три чемодана с документами и вещами, 116 мастичных печатей, семь пистолетов, два охотничьих ружья центрального боя, пять гранат, одна мина и многое другое. Таврин попросил как можно скорее доставить его в Москву. Я поехал в Смоленск. Оттуда — в столицу. Все закрутилось, завертелось. Приехал начальник Смоленского НКВД, полковник Стыльников. Увез Таврина и его жену Лидию с собой. Увезли оружие, документы, деньги. Правда, грех на душу взял — один пистолет и сотню патронов к нему я оставил себе, отнес домой.

— Он и сейчас у вас?

— Нет. В сорок восьмом я ушел из органов. Пистолет и патроны — в пули отравленные были — я выбросил в болото, а сейчас сожалею. Сейчас бы отдал в музей, — Клавдий Федорович сощурился, словно вспомнил какую-то важную деталь. — Но я вот что никак не могу понять. Когда передавал оружие, вещи, документы и деньги смоленским чекистам, дважды пересчитал купюры в мотоцикле — у Таврина был один миллион рублей. Сам видел. А когда в 80-х годах приехал в Москву, пошел на Лубянку, где мне дали из архивов папку с моим допросом Таврина, я вдруг читаю, что у него было изъято 428 тысяч 400 рублей. А где же остальные деньги? Полмиллиона в те года ой-ой какая сумма была. Спросил своего товарища, который до больших чинов дослужился. А он руками развел: «Кто его знает, может, Берия, может, Меркулов поживились».

После поимки Таврина Клавдий Федорович работал в спецотделе, где готовил уже своих агентов и лично перебрасывал их в тыл врага.

Судьба

Петра и Лидии Тавриных такова: они в течение семи лет участвовали в радиоигре с Западом. Принесли много пользы чекистам. Например, благодаря Таврину на территории СССР были раскрыты многочисленные группы диверсантов. Однако в феврале 1952 года на открытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР

без участия гособвинения и защиты обвиняемых Петра Таврина и его жену Лидию приговорили к высшей мере наказания.

Таврин был расстрелян 28 марта 1952 года, его жена — 2 апреля. Это из официальных документов. Но Клавдий Федорович убежден, что их не расстреляли. Они слишком много сделали для службы госбезопасности. Повторяю, так думает бывший чекист Клавдий Федорович Федосеев, имевший, в свою очередь, также легенду о рождении, учебе, работе, жизни и второй паспорт на имя Юрия Петровича Снегова, по которому мог бы свободно жить, навсегда распрощавшись со своим настоящим именем.

Клавдий Федорович, несмотря на свои 80 с лишним лет, достаточно бодр и энергичен, каждый день совершает дальние прогулки и может вести многочасовые беседы.

Его же соперник Отто Скорцени последние годы жил в Испании; занимался коммерцией и умер в 1975 году, оставив после себя книгу «Воспоминания».

И последнее. Действительно, во всей этой истории немало загадочного. Например, в официальных документах почему-то все фамилии людей, бравших Таврина, вымышленные. (Правда, в смоленском музее — подлинные, но экспозиция возникла уже в 1990-е годы.) За эту операцию не было наградений. (Хотя начальник Смоленского НКВД Стальнов, увозя Таврина, сказал Федосееву: «Готовь дырку в гимнастерке». То есть намекал на орден.)

Были другие непонятные вещи. Странное поведение Москвы, руководства МГБ-НКВД заставляет выдвинуть гипотезу: а не намеревались ли Берия, Абакумов, Меркулов и компания убрать Сталина руками Таврина? И лишь в самый последний момент что-то сорвалось? Всем известно, что за месяц до этого, 20 июля 1944 года, было совершено покушение на Гитлера, наша разведка знала о готовящемся покушении, как знала она и о подготовке диверсанта Скорцени для Тегерана, где встретились лидеры антигитлеровской коалиции. Трудно поверить в то, что о подготовке убийцы Сталина нашим разведорганам ничего не было известно. Опять же вооруженный до зубов Петр Таврин вполне серьезно собирался проникнуть в Кремль или на дачу Сталина и убить руководителя партии и правительства. Он обсуждал свои будущие действия с Отто Скорцени. И снова трудно понять, как он мог совершить все это в одиночку, без помощи лиц, курирующих охрану вождя. Известно ведь, что Сталина охраняли покрепче Гитлера.

Так, может быть, на территории СССР, в Москве имелись передаточные колеса от механизма, запущенного в Берлине Отто Скорцени? Может, это была великолепно и тонко продуманная операция (разумеется, не согласованная, а вытекающая одна из другой) по устранению вождя? Теракт немецкого диверсанта уже не изменил бы ход войны, но легко бы и без лишних хлопот убрал с политической арены диктатора, освободив место для иных людей на политическом

Олимпиаде Страны Советов. Каких? Об этом можно только догадываться. Вахяат Таврина в Кармановском НКВД разрушил все планы сильных мира сего по обе стороны фронта. Повторяю, что это всего лишь гипотеза. А как все было на самом деле, вряд ли мы когда-нибудь узнаем.

ИЗ ЖИЗНИ АРИСТОКРАТОВ

Несмотря на огромную разницу в возрасте, их тянуло друг к другу. Вышнему германскому послу в Москве графу Вернеру фон дер Шуленбургу в год их знакомства было 68 лет, а русской княжне Марии Васильчиковой (близкие звали её Мисси) 26. Тем не менее им всегда было вдвоём интересно, легко и уютно.

Мисси сразу же отметила обаяние и большую доброжелательность графа ко всему русскому. Он был популярен в дипломатических кругах, и поначалу она, простая переводчица из информационного отдела германского МИДа (Мисси знала пять языков), чувствовала неловкость из-за разности положения, но он, усмехнувшись как-то, добродушно заметил, что «аристократическое содружество» выше нацистских ухищрений.

Род Васильчиковых с XVI века всегда был рядом с московскими царями. Многие стали дипломатами, военачальниками, общественными и государственными деятелями. Ее отец князь Илларион Сергеевич, член Государственной Думы IV созыва, покинул Россию в 1919 году, уехал в Литву, а затем в Германию пятерых детей. Их мать Лидия Леонидовна была урожденной княжной Вяземской.

Граф знал о Советской России и ее вождях очень многое. Мисси слушала его рассказы с каким-то детским трепетом, ибо там, в большевистской стране, остались её друзья, дом в Петербурге. Все это иногда являлось ей в приятных снах. Однажды в ресторане гостиницы «Бристоль» граф рассказал ей историю своего отъезда из Советского Союза после начала войны. Рассказчик он был блестящий. Она прямо-таки видела его в кабинете Молотова, слышала их разговор. Граф и сейчас не скрывал своего неудовольствия поступком Гитлера, поставившего его, посла, в глупейшее положение, - ведь только на днях в беседе с Молотовым он заверял, что Германия никогда не начнёт войны. И вот на тебе...

Мисси представила костры во дворе посольства, где жглись секретные документы. А когда он сказал, что немецкое посольство – сто лишним человек – посадили затем в специальный железнодорожный состав и повезли в Кострому, Мисси вдруг оживилась и, легонько дотронувшись до руки графа, прервала его:

- Как интересно. А у нас в Костромской губернии были имения. Мама очень любила одно из них.

Шуленберг вспомнил старый деревянный вокзал и водонапорную башню из красного кирпича невдалеке, он видел Волгу и плывущие по

ней белые пароходы. Пыльная дорога, по которой потом ехали легковушки машины и автобусы, петляла по холмам, и наконец остановилась в живописном месте, где среди сосен и берёз стояли двухэтажные деревянные дома, блестела гладь озера с островком по середине. Им сказали, что это дом отдыха. Территория была обнесена проволокой.

Германские дипломаты не исключали проявления недружелюбия и даже ненависти со стороны русских, но здесь, в доме отдыха (наш читатель догадывается – это Малышково), немцы сразу же обнаружили приятную для себя новость. На территории зоны открылся магазин, где они купили мыло, сигареты, спички, продукты. Кто-то сразу лёг отдыхать, другие пошли в спортзал, кто-то достал игральные карты. Но как только заработал душ с горячей водой – тут сразу же появилась большая очередь.

Десять дней войны провело германское посольство в Костроме. 1 июля 1941 года всех дипломатов снова посадили в вагоны поезда и повезли через Нерехту в Иваново, потом – к турецкой границе, где был произведён обмен дипломатов двух воюющих стран...

Встречи Мисси и Шуленбурга в Берлине были редки, он занимался исполнением крупных дипломатических поручений. Через него, кстати, намечалось начать в 1942 году мирные переговоры Германии со Сталиным. А у молодой княжны было много друзей среди сверстников и сверстниц, с которыми она после службы любила проводить время – в театрах, на вечеринках, в небольших путешествиях по городам и замкам. Среди этих молодых людей был и принц Хайнрих фон Сайн-Витгенштейн, тихий, воспитанный, хрупкий на вид офицер, которого Мисси всюду таскала за собой. Ему шёл двадцать шестой год, а он уже был майор, в ночных воздушных боях под Берлином сбивший шестьдесят три бомбардировщика.

Он мог бы далеко пойти, но молодой лётчик не разделял идеологию нацистов, а те в отместку замалчивали его подвиги. Хайнрих был прямым потомком известного русского фельдмаршала графа Петра Христиановича Витгенштейна, героя эпохи наполеоновских войн. Однажды Мисси и Хайнрих сидели на площадке в гольф клубе и строили планы на будущее. Молодой лётчик с состраданием говорил о том, как тяжело ему убивать людей, и он старается так сбить английский бомбардировщик, чтобы экипаж самолёта сумел выброситься с парашютами, ему противны нацисты, и когда в последний раз офицер вручал ему дубовые листья к железному кресту, у него мелькнула мысль выхватить пистолет и выстрелить в Гитлера, и он всё чаще об этом задумывается.

- А если они с нами начнут расправляться, - сказала Мисси, - залезем в твой самолёт и полетим в Колумбию. У моей подруги там живёт двоюродный брат...

Они стали рассуждать, сколько нужно взять бензина для перелёта через Атлантику, и вовремя спохватились: на них уже давно поглядывал человек в плаще и шляпе, явно прислушиваясь к разговору.

К началу 1944 года Берлин на глазах у всех превратился в груды кирпича и камня. В каждом налёте союзной авиации на город уничтожала до полутора тысяч бомбардировщиков. Десятки тысяч жителей были убиты, полтора миллиона берлинцев осталось без крова. В эти дни все посольства, и в том числе все отделы МИДа, уехали из Берлина, перебравшись в тихую деревеньку Круммхюбль на юге Германии. Выходя с чемоданом из автобуса, Мисси сразу же увидела группу встречающих графа Шуленбурга в элегантной каракулевой шапке, в которой он ходил ещё в Москве. Он повёл её в свой дом. Она приняла душ, а потом, сидя на диване с чашечкой ароматного кофе, рассказывала, что творится в столице.

Деревня Круммхюбль её нравилась. Маленькие дома стояли на холме среди снегов и елей. Каждое утро все служащие садились на санки и скатывались вниз, где находились рабочие помещения. Вечером все сотрудники, а их было пятьсот человек, тащили санки назад, домой.

Хотя на дворе стоял уже март и заметно пригревало солнце, снега ещё не таяли, и Мисси с Шуленбургом, прихватив лыжи, забирались в горы, где катались и отдыхали. Однажды, вернувшись из Берлина, он пригласил её прокатиться в санях к небольшому замку, что красиво стоял на возвышенности, в окружении елового леса, - там по договоренности можно было пообедать, покататься на лыжах. Кучер с азиатской внешностью оказался русским военнопленным, азербайджанцем. Мисси заговорила с ним о Баку, и тот, обрадовавшись встрече с соотечественниками, всю дорогу говорил о доме, родственниках, рассказал, как попал в плен.

В замке хозяин и хозяйка приветливо встретили гостей, провели в небольшую столовую, отделанную бледно – голубым ситцем с мягким освещением. К столу подали отличный обед. А на десерт – персики со сбитыми сливками. Мисси радовалась как ребенок – давно она не ела такого лакомства. После обеда хозяева провели их по комнатам замка, показали оранжерею и первую розу.

Впечатление было такое, будто она попала с Шуленбургом в другую, какую-то невоющую страну. Хозяева вежливо оставили их вдвоем. Граф предложил ей сесть на скамью, сам сел рядом, положив на колени сверток, который только сейчас привлек её внимание.

• Мисси, - несколько глуховатым голосом произнес Шуленбург, - я знаю, что вы с большой симпатией относитесь к майору Витгенштейну. И поэтому мне трудно говорить.

• С ним что-то случилось?

• Да, три дня назад он участвовал в бою под Берлином. Как я узнал, на его счету было уже семьдесят три сбитых бомбардировщика...

• Почему было?

• Витгенштейн погиб. Он приказал экипажу выброситься с парашютом, а сам не успел. Я привез вам осколок лобового стекла от его самолета и часть винта.

Мисси застыла от ужаса.

- Уже сегодня, перед самым моим отъездом, мне сказали, что английские пилоты в память о его благородстве сбросили на могилу майора Витгенштейна венок цветов – и улетели. Такого Германия ещё не знала.

Мисси по-прежнему молчала.

Когда они возвращались назад, в Круммхюбль, ей показалось, что граф Шуленбург хочет сказать ещё что-то важное, уже не связанное с гибелью её друга. Она заметила это по его взгляду, несколько отстраненному и загадочному, но он, проводив её до дома, больше не обмолвился ни словом. Лишь в последнее мгновение задержал её руку и с грустью произнес:

- Берегите себя.

Больше они не виделись. А летом она узнала, что гестапо арестовало Шуленбурга в связи с покушением полковника фон Штауфенберга на Гитлера.

Все решил случай. Во время очередного налета союзной авиации на Берлин большая бомба упала на гостиницу «Бристоль». Под завалами погибли несколько генералов и полковников, гражданские лица. В руинах гестаповцы нашли поврежденный сейф, в котором оказались списки заговорщиков. Там значилась и фамилия графа Шуленбурга – ему определялась в новом правительстве должность министра иностранных дел.

После смерти Витгенштейна граф Шуленбург оставался для Мисси самым близким и дорогим человеком. Отпросившись у начальства, она отправилась в Берлин и тут узнала, что многие её друзья, знакомые арестованы гестапо. Мисси была в панике.

Весь вечер она просидела в маленькой русской церкви, где служил отец Иоанн (в прошлом князь Шаховской, а в будущем известный религиозный деятель и писатель Иоанн Сан-Франциский). Мисси молилась и плакала.

В тревожные дни после путча, когда все слои населения - и военных, и гражданских – парализовали страх и тоска. Удивительным образом сплотились и проявили силу духа и мужество русские и немецкие аристократы – и на свободе, и в тюрьме. Даже нацистские газеты вынуждены были отметить это.

На следующий день Мисси была в приемной военной тюрьмы. Она принесла передачку графу Шуленбургу – хлеба и крошечного цыпленка. Гестаповцы подозрительно осмотрели девушку. Куда-то звонили и о чем-то говорили, все время не спуская с неё глаз, и наконец сухо ответили: «Его здесь нет».

Осенью в Круммхюбле она узнала, что графа судил народный суд под председательством Фрайслера. 10 ноября 1944 года граф Шуленбург был повешен. В связи с заговором 20 июля 1944 года в Германии было казнено свыше 10 тысяч человек – среди них немало знакомых Мисси.

В последние дни войны, скрываясь от гестаповцев, она переезжала с места на место и встретила мирный май в американской зоне оккупации. Здесь вся семья Васильчиковых наконец-то объединилась. Остро Мисси вышла замуж за американского офицера Питера Харндена, который впоследствии стал известным архитектором. У них было четверо детей. После смерти мужа Мисси жила в Лондоне.

В середине 70-х годов она побывала в Советском Союзе, жила несколько дней в Ленинграде, где ей показали дом, в котором родилась, и институт, где стояла её детская кроватка (этот дом принадлежит теперь военному ведомству). Умерла она в Лондоне в 1978 году в возрасте 61 года. В мемуарной литературе времен войны её имя встречается нередко, да и сама она оставила дневник своей жизни, как многие русские эмигранты, оказавшиеся после революции вдали от Родины.

УВИДЕЛ ЧУДНЫЙ УГОЛОК

Я сидел в тенистой квартирке - хрущёвке в старом потёртом кресле на коленях у меня лежал толстый старинный альбом с фотографиями. Рядом лежали ещё несколько подобных альбомов. Я смотрел на пожелтевшие от времени фотографии и спрашивал:

• Это кто?

• Илья Ефимович Репин.

• А это?

• Это знаменитый академик Бехтерев. А это узнаете кто? Ну, конечно же, Александр Степанович Попов, наш изобретатель радио. Это я стою с его внучкой, она прошлым летом приезжала к нам.

• А это не Блок ли?

• Да, Александр Блок. Мама рассказывала, что я у него на руках видел, когда был вот таким карапузом.

Я рассматривал групповые снимки на террасе барской усадьбы, а мой собеседник Арсений Владимирович Максимов продолжал называть знакомые и незнакомые имена.

• Это профессор ботаники А.Н. Бекетов, дед поэта Блока, это мой отец, он был архитектором, довольно известным в России. Вот этот мальчик, старший брат моего деда, потом стал генеральным конструктором ледокола «Ермак». Кстати, вы читали что-нибудь о дрейфере «Фрама» во льдах Арктики? Так вот, этот молодой человек – доктор Смирнов был на этом судне с Нансеном.

Это известный путешественник, изучал животный мир Байкала, Адык-Куля и других озёр. Написал научные труды. Ну, а это Дмитрий Иванович Менделеев в молодости со своей первой женой, она была третьей дочерью писателя Ершова, автора «Конька-Горбунка». Кстати, Дмитрий Иванович именно в этой усадьбе сделал своё гениальное открытие – создал периодическую таблицу, которая и носит с тех пор его имя.

- И этот особняк ещё стоит?

- Ну что вы! Его сожгли после революции, как многие усадьбы. Я был в этих местах уже после войны. Кругом бурьян и запустение. Но мне удалось найти колбочку из лаборатории Менделеева и ещё кое-что...

Ну, а теперь, думаю, самое время представить хозяина квартиры и его жену, которая тоже сидела рядом и подсказывала то, о чём забывал рассказать супруг.

Разговор этот происходил не в Москве не в Петербурге, а в обычной тесной двухкомнатной квартирке в Костроме, где вот уже скоро тридцать лет как живут внучатый племянник великого русского учёного Д.И. Менделеева Арсений Владимирович Максимов и правнучатая племянница учёного Александра Карловна Пессум. Всё своё свободное время (а его было не столь уж много, ибо Арсений Владимирович строил канал Москва-Волга, многие годы был главным архитектором Калининграда, а в Костроме по его проекту был построен ресторан в Берендеевке, музей, ворота и башня, создал интересные интерьеры столовых и ресторанов), так вот всё свободное время своей жизни посвящал рукописи книги о знаменитом родственнике. Александра Карловна помогала ему в этом. Рукопись так и осталась неизданной, подтверждая пророчество одного костромского литератора: «Вряд ли вы её устроите. Так она и будет лежать. Если мне её отдадите, я со временем из неё хороший роман сделаю...».

Я читал эту рукопись. Она уникальна, ибо хранит воспоминания об учёном и многочисленной его родни. Чтобы самому не заблудиться в лабиринте семейных взаимоотношений, Арсений Владимирович составил генеалогическую схему рода – пятнадцать лет над ней трудился. Кого здесь только нет? Писатель, философ, энтомолог, художник, архитектор, инженер, академик, генерал...

Между прочим, до встречи с Арсением Владимировичем я думал, что Д.И. Менделеев выходец из дворянской семьи и, признаться, был удивлён, когда узнал, что великий русский учёный вышел из разночинцев, сам был строителем своей судьбы.

- А ваш дед? Генерал-полковник русской армии? Дворянин?

- Нет. Тоже из разночинцев. Все усадьбы, так или иначе связанные с жизнью Д.И. Менделеева, или сгорели в пожаре революции или были разрушены потом. Однако Арсений Владимирович год за годом восстановил утраченное на своих полотнах, и теперь его небольшая квартирка напоминает художественную галерею. А в многочисленных папках у него лежат чуть ли не сотни акварельных пейзажей менделеевских мест.

- А личных вещей учёного у вас нет?

- Было очень много. Я долго хлопотал об открытии в Боблове музея Дмитрия Ивановича, и когда, он, наконец, открылся, то я на радостях передал туда свыше ста экспонатов. Мне хотели дать какие-то деньги, но я отказался. Это всё же музей моего рода. А у меня остались вот эта

мраморная менделеевская ваза для визиток, икона – подарок Дмитрия Ивановича старшему брату моего деда, ну и ещё кое-что.

Арсений Владимирович долго водил меня по квартире, показывая свои акварели бобловских мест, рассказывая увлечённо и ярко: «Вот место, откуда Александр Степанович Попов сто лет назад проводил свои первые опыты по передаче радиосигналов на расстоянии. Он передавал азбукой Морзе позывные в эфире, а Д.И. Менделеев принимал их в своём доме в Боблово. А.С. Попов специально для этого изготовил аппарат и поставил в кабинете учёного... А вот знаменитая ель. Под ней потом часто собирались большой компанией Менделеевы и мои родители и родственники. Пели песни. Резонанс в этих местах прекрасный. Далеко всё слышно. А это вот менделеевская аллея. В детстве я гулял по ней со своей родственницей, писательницей Надеждой Яковлевной Капустиной. Она писала романы и воспоминания о Менделееве. Так вот, мне она говорила: «Арсений, всё что ты видишь и услышишь, непременно записывай в тетрадку. Здесь бывает много выдающихся людей. Пройдут годы и твои записи окажутся бесценными...».

Так оно и вышло.

Только обществу нашему эти бесценные записи, к сожалению, оказались не нужны. Так и лежат они в книжном шкафу, на нижней полке.

Я не был в Боблове. Но прочтя рукопись Арсения Владимировича, следуя с ним за чашкой чая, рассматривая фотографии столетней давности, я словно бы увидел этот чудный уголок близ города Клина. Увидел то, чего уже нет и не будет.

И только тесная костромская квартирка хранит этот ушедший навсегда в небытие прекрасный русский мир.

ТАЙНА ХРИЗОЛИТОВОЙ ПЕЧАТИ

У русского художника Максимова есть картина с несколько ностальгическим названием: «Все в прошлом». На ней полуразвалившаяся барская усадьба, некогда украшавшая ландшафт, престарелая барыня в кресле и рядом прислуга – такая же древняя старуха – жизнь их угасает, остались одни воспоминания о прошлом, где были выезды в столицу (или в губернский город), балы, знакомства, любовные переживания. Если, глядя на эту картину, мы сможем лишь домыслить прошлое двух русских женщин – аристократки и простой крестьянки, то в семье известного костромского краеведа А.А. Григорова до сего дня помнят многие семейные истории, драмы и курьезы, которым уже двести лет и более. Много любопытного о семейных преданиях узнал я недавно от внучки покойного краеведа Галины Николаевны Масловой. А началось все с тяжелой, прозрачной печати из кризолита, которую вырезал Григоровым крепостной мастер из Енисейской губернии 150 лет назад. История этой печати круто замешана на любовном приключении, достойном пера романиста.

У А.Н. Григорова, известного костромского мецената, построившего григоровскую гимназию, а также драматический театр, был сын Иван, который учился в Демидовском лицее в Ярославле (в семье было 17 детей). Однажды он приехал на летние каникулы в имение Покровское и неожиданно для всех влюбился в крестьянскую девушку Парашу. Ей было 16 лет, и она прислуживала на кухне. Девушка ответила взаимностью – трудно было устоять перед 19-летним высоким красавцем. Скоро Прасковья забеременела. Иван попросил у отца разрешения жениться на дворовой девушке. Александр Николаевич ответил отказом, но вечером того же дня не находил себе места.

Некоторым образом повторилась история, которая произошла с ним самим в дни его молодости. Он был влюблен в дочку соседнего помещика – Машу Полозову. Ей также было 16 лет, а ему 19. Любовь полыхала в обоих сердцах, и новоявленный Ромео из Покровского что ни вечер, появлялся под окном Маши. Признание в любви шепотом, и жизнь в отдалении друг от друга уже не удовлетворяли обоих, и он однажды забрался через окно в Машину комнату. Тут и застала его прислуга помещика, которая зорко следила за влюбленными, потерявшими головы от сильных чувств. Юношу схватили и по приказанию помещика Полозова посадили в подвал. История эта из глухой костромской провинции достигла северной столицы, ее салонов, где бывал молодой поэт Александр Пушкин. И через несколько лет он использовал этот сюжет в своей прозаической повести «Дубровский».

А между тем, просидев в подвале трое суток, молодой Григоров был отпущен, но с Машей ему видеться было строго запрещено. А чтобы из этого запрещения не вышла осечка, Машу в срочном порядке выдали замуж за богатого старого помещика, который в скором времени умер. По-прежнему влюбленный в Машу молодой офицер А.Н. Григоров узнал об этом на Кавказе, отдыхая после очередной атаки на горное село чеченцев. Теперь у него отпала всякая охота подставлять свой лоб под пули инородцев. Достоинно, с орденом на мундире он вышел в отставку и как это случается в сказках, женился на очень богатой вдове, которую любил безумно.

А что Иван? Отец отправил его на бал и предложил выбрать там невесту. Увы! Ни одна из девушек ему не понравилась. Отец осерчал:

- Тогда отправляйся в Енисейскую губернию. В Сибирь. Поработай там управляющим на золотых приисках. Может, они выбьют из тебя всю дурь из головы.

Осенью, вместо того чтобы ехать в Ярославль, он на трех подводах отправляется в дальний путь к берегам Енисея. Отец, простившись с сыном, украдкой смахнул слезу. (Его жена Мария Полозова к этому времени умерла, он женился во второй раз на А.В. Голубковой, получив в приданое Мариинский прииск в Енисейской губернии с годовой добычей 36 пудов золота).

Вечером, когда родители сели пить чай, отец вдруг поинтересовался:

• А где у нас Прасковья?

Слуги бросились ее искать, не нашли.

Отец стукнул кулаком по столу.

• Ух! Уехала с Иваном! Но как? Я все вещи сам просмотрел.

Нямедля запрячь лошадей и догнать! Живо!

Но потом передумал. Слишком далеко уехал сын. А Иван, отъехав верст пять, открыл сундук, - на него преданно смотрели прекрасные Параша. Ей хорошо было ехать на тулупах. А впереди у них было несколько месяцев пути - счастливого и радостного, эта поездка по Сибири запомнилась им на всю жизнь.

Обладая природным умом и хваткой, Иван быстро преуспел на должности управляющего приисками. Так же быстро росла и семья. До реформы крепостного права у них было уже три дочери. А после реформы 1861 года появились еще дети. Первые дочери были записаны на имя Матери, а последние стали Григоровыми. Сами родители могли теперь венчаться в церкви.

После венчания вся семья собралась ехать в Костромскую губернию. Если в Сибирь Иван и Параша отправились на трех подводах, то теперь в Кострому Иванов скарб везли пятнадцать подвод, доверху наполненные драгоценными камнями, столовым серебром, золотыми украшениями, китайским фарфором, мехами и прочим.

Через несколько месяцев подводы эти остановились возле помещичьего дома, и отец с матерью спустя 22 года впервые увидели своих внуков: семь писанных красавиц и крепкого мальчишка - сибиряка, продолжателя рода Григоровых, с появлением которого и были прощены Иван да Прасковья.

Богатый и деловой Иван сразу же принялся строить новую усадьбу в Покровском. (Она сгорела в 1919 году.) На многочисленных балах он не прочь был пофлиртовать с красивыми женщинами, но семья всегда у него была на первом плане. Он обучил жену грамоте. Она прекрасно играла на фортепьяно и изучала иностранные языки. Все дети получили образование.

Умер Иван в 1892 году. Огромное богатство, которое он привез с приисков, после революции рассеялось по торгсинам и рынкам Москвы и надо как-то было выживать в голодное время многочисленным его потомкам. Но некоторые вещи, привезенные Иваном из Енисейской губернии, сохранились в семье Григоровых. Костромичи могут увидеть в Костромском литературном музее нож, вилку с ручками из самоцветов, мушон с хризолитами редких расцветок - они тоже принадлежали Ивану и Прасковье в середине позапрошлого века, в бытность их в Енисейске.

В голодное время после революции снесли в торгсин и именную хризолитовую печать Ивана. Ее не приняли, потому что на печати были герб рода Григоровых и фамилия. Она так и осталась лежать в комоду у праправнучки Ивана - Ольги Григоровой, библиотечного работника в столице. И вот в огромном роду Григоровых родился мальчик, у которого было имя Иван Александрович. Он оказался восьмьюродным

племянником Ивана, ему по праву и перешла хризолитовая печать, сделанная полтора столетия назад сибирским мастером.

«СТУДЕННЫЕ КЛЮЧИ»

Недавно был в Кинешме, заглянул в краеведческий музей, который находится в храме Вознесения Господня, построенном еще в XVIII веке, рассматривал новые экспонаты о фабрикантах Коноваловых и с интересом остановился у выставки «Усадьба «Студеные ключи».

Эта усадьба была архитектурным шедевром Костромской губернии и принадлежала известному промышленнику, коллекционеру и меценату Николаю Павловичу Рузскому. В музее была лишь малая часть национализированной когда-то коллекции усадьбы, но даже и она может заинтересовать самого неискущенного в старине туриста. Я увидел фарфор, стекло, фаянс Императорского фарфорового завода, частных заводов Гарднера, Попова, Кузнецова, статуэтки из бронзы, меди, каслинское литье, авторское литье петербургских бронзовиков Шопена и Соколова, старинную мебель и многое другое.

Под впечатлением увиденного приехал в Кострому, а уж вечером мне звонит внучка известного нашего краеведа А.А. Григорова — Галина Николаевна Маслова и говорит: "А вы знаете, в гости к Екатерине Владимировне Вольхиной (она из дворянского рода Свиных) приехала Маша Королева. Она учится в университете, знает шестнадцать языков, в том числе очень редкий — гэльский. Маша очень любит Кострому, считает Екатерину Владимировну своей бабушкой, а вообще-то она правнучка владельца усадьбы "Студеные ключи" Николая Павловича Рузского. Их усадьба стояла рядом с усадьбой моей бабушки — "Соколово", где композитор Бородин сочинял оперу "Князь Игорь".

На другой день мы с Машей встретились. Очень милая, интеллигентная девушка обладает необыкновенно живым умом и любознательностью. Она действительно единственный в России человек, прекрасно знающий редкий гэльский язык, на котором говорят на севере Шотландии. (Создала в Москве общество по изучению этого языка и гэльской культуры.) Еще изучает санскрит и древнеперсидский. Маша уже окончила институт иностранных языков и учится теперь в Московском университете.

Я узнал, что Машины полиглотские корни восходят еще к ее бабушке Татьяне Александровне, которая во время Отечественной войны была переводчицей на фронте, а затем принимала участие в работе Нюрнбергского трибунала. До сей поры она переписывается с американским психиатром Джильбертом, который следил за психическим состоянием своих подопечных в тюрьме — Геринга, Гесса, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга и других нацистских руководителей. Будучи в начале девяностых годов в Москве, доктор Джильберт подарил Маше книгу Шекспира, которая была с ним в Нюрнберге, а совсем

Надменно ей пришла из Штатов бандероль с его книгой "Нюрнбергские впечатления", где он рассказывает о своих ежедневных беседах с неслучайными.

И этот свой приезд в Кострому Маша намеревалась посетить усадьбу своих предков в "Студеных ключах". Сын Г.Н. Масловой вынырнул отвести ее туда на машине. Пригласили в поездку и меня. Дорога, ведущая в сторону Щелькова, необыкновенно живописна, затянута в лесах, среди лугов, рядом с редкими деревеньками. В машине узнали, что Маша выросла в доме, где часто бывали знаменитые литераторы (мама работала в издательстве "Советский писатель"), отец был дружен со многими из них, в том числе и с Ираклием Андрониковым, которому он подсказал мысль написать исследование о М.С. Лермонтове. Так появилась на свет одна из лучших книг о поэте: "Лермонтов. Поиски и находки".

— А твой прадед, — спросил я, — не имеет какого-нибудь отношения к генералу Рузскому, который командовал армией в первую мировую войну?

— А как же! — воскликнула она. — Генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский приходился кузеном моему прадеду и не раз бывал тут.

И наша машина с ветерком взлетела на освещенный солнцем холм. А Маша с увлечением рассказывала о мистических совпадениях в жизни поэта Михаила Лермонтова и генерала Рузского, которые были одной линии. Имя генерала не сходило со страниц газет и журналов во время войны. Он принял деятельное участие в отречении государя от престола. Произвел последнюю перегруппировку фронта, а когда пришли большевики и армия стала разваливаться, оставил пост командующего и уехал в Кисловодск. В сентябре 1918 года в район пошли красные части. Несколько генералов, в том числе и Н.В. Рузского, красные взяли в заложники. Их отвезли в Пятигорск, заставили вырыть себе могилу на горе Машук — и расстреляли. Собственно говоря, генерала могли бы расстрелять и в Кисловодске, но нет, его отвозят на то место, где погиб на дуэли Лермонтов, дальний родственник генерала.

Машу живо интересуют мистические обстоятельства, связанные с жизнью поэта. Она ведь сама входит в Ассоциацию потомков рода Лермонтовых, и поэтому ей хочется многие загадки разгадать. И не только связанные с Лермонтовым. В их семье, например, хранится золотое кольцо последнего императора России Николая II... Маша хотела бы написать историю этого кольца, некогда украшенного бриллиантами, хочется написать ей вообще большую книгу об истории своего рода.

Мир старой усадьбы встретил нас тишиной да пением птиц. Маша сидела возле здания с колоннами чуть взволнованная. По каменной лестнице поднялась на второй этаж, отсюда открывался удивительный вид на дальние луга и леса. Где-то внизу блестела Волга. Когда-то усадьба была полна гостей, да и обитателей здесь было много.

— Я все сделаю, — сказала Маша, — чтобы заработать много денег и восстановить усадьбу предков.

Неподалеку виднелась еще одна усадьба — выдающегося русского астронома Ф.А. Бредихина, сделавшего замечательные открытия в движении комет вокруг Солнца. У него были гениальные прозрения в отношении нашего дневного светила — ученые конца XX века подтвердили это.

Мир старой русской усадьбы, казалось бы, навсегда лишенный прежней красоты и миропорядка, представал передо мной совсем в ином обличье благодаря знаниям двадцатилетней студентки МГУ Маши Королевой я видел обитателей усадьбы, интерьер комнат, коллекции картин старых мастеров, оружия, литья. Что и говорить, хотелось бы, чтобы сбылась мечта Маши, и она восстановила усадьбу своих предков. А я слышал, что если Маша чего-то хочет, то обязательно добивается.

Кстати, в их семье ходит поверье: кто владеет кольцом последнего русского императора, объявленного православной церковью святым, тот добьется в жизни всего. Если это правда, значит, снова появится на волжском берегу усадьба "Студеные ключи".

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРТИНЫ

В музее племзавода «Каравеево» под Костромой висит огромная, во всю стену картина, которая называется «Торжественное собрание, 1949-й год». Это живописное полотно вызывает у стариков ностальгические чувства, а у молодых — недоумение и даже недоверчивость: уж больно много людей с золотыми звездами собралось на зеленой лужайке полсотни лет назад.

Персонажи этой картины — не вымысел художника, никакой буйной фантазии тут нет, полнейший реализм и полнейшая правда: сорока караваевцам — дояркам, телятницам, пастухам, скотникам, специалистам и руководителям было присвоено звание Героя Социалистического Труда, а шестеро из них получили еще по одной Звезде, стали дважды Героями. Почти все персонажи этого полотна покоятся на кладбище в Николо-Тростине, но троих или четверых можно встретить в поселке Каравеево, в том числе дважды Героя Соцтруда Нину Аполинарьевну Смирнову.

Несмотря на реалистическое содержание, картина эта имеет тайну (и не одну), недоступную простому зрителю. Хотя человек логично мыслящий, посмотрев на полотно, недоуменно заметит: «А почему здесь два Ильича: памятник на заднем плане и еще портрет перед столом, за которым сидит президиум собрания?»

Говорят, кашу маслом не испортишь, но в данном случае надо признать, что каша все-таки подпорчена, художник все-таки перемаслил, переусердствовал. Так скажет любой человек, не знающий истории

Написания картины. Известно, что полотно это было написано художником А. Рябиновым, и называлось оно сначала «Письмо Сталину». Но почему в таком случае возникла еще одна фамилия художника — Н. Назаров? Он тут при чем? А дело в том, что на портрете между двух бархатных знамен (одно из них хранится сейчас в музее Ленинграда) в 1951-м году был И. Сталин. Это понятно и по жесту девушки, которая в избытке чувств прижала коллективное письмо к своей груди.

Но когда генсек Н. Хрущев обнаружил злоупотребления, случившиеся во времена И. Сталина, и повелась борьба с культом личности, у караваевцев сразу же возникли проблемы с этой картиной: памятники И. Сталину разрушались, портреты в музеях убирались в анклавы, книги вождя изымались из библиотек, а тут такое отношение перед опальным вождем. Что делать? Не выбрасывать же драгоценную вещь, не прятать же ее от людских глаз, а точнее, от глаз партийных чиновников, строго блюдущих партийную дисциплину: вывезти наверх, чтобы от Сталина духу нигде не осталось, значит, так и должно быть. И тогда пригласили еще одного художника (так, по крайней мере, говорят), и тот быстро замазал одного вождя и нарисовал другого. Но вот прямо мистика. Попробуйте по частям закрывать портрет Ильича, и вы увидите, как явно проявляются черты И. Сталина. Создается такое впечатление, что художник не заново писал портрет, а работал, что называется, по живому.

Памятник В. Ленину, конечно же, здесь не стоял. Во-первых, как раз на месте этой лужайки была в то время пыльная дорога на Кострому. А во-вторых, с чего бы это стоять памятнику Ильичу посреди луга, где пасутся коровы? Тут художник немного отступил от правды ради идейности. И вообще, памятнику этому не повезло. В начале девяностых годов караваевцы однажды проснулись, пошли на работу, глядь, а памятника вождю нет. Стоит пустой постамент на площади перед конторой. Потом уже обнаружили статую. Злоумышленники утащили ее в пруду. Произведение искусства вытащили, но устанавливать не стали. Есть мысль установить на монументе памятник О. И. Штейману, ученому-селекционеру (он сейчас стоит на территории Сельхозакадемии) или же памятник знаменитой караваевской корове Добрашнице, статуя которой находится сейчас в Москве, на территории бывшей ВДНХ.

Ну а теперь перейдем к персонажам, кто есть кто на этом историческом полотне. Прежде всего бросается в глаза крупная фигура мужчины на первом плане, сидящего нога на ногу. В совхозе было несколько директоров, но не их, а его все звали «хозяином». Это Станислав Иванович Штейман, из латышских стрелков (такое название получили после революции солдаты латышского полка, воевавшие в русской императорской армии в 1-ю мировую войну). Имея два класса образования, стал доктором сельскохозяйственных наук, депутатом Верховного совета СССР, лауреатом Сталинской премии, кавалером 6-

ти орденов Ленина, 6-ти медалей ВДНХ, Героем Социалистического Труда и т.д. Говорят, что за всю свою жизнь ни разу не был в отпуске. Для него работа была праздником! Обладая феноменальной памятью, он знал клички всех коров, держал в голове всю колхозную статистику кормления, надоев и прочее. С доярками был вежлив, всех знал по имени, отчеству.

Костромская порода скота — это его детище. Жил он просто. В его доме сохранилась обстановка полувековой давности. Здесь живет сейчас дочь, Валентина Станиславовна. В мемориальной комнате стоит старый шифоньер, рабочий стол, лежит клюшка, на столе — книги, чернильный прибор. В соседней комнате можно увидеть бронзовую голову выдающегося костромского селекционера. Она привезена сюда с кладбища. Расплодившееся ворье намеревалось отвезти и продать бронзовую голову ученого, да не хватило сил, бронза оказалась тяжелой.

На картине рядом с зоотехником С.И. Штейманом сидит доярка Евдокия Исаевна Грехова. Потом она станет дважды Героем Соцтруда. Женщина она была одинокая, добрая и трудолюбивая, жила рядом с фермой.

Во главе стола сидит директор хозяйства Михаил Николаевич Ветчинкин, мягкий добродушный мужчина, сменивший В.А. Шаумяна. Последний много сделал для хозяйства и его славы. Имена Штеймана и Шаумяна часто звучат вместе. Но почему его нет на картине?

Говорят, что Шаумяна сняли с должности директора за то, что сгорела двухэтажная колхозная контора — бывшая усадьба генеральши Усовой. Кроме кабинетов, здесь был еще клуб и другие службы. Когда стали проверять, как и что, обнаружилась недостача крупной суммы у завхоза. Женщину (завхоза) посадили на 25 лет в тюрьму. Там она умерла. В.А. Шаумян взял на воспитание ее дочь. История эта темная, как утверждают старожилы. Шаумян стал преподавать в сельхозинституте, потом перешел в облисполком. Все старые караваевские женщины утверждают в один голос, что это был красивый мужчина, женщины любили его, и он любил женщин. Только вот Героем Соцтруда Вагинак Арутюнович не стал.

За директором сидит 25-тысячник (читайте Шолохова!) Михаил Васильевич Тимофеев. Он возглавил партийную организацию, был управляющим центральной фермой.

В конце стола мы видим старика с густой бородой. Это пастух Иван Павлович Нестеров. Художник запечатлел и его стадо. Оно пасется на лугу, пока он тут заседает в президиуме. Говорят, был скромный человек, не ругался, не сквернословил, что для пастуха большая редкость.

В центре картины мы видим русскую красавицу, которая только что зачитала письмо к вождю. Она волнуется, подыскивая нужные слова. Клавдия Ивановна Максимова эвакуировалась из блокадного Ленинграда с двумя детьми. Муж погиб на фронте. (Кстати, большинство

...иции, изображенных на полотне, — одинокие, мужья или погибли, или оставили их.) В совхозе Клавдия Ивановна быстро стала Героем Труда. Это была пышненькая блондинка, общительная, вежливая, улыбчивая. Когда перед дирекцией хозяйства встал вопрос, кого назначить представителем на международную выставку в Индию, то выбрали ее. Она поехала в Индию с коровой Левша. Есть снимок, где она дарит премьер-министру Д. Неру свою корову. Не караваевским ли человеком вскормлен был потом внук Неру, ставший тоже премьер-министром после убийства матери Индиры Ганди?

Максимову внимательно слушает Е.В. Фомина. Ее дочь Люся удобно устроилась на траве.

Мужчин-Героев Труда не столь много. Вот сидит Михаил Иванович Антонов, молодой ночной скотник.

А Иван Павлович Ситушкин попал, словно в цветник, кругом женщины — Герои.

До войны он был пастухом, а вернувшись с фронта, начал заниматься по службе, стал бригадиром по молодняку, потом председателем профкома хозяйства.

У толятницы Таисии Алексеевны Смирновой (она сидит в розовой юбке) было 4 ордена Трудового Красного Знамени. Она проводила в жизни штеймановский метод выращивания молодняка в холоде и, когда молодой уже не мог передвигаться, приводила телят прямо к нему домой, да он их и осматривал. Дочь Таисии Алексеевны, Нина Аполинарьевна, стала дважды Героем Труда.

И как-то задал вопрос бывшему главному зоотехнику Музе Михайловне Беловой:

«Почему такая россыпь героев оказалась в Караваеве — 40 человек?» Она сказала, что в сороковых годах Звезду Героя могла получить доярка, имеющая 8 коров, проработавшая в хозяйстве год и получившая надой в пять с половиной литров молока от коровы. Так получилось уникальное в масштабах Страны Советов хозяйство «Караваево» под Костромой.

Несмотря на славу и почет, в этой звездной жизни караваевских героев было немало семейных трагедий и драм. Добрая, внимательная и доблестная Мария Ивановна Галашина (она в зеленом платье со звездой Героя) простила и приняла мужа, вернувшегося с фронта с ранением. Девочка выросла, выучилась. Сейчас живет в Костроме, у нее большая семья.

Рядом с Галашиной сидит в белом платье с синими полосами звезда Героя Труда Агрофена Васильевна Нилова. Все складывается хорошо на работе, но вот личная жизнь нет. Муж бил. В ее глазах столько печали, столько грусти. Она рано ушла из жизни.

А вот молоденькую доярку (она сидит, положив руки на колени) знают многие специалисты в области. Это Клавдия Васильевна Юрлова. Она работала и заочно училась сначала в Кологривском зоотехникуме, потом в Тимирязевской академии.

Сейчас стала профессором Костромской сельхозакадемии доктором наук.

Мы с вами прошлись лишь по первому ряду Героев. А есть еще и второй, и третий, и четвертый. У каждого была своя судьба, в том числе и у Александры Даниловны Митропольской, единственной в тридцатых годах женщины с высшим образованием в совхозе. Ее нет на картине. Говорят, не пошла на сеанс к художнику то ли из-за скромности, то ли дела были в хозяйстве...

ЖГОНА КОКРИ ЗАТРОИЛИ...

Однажды летом, был в Макарьевском районе и брел от деревни Хмельничное до Нежитино по проселочной дороге. Места в этом краю на удивление живописные: внизу, на несколько километров, разлилась Унжа; самоходка, идущая вниз с высоких гор в Юрьевецкое море, кажется со спичку; горизонт на противоположном низинном берегу скрывается в дымке – своеобразное впечатление, словно смотришь из иллюминатора самолета.

Попутчиком моим оказался старый жгон – так в Макарьевском, Кадейском и Мантуровском районах до сих пор зовут каталей-пимокатов, или, проще говоря – изготовителей валенок. Последние годы количество их значительно поубавилось. А если уж говорить о жгонах в чистом виде, то есть, о профессионалах, то их, кажется, и вовсе не стало. По крайней мере, мой попутчик сказал, что на всем унжеском побережье никто теперь в чужие края за заработком не ходит, да и в своей-то деревне каталы уже переводятся.

Жгоны всегда жили отходничеством, уходя с инструментами (как правило, вдвоем) в Петербург, в Подмосковье, во Владимирскую, Саратовскую и в другие российские губернии, а потом уже и в области, когда настали советские времена.

Мой попутчик, Василий Иванович Бобонин, оказался жгоном, так сказать, с родословной: его дед и отец катали валенки и исколесили в свое время всю центральную Россию. С десятков российских губерний ходили в валенках скатанных предками Василия Ивановича.

Пока мы шли по тропе, между густых трав, сквозь которые сверкала Унжа и синели бескрайние заречные дали, Бобонин рассказывал мне все свои профессиональные секреты, вплоть до мелочей.

- И сколько же Вам нужно времени, чтобы пару валенок скатать? – поинтересовался я.

- Сутки.

- Быстро...

- Днем заложишь, а вечером в баньке до двенадцати ночи стираешь.

- Как это – стираешь? – переспросил я.

- А это, чтобы сапог садился и был плотным. Если заложишь и не выстираешь – он развалится.

Технология приготовления валенок, на первый взгляд, сложна, тем не менее, если внимаешь каждому слову рассказчика. На самом же деле, это просто и обыкновенно, только, тяжеловато и нудно, но ко всему этому пимокаты привыкают.

А сколько нужно шерсти на валенки? – спросил я.

На мужские два килограмма. На женские – килограмм двести грамм. А на детские валенки полкило шерсти хватает.

И как давно вы катаете?

С двенадцати лет.

О!

Я сорок лет отходником был, ходил по чужой стороне.

Один?

Нет, обычно, с напарником. Уходишь всегда на несколько месяцев.

И далеко?

Я чаще бывал в Нижегородской и Владимирской области. Реже в Кировской и Архангельской. Придешь в деревню, поселишься в какой-нибудь семье, где место есть. Месяца два – три поработаешь, видишь, что окрестные деревни в твоих валенках ходят. Нужды в тебе больше нет.

Тогда забираешь свой инструмент и дальше следуешь, где на конюшнях, лошадях, где пешком. Когда домой возвращаешься, то, конечно же, всегда у тебя в кармане большие деньги. С гостинцами возвращаешься. Механизаторам и животноводам далеко до наших заработков было. Все знали, раз жгон – то непременно при больших деньгах. Даже сейчас, уже стариком, пойду с напарником и за месяц заработаю столько, сколько тракторист за полгода не получит. Я всегда получал по старым деньгам пять рублей с фунта шерсти. За зиму же зарабатывал до девятисот фунтов. Вот и считайте наши заработки.

Дома довольны были?

А как же!

Но ведь вы по полгода дома не бывали.

Ну и что. Для женщины лучше, когда муж хоть месяцами отсутствует, но зато дома достаток, чем нищета в семье.

Говорят, у жгонов был свой язык?

А как же, в отъездах только на нем и разговаривали.

А зачем?

Как зачем? Чтобы хозяева не понимали, о чем мы с напарником говорим. Может, у нас какие-то свои планы, сомнения, да мало ли что.

И сейчас на жгонском языке говорите?

Нет. Зачем?

А помните его?

Сотню – другую слов еще помню. Шерсть – мишь, деньги – сары, шило – кинда, белый – елеська, самовар – тика, нож – кузик, колодки – шты, пачь – камышка, овцы – басаргилы, кошка – мырса, чугуны – баллагур...

- Интересно. Ну и как же вы говорили на этом языке? — поинтересовался я.

Бобонин хмыкнул, не скрывая лукавой улыбки, взглянул на меня немного помолчал, видимо, раздумывая, что сказать.

- Ну вот, например... Хлит мас гагаристой — идет мужчина высокий.

- А еще...

- Сколько ходиков на твоих висячих? — он кивнул на мою руку с часами.

Я машинально ответил:

- Одиннадцать...

- Ну вот, видишь, - улыбнулся Бобонин, - и ты понимаешь.

Видимо, подогретый воспоминаниями, он принялся говорить мне предложения за предложениями на своем жгонском языке. Кое-что я успел записать в свой блокнот.

«Этот масик бессарной» — этот мужик безденежный. «В ряхе безбилетников уло хляет» - в избе тараканов много бегаёт. «Побусаем беззаботного» - попьём чаю. «Достекни мижу на упаки» - добавь шерсти на валенки. «До железяги от нас мара с кокуром меряшек» - до железной дороги от нас двенадцать километров. «Заканвай сары в романов» - клади деньги в карманы. «Жгона кокри затроили» - пимоката вши заели. «Зашлень шпенкой зонт на упаковке» - зашей иголкой дырку на валенке. «Саёвова карьяна умихорив, полюсить бы» - красивую девушку увидел, полюбить бы.

- Любовь-то на отходничестве была? — спросил я.

- Жизнь, есть жизнь, - ответил мне Бобонин, - все бывало...

Судя по рассказам Бобонина, я понял, что жгоны всегда были большими трезвенниками и прекрасными семьянинами. Правда, в наше время, оставшихся жгонов можно по пальцам пересчитать. А молодежь — та и вовсе не знает, как валенки катать. Покупает их в магазине, да и то редко.

Вот так, слушая старого жгона о его удивительном промысле и столь же удивительном языке, я не заметил, как дошел до Нежитино, с удовольствием променяв красоты природы на красоту человеческого общения.

ЦВЕТОВОДА-КОСТРОМИЧА

ДАЖЕ В АФРИКЕ ЗНАЛИ

В пятидесятых годах в Костроме на улице Кирпичной (ныне В.Терешковой) в просторном деревянном доме №6 жил добрейшей души человек, имя которого знали в Китае и Вьетнаме, в Бразилии и Перу, в Монголии и Нидерландах, даже в Африке, — и отовсюду шли

Ему Бандероли и посылки. По вечерам и даже поздней ночью, когда жена уже спала, в окне его комнатки продолжал гореть свет, а сам он, усевшись над столом, писал книгу «Приусадебное цветоводство» (она потом выдержала 4 издания). Имя этого костромича — Николай Дмитриевич Ерохин, и не найдется, пожалуй, цветовода в нашей стране, кто бы его не знал.

Но что уж лично я всегда был далек от выращивания цветов, и то с удовольствием листал страницы этой книги, удивляясь прекрасному таланту автора:

«Пришел радостный май, яркое солнышко сильнее греет землю. Цветут пушкинии, очень похожие на сциллу, бледно-голубыми пушистыми цветками, наполняя воздух чудесным ароматом. Пленяют красотой своих цветков ранние тюльпаны и нарциссы. В полную силу распустились лиловые, белые, розовые, желтые султаны красавцев фиолетовых... Но вот пришел июнь, наступило жаркое лето. В начале июня цветут парковые розы, махровые жасмины. На темно-зеленых кустах китайских пионов распускаются бутоны крупных махровых пионовидных, шаровидных, розововидных цветов исключительно ярких и ярких окрасок. Они подлинные соперники роз, не уступают им ни в красоте, ни в аромате... В это время сад особенно хорош. Игра разнообразных красок и форм цветов создает сказочную картину, воздух наполнен чудесным ароматом. В саду легко дышится, и на сердце становится радостно...».

Прочитав эти строки, не пытайтесь искать этот удивительный сад на бывшей Кирпичной улице. Его уже давным-давно нет. На месте деревянного дома и сада стоит теперь многоэтажное здание, жильцы которого и не предполагают, что жил тут прежде цветовод-селекционер, мечтавший создать в Костроме ботанический сад.

Николаю Дмитриевичу не пришлось увидеть экскаватор, копающий в его саду котлован для будущего пятиэтажного дома, — цветовод умер раньше, в 62-м году (он был с 1900 года рождения); сын же Евгений увез к себе в коллективный сад выведенные отцом жасмин, белый и красный пионы.

С пионами отец работал в саду пятнадцать лет и вывел сорт, который цветет на следующий год после посадки, а не через два, как обычные сорта. А вот журналы, где Николай Дмитриевич вел свои многолетние записи, увы, исчезли.

В Костроме нынче живут сын и дочь известного цветовода, внуки и правнуки его.

Цветоводческий ореол отца краем задел и сына, Евгения Николаевича. Хотя известен он в области как один из руководителей Дорожного строительства — «городской асфальт и за городом мною был положен», — цветоводы коллективного сада в Козелине обращаются к нему прежде всего за консультацией как к Ерохину, продолжателю дела отца. От этого Евгений Николаевич испытывает некоторое неудобство и дискомфорт, ибо посвятил он свою жизнь не саду, а дорожному делу. Но

советы, конечно, дает, хотя тут же, дома, с беспокойством листает страницы отцовских книг: «Правильно ли сказал?» Поэтому зачастую прибегает к дипломатии, говоря: «А вы посмотрите лучше книгу «Приусадебное цветоводство». У отца все написано...»

Ну а вообще-то человек он общительный и открытый. С семнадцати лет был на фронте. Начал воевать матросом, а закончил войну в чине капитана. Как-то жена его, Маргарита Григорьевна, принесла в комнату где мы разговаривали, китель фронтовика — весь блестел от наград, ткани почти не видно — пять или шесть орденов и тьма медалей.

Одна из них — «За отвагу» — была добыта так:

«Воевал я в сорок первом на Карельском перешейке. Был в разведбатальоне. Лежим однажды в снегах, в лунную ночь на территории противника. Видим, идут на лыжах финны. Лыжники они великолепные. Их шесть человек и нас столько же. Нам нужен был «язык». Просчитали, который из них офицер, оставили его живым, а остальных — положили. (Жена, слушая его рассказ, с ужасом отпрянула: «Ты их убил?! Господи...») Экипированы они были прекрасно. Мы одеты в фуфайки и ватные штаны, а на них куртки и брюки из гагачьего пуха и теплые ботинки. Убитых раздели. Одежду взяли с собой. Куртка на гагачьем меху мне впору оказалась. А брюки — маловаты. Но все равно, в снегах потом лежал — не замерз...».

Правда войны жестока. Даже отцу потом не все рассказывал. Ордена получал уже за форсирование Буга, Одера, Вислы...

— А отец воевал?

— Нет. Он был инвалид детства. Хромал на левую ногу. А работал в лесной промышленности, в Калуге был директором крупного мехлеспункта. В тридцать седьмом летом случились большие пожары. У него сгорел поселок. И что же? Посадили. Год сидел, пока не выяснилось, что его вины нет. В лагере он организовал цех по переработке древесины, показав всем, что имеет сметку и большие организаторские способности. В Костроме отец появился в 45-м, его назначили заместителем начальника управления «Костромалес».

— Но все это так далеко от цветоводства...

— Да. Сначала на четырех сотках возле дома он посадил яблоню, малину, выращивал огурцы, морковь, помидоры. А потом вдруг произошел в нем какой-то переворот. Увлёкся цветами. Занялся селекцией. Через пять лет у отца уже были три золотых медали ВДНХ: За розы. За пионы. За гладиолусы. Когда известность пришла, — то к его участку прирезали еще две сотки от пустыря, и стало у отца шесть соток. Это был мир, фантастически богатый красками и запахами. Чуть ли не ежедневно появлялись в саду экскурсии — рабочие, служащие, пионеры. У него, кстати, была тысяча различных кактусов. Из Москвы приезжали на машинах, предлагали купить за большие деньги эту коллекцию. Он отказался и подарил все кактусы Дому пионеров.

— Сад был большой. Забор низкий. Не воровали цветы?

Знаете, нет. Тогда все мы жили совсем в другом мире. Это сейчас в коллективном саду разграбили и разломали весь мой дом. И у соседей — тоже. А тогда, в пятидесятые, было все иначе. Тогда на фабриках были цветочные теплицы. Посадочный материал брали у отца. Он консультировал. А после его смерти долго еще к нам приходили пачки писем из многих городов страны. Сотни цветоводов просили посадочный материал. Советовались.

— Отец один ухаживал за садом?

— Нет. Ему помогали моя сестра Людмила и мама — Елизавета Иосифовна. А потом стала помогать моя жена. Они в основном носили воду из колодца.

Хотя Евгений Николаевич был дома наездами (он работал тогда в Сопкино), но в памяти осталось множество различных деталей деятельности отца — туя, привитая к сосне, отчего лапник стал массивным и ярко-зеленым, черно-бордовый гладиолус на двух грядках — давно к этому цветку подбирался селекционер, запомнился московский художник Игорь Романов, рисующий с натуры розы, сирень, иерейские хризантемы, флоксы «Костромские огоньки» и «Люся», гладиолусы «Гордость Костромы»... Эти цветы и десятки других были выведены Николаем Дмитриевичем.

Когда он приехал в Кострому и прошелся по городу, побывал во всех окрестностях и фабричных садах, увидел, что на клумбах преобладали душистый табак, петунья, астры, львиный зев и бархатцы, а в садах любителей-цветоводов — несколько сортов гладиолусов и флоксов, мелкоцветные георгины, — не было пионов, белых лилий, благородных роз.

Через десять лет все изменилось. В городских садах, на предприятиях, в школах, в скверах появились цветы, которых ранее не видели. А шесть соток на месте бывшего пустыря стали приусадебным ботаническим садом, где было собрано свыше 180 родов и видов плодово-ягодных и цветочно-декоративных растений. Им были собраны более полусотни элитных сеянцев георгинов, гладиолусов, флоксов, пионов, лилий...

Своему сыну Николай Дмитриевич оставил заветы, написанные на небольшом листке бумаги. Я читал их. Вот несколько:

«Будь беден, но честен. (Этот завет твоего деда Дмитрия передай внукам.) Решай смелей, свое решение выполняй. Никогда не разбрасывайся в работе...»

Сам цветовод-селекционер упорно шел к своей цели — превратить Кострому в город-сад. Он многого добился. У него были последователи. Были книги.

Утрачен его сад. Не утрачена — память.

ТРАГЕДИЯ В АЛЬПАХ

Ровно сто лет назад в живописном местечке австрийского Тироля (рядом с горным озером Ахензее) исчезла русская девушка. Выйдя утром из отеля «Зеехоф», она направилась по горной тропе к вершине горы, которая скрывалась в тумане. Скоро начался дождь. Он шел весь день. Родственники, оставшиеся в отеле, ждали девушку вечер и ночь. Она не вернулась. Несколько групп отдыхающих вместе с проводниками вышли на поиск. Прибыли спасатели из соседнего городка. Полмесяца поисков не дали никаких результатов. Багаж девушки, оставшийся в отеле, был осмотрен полицией, а затем опечатан. В портфеле нашли портмоне с австрийскими деньгами, в сумочке оказался золотой медальон и черные часы, паспорт на имя Елизаветы Александровны Дьяконовой и разная мелочь. В отдельном карманчике лежала квитанция на багаж, который остался на станции, — это был сундук, в котором полиция нашла книги, платья, фарфоровую статуэтку и разные женские мелочи. Много места занимала большая связка тетрадей. На верхней коричневыми чернилами было крупно написано: «Дневник русской женщины». Полицейские чины, осматривающие вещи исчезнувшей девушки, пригласили родственников ее, к которым она приехала (они находились в ужасном состоянии от горя), других русских, отдыхающих в это время в Тирольских Альпах, и благодаря им часть тетрадей — выборочно — была прочитана. (Полиция занесла это в протокол). По всему тексту, а он был объемистый, в несколько тысяч страниц, мелькали названия старинного русского городка «Нерехта».

15 апреля. Милая Нерехта! Твой воздух действует на меня благотворно, я оживляюсь при одном твоём виде. Самый звук названия приятнее мне всякой музыки...»

28 июня. Я в Нерехте! Опять на родине, дышу ее знакомым воздухом, гуляю в нашем милом саду, который год от году все более разрастается. Чудо как хорошо здесь! Я буквально не помнила себя от радости, когда приехала сюда, и как маленькая бегала по комнатам. Каждое зеркало отражало сияющую физиономию и блестящие серые глаза... Я гуляю по саду, смотрю на небо, звезды сверкают одна за другой, а тени от кустов и деревьев становятся все гуще и гуще, шелестит тихо ветер, кузнечики стрекочут в кустах, становится темно. Как прав был поэт, сказав: «Сохраняется дольше в глуши первоначальная юность души...»

Всех присутствующих при чтении этих тетрадей удивили страницы, где было философское осмысление своего места на земле, раздумья о религии, несовершенстве человеческой породы, понимании женщины в картине мироздания и многом другом.

«10 апреля. Когда подумаешь, что пройдет сто лет и все мы, наша жизнь, родные, знакомые, даже толпа на улицах — все это умрет, исчезнет, не оставив после себя даже следа, как канула в прошлом вся жизнь таких людей, как мы, — сразу как-то своя личная жизнь, свои

Историю кажется мельче, ничтожнее, отойдут гораздо дальше, то настоящее, которое в данную минуту занимает нас всецело, вовсе не будет уж казаться так велико, если продлится даже несколько лет. А через сто лет? Все-все опять другое, новое, нам неизвестное!..»

II Нерехте стоит двухэтажный с мезонином каменный дом, окрашенный с фасада в лимонный цвет. Он известен как дом Дьяконовых. Здесь появилась на свет и жила Лиза Дьяконова со своими братьями и сестрами. От здания краеведческого музея до этого домика — несколько шагов, лишь перейти улицу. Конечно же, прежде всего хочется увидеть роскошный сад, о котором с таким умилением писала гимназистка Лиза. Увы! Этого сада давным-давно уже нет. Он разрушен. На его месте пустырь, и только несколько старых черных лип в отдалении напоминают о прошлом.

А теперь зайдем в дом. Поднимемся по крутой лестнице на второй этаж. Здесь сейчас размещается молодежный центр. Руководители его, для памяти обитателей этого дома, время от времени устраивают в большом зале с высокими окнами представления «Из жизни семьи Дьяконовых». (Недавно я был в Нерехте, заглянул сюда и попал на представление пьесы местной поэтессы Надежды Власовой. В зале звучал рояль, была создана обстановка позапрошлого века, звучали монологи умной и красивой девушки Лизы Дьяконовой, ее споры с матерью, с друзьями... Кстати, в этот же день на стене дома появилась мемориальная доска в честь Лизы). На втором этаже вам могут показать маленькую комнатку с низкими потолками, в которой она жила, откуда в лунные ночи любила смотреть на сад...

Письма Елизаветы Дьяконовой, студентки Сорбоннского университета в Париже, были переправлены в Нерехту. (Где они теперь?) Почти сразу же в печати появился солидный том (почти тысяча страниц): «Дневник Елизаветы Дьяконовой. 1886-1902». Здесь, в этом томе, было все то, что мы нашли в ее рукописях в Тирольских Альпах «Дневник одной из многих 1886-1895 гг.», «Дневник на Высших женских курсах 1895-1899 гг.», «Дневник русской женщины 1900-1902 гг.», а также «Литературные заметки. Стихотворения. Статьи. Из переписки с друзьями».

Столичная пресса восторженно писала о новой книге и ее авторе: «Перипетии ее жизни — это перипетии жизни целой массы русских девушек, познавших необходимость учиться и развиваться...» («Виржовые ведомости»).

«Дьяконова была слишком сложной натурой для того, чтобы жить патристической жизнью провинциальных барышень...» («Северный край»).

Она закончила Бестужевские курсы в Петербурге, училась в Сорбонне — в Париже. Мечтала стать учительницей и работать в Нерехте или в уезде. Она обладала упрямым характером. Родители не хотели, чтобы она училась — она настояла на своем. Родственники хотели видеть в ней молодую женщину, ничем от них не отличавшуюся.

Она осталась самой собой. Родственники в отеле отговаривали ее идти в непогоду к вершине горы через Унньюское ущелье. Она — пошла. .

Только через четыре недели тело Лизы Дьяконовой нашел молодой пастух. Место это оказалось совсем близко от озера и отеля, в трехстах шагах от дороги. Горная палка Лизы стояла у каменной стены, а тело лежало в мелком каменном бассейне, освещенном полуденным солнцем. Сверху падал водопад. По донесению штатгальтерства Тироля и Форарльберга обе ноги девушки были сломаны, очевидно, она была увлечена водопадом вниз с 30-метровой высоты.

Спор о том, был ли это несчастный случай или самоубийство, не окончен по сей день.

Гроб с телом Лизы был переправлен из городка Ахенталья в Нерехту.

На погосте у Крестовоздвиженской церкви всегда тихо. Могила Лизы Дьяконовой искать не надо — она слева от храма. На ней стоит высокий белый крест. Летом здесь часто появляются цветы. Здесь звучат ее стихи:

Братья милые и сестры,
Как умру я — помогите,
Не забудьте моей просьбы
И меня похороните
В том саду моем любимом,
Где ребенком я играла,
В годы юности тревожной
И резвилась, и мечтала...

ПЕТР И ПАВЕЛ,

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ В ВЕКАХ

Несколько лет назад я был по делам в дальней кадыйской деревеньке. Вечером смотрел в клубе спектакль, который показывал народный театр, приехавший из райцентра. Спектакль был принят тепло, после постановки деревенские женщины угощали самодеятельных артистов чаем с булками, ягодами (ужинали прямо на крыльце клуба), а затем колхозная машина повезла декорации и артистов домой, в Кадый.

Я ехал в кабине с Маргаритой Степановной Громовой, исполнительницей главной роли. Вот так и познакомились. Позднее она была режиссером, ставила что-то из западноевропейской классики, и удачно, я все хотел приехать написать, но не смог. И вот совсем недавно был в Кадые и заглянул к Маргарите Степановне. В спектаклях она уже не играет, а режиссерство передала своей внучке.

Сидя в светлой, солнечной комнате, вспоминали старые постановки, говорили о том, о сем. И тут я заметил на столе у окна

фотографию двух священников. Я смотрел, и у меня было такое ощущение, что где-то эту фотографию уже видел. Потом вспомнил: ну, конечно же, в Нижегородском художественном музее висит картина Б.М. Кустодиева, которому, кстати, весной этого исполняется 125 лет со дня рождения. Она, по-моему, называется: «На приеме».

· Это репродукция? – поинтересовался я.

· Да. Мне прислали из музея. Слева – мой дедушка Петр Владимирович Попов, он был священником в селе Богородское, недалеко от Семеновского-Лапотного. А справа от дедушки сидит дьякон той же церкви Павел. Я хочу написать в Нижегородский художественный музей то немногое, что я знаю об этом Павле от родителей. Видите, у него доброе лицо, взгляд мягкий и кроткий. Он и в жизни был таким. По совместительству работал в школе в Починок-Пожарище. Эту школу построил Борис Михайлович Кустодиев. Детишки Павла не слушались, валялись, и он расстраивался всегда. В то время еще шлепали по голове квадратом...

· Чем?

· Квадратом. Так линейка называлась. А Павел не мог этого делать. У него рука не поднималась. А ребята этой его добротой пользовались и проказничали. Мой дед предложил перейти ему в церковь в Богородском. Павел согласился. Все деревней построили ему красивый дом с парадным и черным входом. От дома шла липовая аллея. Но пожил в Богородском он недолго. У него умерла жена, он очень переживал и из села уехал. Потом говорили, что он стал часто прикладываться, даже на службу являлся выпивши. А в один из пасхальных дней, когда святили пасху, он подошел к алтарю, схватил неожиданно пасху в руки и, пританцовывая, пошел вокруг аналоя, припевая: «Пасха, пасха, пасха...» Прихожане оторопели, не могли понять, что произошло. А он сошел с ума. Мне это рассказывала мама. И еще говорила, что когда Кустодиев приезжал к деду писать портрет, всех детей прогоняли из гостиной, чтобы не мешали. Но всем было очень интересно, что происходит в большой комнате, поэтому дверь то и дело скрипела, и детские носы высовывались один над другим.

О своем деде, который неожиданно стал известным благодаря висти художника, Маргарита Степановна рассказывала с большой симпатией. У Петра Владимировича и его жены Надежды Андреевны было 16 детей. Правда, многие умерли в раннем детстве, так что выросло только девять. Старший, Павел, как и отец, стал священником. Был репрессирован, больным вернулся домой и скоро умер. Михаил стал учителем, был коммунистом и рано умер от воспаления легких. Николай отправился на фронт и пропал без вести. Мария, Екатерина и Людмила работали в медицинских учреждениях. Мать Маргариты Степановны была учительницей. (Вообще, надо сказать, в династии Поповых 23 учителя. И стаж общий подходит к полутысяче лет. Четыре поколения учителей. А четвертое поколение открывают внучки Громовой Елена и Людмила).

- Между прочим, и дед ваш похож на педагога...

- Вы правы. У него был большой лоб и очень пронизательные глаза. И речь правильная. Когда Кустодиев построил школу в своем имении, а учеников явилось столько, что в новом здании не хватило места, то священник отдал полдома своего деревенским детишкам для занятий.

- У него было образование?

- Он в Костроме закончил семинарию. Ему очень трудно жилось. Родился он в 1871 году в Павкине в бедной семье. Родители умерли, когда ему едва исполнилось 16 лет. Остались на его попечении два младших брата и сестра Клеопатра. Но у него была сильная воля, работающие руки. Видите, какие руки? Даже Кустодиев это заметил. И Петр Владимирович не знал слов «не умею», «не выходит», «не хочу». У нас за селом была река Медоза. А Павел, его старший сын, не умел плавать. Так он его бросил в речку и кричит барахтающемуся: «К моему берегу не плыви!» И Павел научился плавать. Так вот, после семинарии дед служил в селе Березовец в Галичском уезде. Друзья познакомили его с шестнадцатилетней дочерью богатой вдовы Дроздовой. Надя умела играть на фортепьяно, прекрасно пела, говорила на французском, шила и вязала, хорошо ездила на лошади. И я помню вечера, которые устраивались в доме дедушки. Бабушка играла на рояле, я перевертывала ей нотные листы, а гости пели. Чудное было время.

- Этот дом в Богородском сохранился?

- Ну, что вы. Ничего там сейчас нет. От церкви даже кирпичей не осталось. А ведь такое было прекрасное место. Небольшой мирок, но очень уютный и живописный. Я по памяти набросала эскиз этого села. Вот он...

- А где тот рояль, на котором играла ваша бабушка?

- Когда дедушку репрессировали, сослали в Котлас, то дом забрали под школу. Она стала называться Буденновской школой. А стулья, стол и рояль изрубили на дрова. Так распорядилось местное начальство...

Надобно сказать, что весь этот староусадебный культурный ареал возле села Семеновское-Лапотное, который привлекал художника Б. Кустодиева, писателя А. Писемского, писателя-зоолога Л. Сабанеева (а здесь жили и дальние родственники А. Пушкина), погиб, исчез и живет лишь в памяти стариков-старожилов да на полотнах Бориса Михайловича. Когда подъезжаешь к поселку Островское со стороны Макарьева, то напротив Клеванцова через речку Медозу еще видишь следы старого парка с вековыми соснами. За деревьями просматривается деревянная школа. А усадьбы Высоково, в которой начинающий художник Борис Кустодиев познакомился со своей будущей женой, давным-давно нет. Когда-то в ней жили старушки Грек. Фасад дома украшали два крыльца: парадное (за ним была оранжерея) и крыльцо в правой части дома. Внутри – кухня, передняя, зал и столовая с большим буфетом резного черного ореха, большим столом и резными стульями с высокой спинкой, украшенной орлом с распростертыми крыльями. Деревянная лестница вела в мезонин, где жили девочки Зоя

и Юлия Прошинские – воспитанницы старушек Марии Петровны, Юлии Петровны и Евгении Петровны Грек. Старушки говорили в доме на французском, английском и немецком языках. В усадьбе имелась прекрасная библиотека и картинная галерея.

Молодой Кустодиев, раз приехав сюда из Семеновского-Лапотного, сразу же увлекся Юличкой Прошинской, ну и, конечно, как это водится в романах, зачастил в усадьбу. В Высокове он написал немало этюдов и тот самый большой портрет Ю.Е. Прошинской, который можно найти почти во всех монографиях о художнике. Став именитым, заимев деньги, Б.М. Кустодиев построил у деревни Маурино (ее тоже нет теперь) дом – это неподалеку от Высокова. Он назвал его «Терем» - по архитектуре такой тот как раз соответствовал этому названию. Пока дача эта строилась, художник с женой жили в маленьком домике в саду профессора геологии Б.К. Поленова. По словам дочери художника Ирины Борисовны, в саду Поленовых был написан и портрет двух священников: «Изображенный на картине справа отец Павел – дьякон огромного роста, с громоподобным басом и фиолетовым носом, был всегда «подвыпивши». Отец Петр, рыжий, невысокий, елеинно говорил тонорком: он служил в церкви села Богородское, куда мы по воскресеньям ездили, так как там были похоронены старушки Грек, воспитавшие мою мать. Жил он бедно в маленьком домике возле церкви и работал в поле, как крестьянин. После церкви, где всегда было очень жарко, утомительно и скучно стоять, мы обычно пили в его доме чай из огромного медного самовара...»

Как мы видим, в воспоминаниях Маргариты Степановны и дочери художника есть кое-какие несовпадения, но это бывает.

• Жена Кустодиева, - сказала мне Маргарита Степановна, - не порывала связей с нашей семьей до сорокового года.

• Ну а какая судьба у вашего деда? – спросил я.

• Через два года после ареста он вернулся домой. Мама и бабушка на свои сбережения купили ему маленький домик в Звереве. Летом я приехала к нему на каникулы. Увидела, в огороде копошится какой-то маленький сгорбленный человечек в белом. Ползает на коленях между грядок. Я подошла и спрашиваю: «Дедушка, что с тобой?» А он растерялся, не знает, что сказать. «Ты почему в нижнем белье?» - спрашиваю я. А он мне отвечает, что не может одеться без посторонней помощи. У него все руки были перебиты, а во рту торчал всего лишь один зуб. Я заплакала. Он стал гладить меня, улыбался и говорил: «Не плачь, видишь, я жив, жив». Он долго болел и в тридцать шестом году умер. На похороны приезжала Юлия Евстафьевна Кустодиева...

• А где похоронен?

• У своей церкви в Богородском. Где и старушки Грек.

...В Островском я заглянул в музей Б.М. Кустодиева. Он находится в деревянном доме, рядом с автобусной станцией. Автобус стоит десять минут – вполне достаточно, чтобы посмотреть выставку картин. Передвижную.

Из личных вещей художника лежит под стеклом палитра. Не с ней ли работал Борис Михайлович в Высокове и в мастерской своего «Терема»? Кстати, землю и «Терем» Б.М. Кустодиев отдал в 1924 году в дар Семеновскому волисполкому. «Хотелось бы, чтобы там была школа Б. Кустодиева». Сохранилось такое письмо. «Терем» же не сохранили.

ВЫ ШУМИТЕ, ШУМИТЕ НАДО МНОЮ, БЕРЕЗЫ...

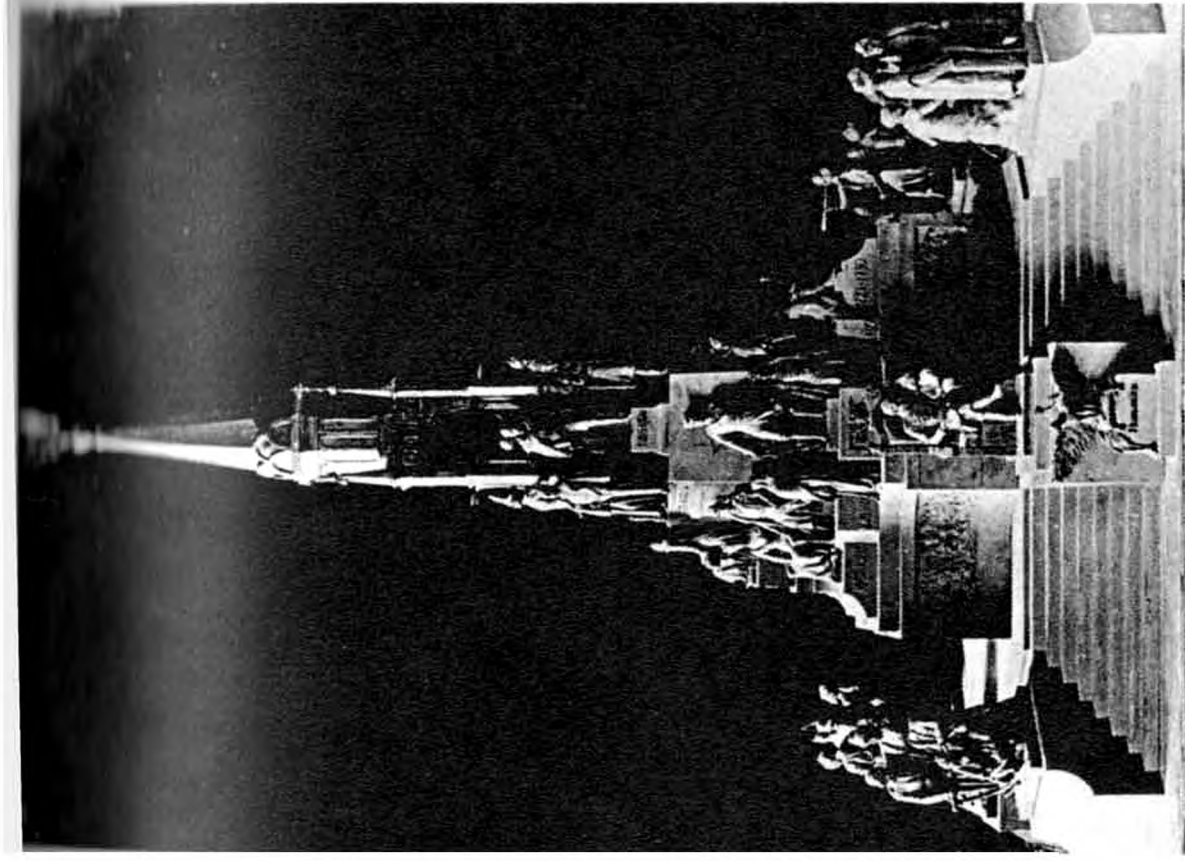
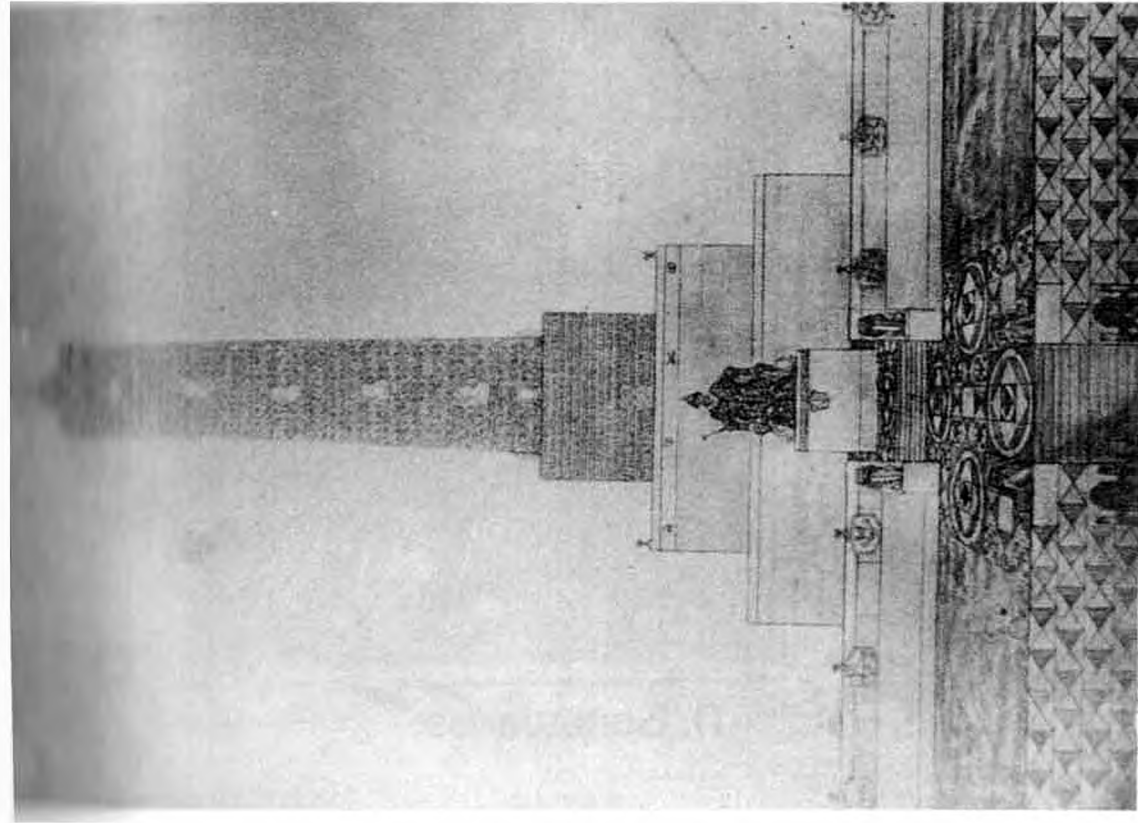
Хотя старший научный сотрудник Костромской лесной опытной станции Сергей Николаевич Багаев сидел и трудился в маленькой комнатке, обставленной незамысловатой старой мебелью, но имя его было известно не только в России, но и в Европе и в Азии. Дела заслуженного лесоведа, кандидата сельскохозяйственных наук, имевшего пять авторских свидетельств и 130 опубликованных работ, были столь велики, что сидеть бы ему в фешенебельном офисе, иметь бы богатый за городом особняк да еще три дорогих машины по всяким случаям. И так было бы, если б он жил в Финляндии, в Японии, во Франции, где его знают и ценят, — а в России это был скромный и бедный ученый, все работы выполняющий своими собственными руками и не находящий подчас понимания у местного чиновника.

При наших встречах он много рассказывал мне о своем житье-бытье, но я хочу представить читателю всего лишь несколько эпизодов из его жизни.

После института Сергей Николаевич с супругой своей Маргаритой Васильевной попал в Кировскую область (в Костроме вдвоем им работать не разрешили — семейственность). А на вятской земле издавна были известны каповые промыслы. Расцвели они в XVIII веке. А в конце XIX века мастера Бронников и Макаров с товарищами были уже участниками знаменитой Брюссельской выставки и получили за свои работы Золотую медаль Гран-при! После революции созданные этими мастерами часы были проданы за границу и потом только один или два экземпляра возвратили на Родину, отправили в столичный музей.

Артель эта еще работала. Молодой Багаев побывал в ней и пообещал мастерам отыскать капокорешковые березы в кировских лесах. Однако уже тогда понял, что одними наплывами дело не решишь, и принялся искать березы, которые бы имели красивую древесную структуру, в том числе и сучья.

Три года искал. Сначала в вятских лесах, потом в костромских делянках. Исходил леса кологривские, вохомские, павинские. Пешком прошел от Галича до Буя, разыскивал свою березу в поймах Вексы и Ветлуги, прошел десятки верховых болот. Ночевал в стогах сена. Питался рыбой, обменивая ее у местных колхозников на молоко, творог и масло. Оброс. Одежда поистрепалась. Но продолжил свой поиск. И

Два макета памятника в честь 300-летия Дома Романовых, (слева - архитектора Сологуба и др., справа - академика А.Адамсона) Вызавшие большие споры в Петербурге и в Костроме

Памятник В.И. Ленину

А. Адамсон

Л. Большаков

Соборный ансамбль в Костроме

Памятник царю
Михаилу Федоровичу и
крестьянину Ивану
Сусанину

Лиза Дьяконова автор
“Дневника русской
женщины”

1949г. Караваяевцы написали письмо И.В. Сталину

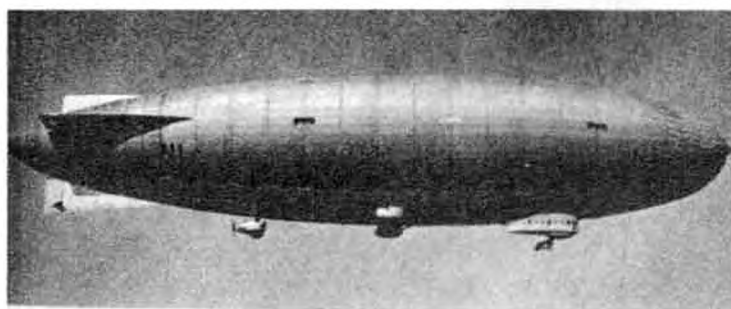

Кто ты, ЛИК?

Капитан
К.Ф. Федосеев

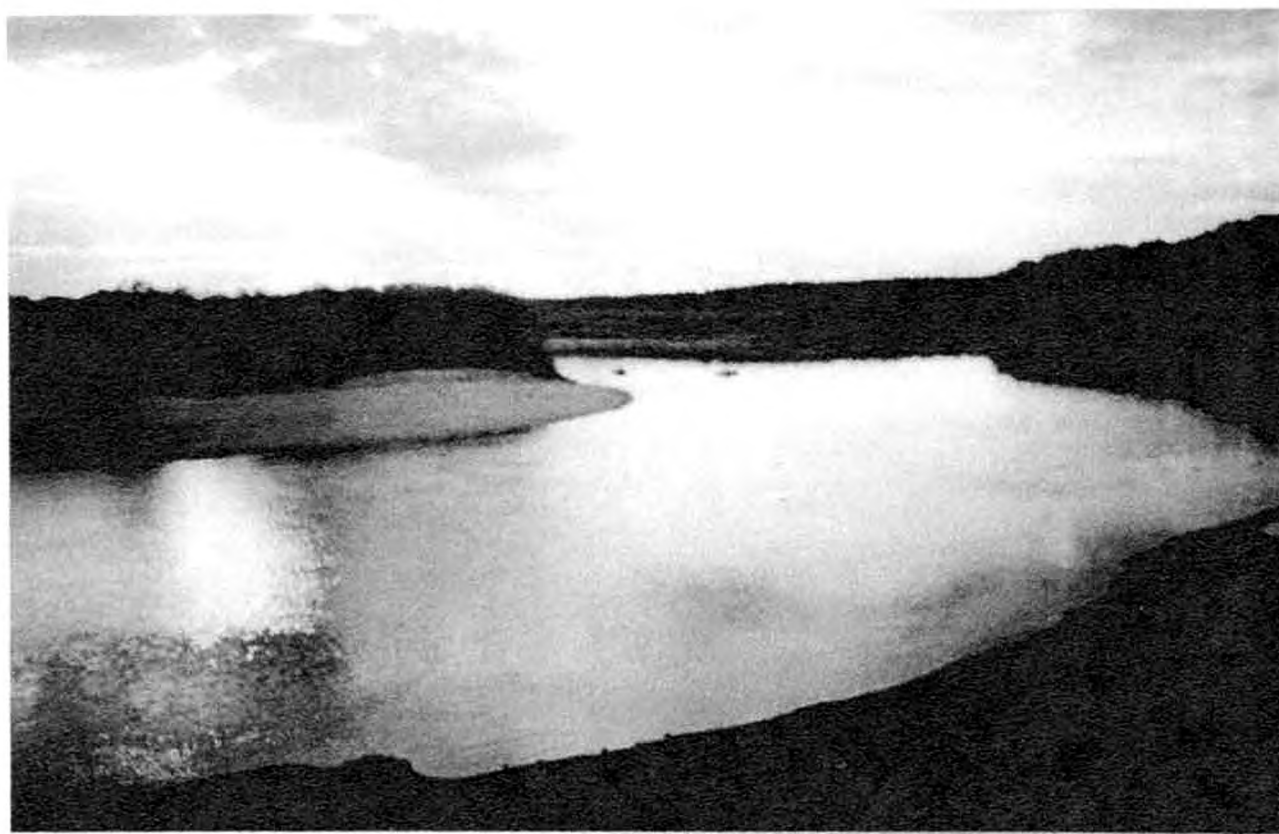
Дирижабль "Италия"

Княжая Пустынь

Семья Максимовых.

Кологрив. Унжа. Верхний Кокиль

пот поздней осенью, когда уже опала желтая листва, в судиславских лесах увидел то, что искал. На пригорке увидел карельскую березу. Достал из вещмешка календарь, отметил дату: «октябрь 1961 г.», затем развел неподалеку костерок, зачерпнул из лесного ручейка водицы, вскипятил чаю. Попил. Лег, закинул под голову руки и так лежал, смотря на свою березу и осеннее голубое небо. От счастья слезы появились на глазах и душа радовалась. Уж и костерок догорал и не грел, а он все лежал, вспоминая годы странствий...

От этой карельской березки он срубил сучок и нарезал щепочек — себе на память, друзьям и своему учителю академику Александру Сергеевичу Яблокову. Утром пришел в Судиславль, разложил их на подоконнике в общежитии, где жил тогда со своей семьей, щепочки подсохли и желтоватый цвет приняли — более красивого цвета он никогда в жизни не видывал. Приехав в Кострому, сразу же послал эти щепочки вместе с письмом в конверте А. С. Яблокову.

Академик собирался ехать в Крым на отдых, но, получив письмо от своего ученика, изменил маршрут и прибыл в Кострому. Кстати, он родился в нашем городе, учился здесь в гимназии и способствовал созданию в Костроме лесной опытной станции, а в молодости выращивал клоны исполинской осины. Побывав в знакомых местах, отправились в судиславские леса, посмотреть находку...

Исходив тысячи километров по лесам, изучая флору, Сергей Николаевич изучал одновременно и мир зверей. Без этого нельзя. Волк всегда уступает человеку свою тропу, с коварной рысью стоит всегда быть начеку, а вот к медведю всегда надо относиться уважительно. Медведь имеет в лесу свой ареал и каждый день обходит его с дозором. И беда тому, кто, например, притронулся к его рябине или поел в малиннике его ягоды. Однажды Сергей Николаевич с женой Маргаритой Васильевной несколько раз пересекли в лесу медвежью тропу. А когда возвращались назад, то своих следов уже не увидели. Это медведица (она была с медвежатами) в крайнем неудовольствии уничтожила следы людей в своем ареале.

А как-то знакомая лесовода — Полина — пошла в лес за черной смородиной. Набрала корзину, стоит и ест остатки ягод. Вдруг кто-то бросил в нее хворостину, а затем и колоду. Подумала, что это лесник дурачится, обругала его, а потом повернулась и обомлела — в метре от нее на задних ногах стоял огромный медведь. Женщина растерялась, минуту они смотрели друг на друга. Полина взяла корзину с ягодами и поставила в ноги медведю: «Миша, здравствуй. Извини, что я зашла в твой лес и набрала смородину без твоего разрешения. Я не возьму с собой эти ягоды. Ешь их, пожалуйста...».

И, оставив корзину, медленно пошла от медведя. Он не погнался за ней. Лесной закон был соблюден. Потом Сергей Николаевич был в гостях у Полины и увидел зайца с перевязанными ногами. Что это? Оказывается, заяц, убегая от лисы, юркнул в подворотню. Но лиса успела схватить его за ноги. Заяц заверещал. Полина подскочила,

потянула зайца за уши к себе. Лиса уступила. Женщина перевязала ноги зайцу, скоро он стал бегать по двору, но в лес его уже не тянуло...

Плантацию карельской березы Сергей Николаевич и Маргарита Васильевна — верная его помощница создавали недалеко от областного центра на 70 гектарах, которые им выделила городской архитектор Рыбникова. Помогали им дети. Вокруг ни души. Только на лугу время от времени появлялся пожилой мужчина — сенокосил. Он видел, как в ливень Багаевы бежали с плантации под мост, прятались там. Над ними пролетали машины, и вся грязь падала на лесоводов. Однажды косец подошел, представился, сказал, что мог бы им помочь — надо выписать семь кубометров леса и он поставит им домик — будет где укрываться в непогоду и держать инвентарь. «Так у нас денег нет платить вам за труд», — сказал Сергей Николаевич. «А и не надо. Я пенсию получаю. Семьдесят пять рублей. Мне хватает».

Через три месяца на плантации появилась избушка. А Николай Константинович Андрианов, так звали того самого косца, стал жить в этом домике (у него была и городская квартира), охранять посадки. Бесплатно. А когда на плантации появились грибы, стал собирать их и продавать. Разрешил ему С. Н. Багаев собирать веточки. Тот отправлял их в Караваево, на подкормку скота. Небольшая, но все же прибавочка к пенсии была у человека. В благодарность за бескорыстие лесовод назвал эту рощу — Андриановой. Есть еще одна роща — Ритина. В честь жены. Маргарита Васильевна спасла рощу от пожара, хотя сама сильно пострадала при этом.

Сергей Николаевич создал плантации карельской березы в Ивановской, Кировской, Ярославской областях. Они занимают 500 гектаров.

Во время Отечественной войны финны посылали в оккупированные немцами территории Карелии специальные экспедиции для вывоза карельской березы. На Западе ей цены нет. Особенно в последнее время. А наш русский человек цену ей не знает. Как-то шел Сергей Николаевич по поселку Пеньки в Островской районе и оторопел, увидев, что возле поленницы валяются нерасколотые чурбаки карельской березы. «Где рубил?» — спрашивает он у хозяина. А тот отвечает: «Мне привезли эти дрова. А где рубили, не знаю...»

А то была береза пламенная — редкий экспонат. Текстура каждого дерева неповторима. Она переливается. Красоты необыкновенной. Из нее можно делать очень дорогую мебель. Вообще наша сырьевая база, по убеждению С. Н. Багаева, позволяет сделать самую дорогую мебель в мире. А у нас эти формы идут в отвалы, сжигаются.

Пока еще нет мастеров. А может, они есть, но не хватает мозгов, чтобы обеспечить их токарными станками и инструментом, дать в руки дело. После корчевки рощи Сергей Николаевич с сыном собрали полтора центнера древесины карельской березы. Один костромской предприниматель купил березу за 120 рублей — 1 килограмм древесины пошел по стоимости одного килограмма сахара. А через некоторое

Время услышал лесовод по местному радио, что этот предприниматель изготовил из карельской березы журнальные столики и продал их за полтора миллиона рублей. Мастера ювелирного завода сделали ножи-ручки из карельской березы. Стоимость такого ножа две тысячи долларов. Кировским мастерам лесовод отправил целую машину карельской березы. Изделия этих мастеров пошли в Японию, Италию, Францию, Чехию, Болгарию...

У нас пока все не так. Чиновник из областной администрации, отобравший у лесовода часть плантации под коллективный сад, бросил ему словно в насмешку: «Кому твоя корявая береза нужна!» С. Н. Багаев промолчал, не стал отвечать ему известным библейским изречением.

ДАЧА ВИТОВА

Давно уже, лет тридцать пять назад, поехал я в одну из своих первых редакционных командировок от газеты «Волжская новь» в деревню Сельцо к ветерану войны, который воевал на полуострове Рыбачий и участвовал в десанте на мыс Пекшуев. Сидели с ним у открытого окна, откуда открывались великолепные дали. Рассказ его заканчивался. Взгляд мой рассеянно скользил по комнате. И тут на комодике я заметил стопку старинных книг. Когда уже пили чай с медом, я не утерпел и с любопытством заглянул в один — верхний фолиант с золотым тиснением по кожаному корешку. То был том доктора Эдуарда Регеля «Содержание и воспитание растений в комнатах». Я не столько читал содержание, сколько рассматривал бесподобные политипажи, то есть рисунки. Хозяин дома сказал, что у него таких книг — три тома и в одном какая-то дарственная надпись. Я заглянул в первый том и прочел: «Глубокоуважаемому Андрею Платоновичу Черкизову. Роберт Э. Регель».

— Откуда у вас эти книги? — спросил я ветерана войны.

Он сказал мне, что его отец когда-то работал садовником на даче Витова и был дружен с Андреем Платоновичем — известным ботаником, который создал на даче фабриканта удивительный дендрарий. Он приезжал сюда каждое лето, привозя с собой семена и саженцы. Скоро террасы на крутом волжском берегу стали напоминать ботанический сад, где можно было встретить растения с Дальнего Востока, из Южной Америки и даже, как говорили, из Малайского архипелага, из ботанических садов Бейтензорге, и Багора, где у него были хорошие знакомые — директора. А на даче Витова он держал обширную библиотеку, исчезнувшую сразу же после национализации дачи. Несколько книг А. П. Черкизова осели в доме садовода — а как и при этих обстоятельствах, мой новый знакомый сказать не мог. (Спустя несколько лет я купил у него этот редчайший трехтомник Э. Регеля.) Среди страниц нашел листок бумаги с какими-то расчетами и

перечислением растений на латинском. Я показал этот листок старому садоводу, и он сделал мне перевод с латинского. Вот небольшой перечень растений, которые Черкизов хотел, очевидно, высадить или уже имел в своей оранжерее на даче Витова: болотный финик, мохнатый непентес, непентес Рафлези, киноварный гемантуз, диксония антарктическая, дихоризандра мозаичная. Все эти растения, как я узнал, произрастают в Каледонии, на Филиппинах, на островах Меланезии...

Не знаю, кому принадлежал этот четкий с наклоном почерк, но и записи и сам трехтомник подвигнули меня к изучению этого диковинного мирка близ Костромы. Даже сегодня, почти сто лет спустя после строительства главного дома и разбивки парка и дендрария (а мне все же думается, что Андрею Платоновичу хотелось создать здесь ботанический сад и его трудами была уже построена оранжерея, где обитали великолепные тропические растения, приводящие в восхищение обитателей дачи) можно увидеть тут и там в запущенном парке редкостные для нашей области деревья, чего стоит только одна пирамидальная ель со стволом в четыре обхвата! Здесь можно увидеть пирамидальный тополь, кедр, пихту, ясень, дуб и тую. Журналы ботаника давным-давно исчезли. Но по рассказам старожилов, в парке были высажены десятки экзотических деревьев и растений. Кое-что сохранилось и по сей день.

Еще можно увидеть заросший пруд. Еще можно спуститься к Волге по каменной лестнице, покрытой мхом. Еще можно с грустным восторгом осматривать главное здание, выполненное архитектором А. Галецким в модном в начале прошлого века стиле модерн, пройти по каменному мосту и выйти через красивые каменные ворота в корабельную рощу. Но все здесь приходит в упадок. Все разрушается и ничего не восстанавливается. Не стало чудной деревянной беседки. Исчезли ажурные кованые перила на каменной лестнице, украдены несколько лет назад и по сей день не найдены шедевры искусства -- бронзовые фигуры Анакреонта и Дианы, встречавшие гостей на парадной лестнице в вестибюле. Разобран на дрова деревянный особняк, построенный владельцем усадьбы для больной дочери.

А сейчас немного истории.

Эту прекрасную виллу на высоком волжском берегу построил вичужский фабрикант Александр Федорович Витов. В здании после национализации размещался санаторий «Красный профинтерн», в войну тут был эвакогоспиталь, потом стал туберкулезный санаторий.

В Иваново на фабрике «Красная талка» в музее есть уголок, посвященный бывшему хозяину. Начало династии промышленником положил крестьянин графа Шереметева — Петр Витов. В XVIII веке он основал на берегу Талки мастерскую. А в следующем столетии тут была уже фабрика «Прасковья Витова с сыновьями». Сыновей было много. Некоторые из них получили высшее техническое образование.

Александр Федорович — добрейшая, романтическая натура, соривший деньгами направо и налево, помогавший бедным, в том числе

и большевикам. Как известно, в его усадьбе скрывался несколько месяцев после революции 1905 года Михаил Фрунзе. На дачу приезжали жандармы, но хозяин не выдал им молодого симпатичного большевика. Правда, тут есть еще одна история, достойная романиста: Наденька Витова, больная туберкулезом, влюбилась в молодого умного рабочего. Они часто гуляли вместе по зеленым террасам парка, а когда он уехал — переживала. (Они встретились еще раз, в годы революции, когда Фрунзе командовал южным фронтом, а Надежда Александровна с мужем уезжали за границу. Фрунзе узнал ее. Помог сесть на пароход, отправлявшийся в Турцию.)

А здесь, на даче, тишина сменялась многоголосием гостей. Приезжали братья и сестры Александра Федоровича. Заглядывали артисты. Из открытых окон часто была слышна музыка. Пели заезжие знаменитости.

Из роскошной обстановки тех времен я видел на бывшей даче Витова старинное кресло и наполовину разграбленную люстру, громоздкий дубовый буфет (стол буфета из черного мрамора). Все дверцы в буфете открывались — кроме одной. Ключи остались у хозяина. А что было в этом шкафчике — тайна. Кое-кто больных санатория (а среди них были и «медвежатники» — отсидевшие в лагерях многие годы) пытались открыть взрезной замок — ничего не получилось. Медсестры санатория показывали мне роскошный кожаный диван, дубовый стол, большие напольные часы с малиновым звоном, где висели огромные венецианские зеркала во всю стену... Вся роскошная мебель из дачи исчезла. Исчезли витражи. И трудно теперь поверить, что в окнах верхней террасы был когда-то гигантский аквариум и плавали редчайшие рыбки, привезенные из Малайзии, Японии, Рио-де-Жанейро...

Я интересовался у старичков о судьбе Александра Федоровича Витова. Одна древняя старушка сказала мне, что после революции его видели на любимой даче, но жил он уже не в главном доме, а ютился в маленьком закутке, в деревянном доме для служащих. Он уже не мог трудиться и его кормили сердобольные люди.

Давно забыты в народе имена фабриканта А. Ф. Витова и ботаника А. П. Черкизова, но парк, созданный ими на высоком берегу Волги, продолжает радовать, продолжает восхищать и удивлять заглянувшего сюда путника.

ЖРИЦА ЗАПОВЕДНОГО ЛЕСА.

Закончив дела в Варзенге, искал попутную машину в Кологрив. Время близилось к полудню. Стояла июльская жара. Лишь изредка с Унжи тянул ветерок, но и он не приносил прохлады. Я подошёл к входу в лесопункт. У крыльца стояла вахтовая машина. В тени на скамейке, сидела девушка в клетчатой рубашке, зелёные из плотной ткани брюки были заправлены в резиновые сапоги. На рюкзаке, который

стоял у её ног, лежала штормовка и поверх какие-то деревянные планки. Я сел рядом, с наслаждением вытянув уставшие ноги.

- Не в Кологрив? – поинтересовался я.

- Нет.

- А куда идёт машина?

- В резерват.

- Куда?

- В памятник природы «Кологривский лес», - улыбнувшись, объяснила мне девушка.

- А - а...

Я уже слышал, что в районе Варзенского елового массива учёные из Костромы пытались создать биосферный заповедник, но из этой затеи ничего не вышло, потому что местный леспромхоз успел свалить и вывезти по узкоколейкам почти весь уникальный лес, оставив для учёных всего четыре квартала из восьмидесяти десятков. Поэтому вместо биосферного заповедника и появился просто памятник природы. Не раз у меня появлялась мысль побывать в «Кологривском лесу», написать о нём, но журналистские дороги заводили меня совсем в иные места нашей области, и вот теперь я с интересом рассматривал девушку, которая, очевидно, была связана каким-то образом с заказником – с резерватом, как она сказала.

Я не ошибся.

Девушка оказалась молодым учёным. Она уже побывала на Дальнем Востоке, на Чукотке, на Командорских островах и на Таймыре, а здесь работала вторую неделю. В Варзенгу приехала за продуктами. Сегодня она распрощалась с группой учёных из лаборатории лесоведения Академии наук, машина увезла их в райцентр, а там должна была загрузиться другая группа учёных из Ленинграда, но она ещё не приехала в Кологрив, машина вернулась пустой.

- А вы что изучаете? – спросил я.

- Лишайники. Я лишенолог.

- Неужели вам это интересно?

- А вы знаете, сколько на земном шаре лишайников? Свыше двадцати тысяч! Но самое удивительное в том, что чем больше мы изучаем эти растения, тем больше они задают загадок.

- Каких?

- Лишайники служат индикаторами загрязнения окружающей среды. Когда на земле начались испытания ядерного оружия, то в тканях оленей в Норвегии и на Аляске был обнаружен очень высокий уровень радиации. Сразу же было высказано предложение, что цезий олени получили из лишайников. Потом это подтвердилось. Когда ядерные взрывы сократились, уровень радиации в лишайниках сразу же понизился. Над Канадой погиб наш спутник «Космос - 945». Он работал на ядерном топливе. И радиоизотопы были найдены в лишайниках на огромной территории в 125 тысяч квадратных километров...

- А в резервате есть лишайники?

- Конечно. Например, уснею хохлатую не встретишь в загрязнённых районах. А здесь её очень много. Мне попалась цетрария сизая – это один из самых чувствительных к грязной среде видов лишайника...

Девушка с увлечением рассказывала о своей профессии, о тундре, из которой только что вернулась и, не отдохнув дома, приехала сюда, в Кологривские леса. В свою очередь, я сказал, что давно собирался написать об этом заповеднике, но не предоставлялся случай.

- Так поедemте! Посмотрите и напишите. Можете там хоть неделю жить. Спальный мешок найдётся...

- Мне завтра обязательно нужно быть в Кологриве.

- Ну и будете. Завтра учёные приедут. И вы на этой машине отправитесь. Решайте...

Ироническая улыбка пробежала по её загорелому лицу. Я подумал, что такого случая долго может не представиться, и согласился. Пришёл шофер. Я забросил её вещмешок в машину, и мы поехали.

Оля Тураева оказалась из семьи ленинградских учёных. Один из её родственников был известным историком, изучавшим древнейшие общества и написавшим большой труд по истории Египта, Вавилона, Ассирии, Ирана. Оля в детстве тоже мечтала быть египтологом, но затем интересы её круто изменились, она увлеклась естественными науками, но мир Древнего Египта, мистерии его сопровождали девушку во всех её странствиях по белому свету. Мне даже показалось, что египтология интересуется её больше, так увлекательно рассказывала она дорогой о жизни фараонов, жрецов и богов Египта, я даже перестал ощущать тряску по старой лежневой дороге, а ехали мы добрых тринадцать километров.

Оставив нас у просеки, машина развернулась и ушла обратно в Варзенгу. Я взвалил на себя Олин вещмешок, и мы пошли по едва приметной тропе.

- Далеко идти? – спросил я.

- Четыре километра.

- Как бы вы пошли с такой тяжёлой ношей?

- А я привыкла. Я могу не четыре, а четырнадцать километров пройти с вещмешком ещё более тяжёлым.

- Нет, я к таким походам не привык.

Спустя час мы вышли на поляну, заросшую кипреем. Здесь стояли два маленьких домика. Сбросив с плеч вещмешок, повалился в траву, только теперь почувствовав, как меня прямо-таки оглушила тишина. Во многих лесах я бывал, бродил по борам-беломошникам, но навсегда запомнилась мне тишина «Кологривского леса» - это было что-то необыкновенное, чему просто нет слов. Сквозь сиреневую вуаль кипрея просматривались исполинские ели. На тропе Оля говорила мне, что некоторые ели достигали здесь почти пятидесятиметровой высоты. Но их уже нет, срубили не так давно. И вообще заповедник чудом удалось сохранить костромским учёным.

Олю я нашёл у ручья. Она уже развела костёр и готовила чай в большом закопченном алюминиевом чайнике.

- Идите, умывайтесь. А потом пообедаем, - сказала она.

Я напился из лесной речки. Сполоснулся прозрачной холодной водой. Перепрыгнув её, поднялся по крутому подъёму на бугор. Увидел старые шпалы. По-видимому, здесь когда-то были «усы» от узкоколейки Рельсы сняли, а шпалы остались лежать навечно.

Я возвратился к костру. Оля хлопотала у самодельного столика.

- Ну, нравится вам здесь?

- Да

- Мы сейчас поедим, и я покажу вам заказник, если, конечно, вы не очень устали...

- Да нет, ничего. Умылся, и стало легче...

- Садитесь. Угощайтесь.

- Спасибо. И вы всё время вот так скитаетесь?

- Скитаются бомжи. А я изучаю природу. Изучаю мир. Для меня это естественное состояние.

- А если бы я не поехал сегодня с вами? Вам не страшно было бы остаться ночью одной в этой глуши?

- Бояться надо людей. А здесь, как видите, людей нет.

- А звери?

- Ну, я же в домике сплю. Кстати, ваш домик слева. Я уже приготовила вам спальный мешок.

После обеда немного отдохнули. А затем Оля повела меня в лес. Мы шли медленно. Впечатление было такое, словно я иду по мягкому-мягкому ковру. Упавшие когда-то деревья лежали под толстым одеялом мха. На пнях добротнo сидели такие же зелёные шапки. А все деревья были украшены серебром лишайников. Кое-где попадались вывороченные с корнем ели. Они напоминали мне гигантские зонтики, лежащие на земле в раскрытом виде. Солнечный свет сюда почти не проникал.

- Подойдите сюда, - услышал я Олин голос из-за деревьев. – Когда у вас заболит голова, то можете употреблять вот этот лишайник. Это пармелия бороздячая. Поможет.

- А что поможет от ангины? У нас одна сотрудница в газете страдает от неё.

- От ангины? Пусть купит в аптеке спиртовой раствор бинана. Как только заболит горло, пусть растворит в воде несколько капель этого препарата и прополосчет им горло. Могу заверить, что никакой ангины не будет. А создано это лекарство вот из такого лишайника. В нём есть усниновая кислота – антибиотик...

Не знаю, сколько мы бродили по лесу, но усталости я не чувствовал. На знакомую поляну вышли, когда уже солнце коснулось макушек дальнего ельника.

- Попрощаемся с солнцем! – сказала вдруг Оля и встала в позу египтянки, поклоняющейся Атону: выбросив руки вперёд, ладонями

вверх. Она что-то прошептала, едва раскрывая губы, и повернулась ко мне. – Каждое утро нужно здороваться с Солнцем, а вечером прощаться.

- Вы что? Солнецепоклонница?

- Мы раздробили воспитание тела, ума и души, - сказала она.

По её мнению, наши физические и естественные науки, достигнув больших высот, отстранили человеческую душу от воздействия на окружающий нас мир. Религия перестала удовлетворять разум, медицина не хочет слышать ни о душе, ни о духе человека. Современный человек допускает три величайшие ошибки, которые могут привести его к гибели. Он ищет удовольствия без счастья, счастья без знания, а знания без мудрости. Древний мир не допускал, чтобы всё это разделялось. Там была гармония.

- Ну а солнецепоклонница я или нет – это не так уж важно. Важно другое. Если вы не хотите болеть, если вам приятно быть бодрым, энергичным и разумным – каждое утро говорите с Солнцем...

- А о чём?

В моём вопросе, видимо, прозвучала ирония. Оля взглянула на меня глазами жрицы, строго, не мигая.

- Я вам скажу. Но к этому надо относиться серьёзно.

- Хорошо.

- Слушайте меня внимательно. Каждое утро, просыпаясь или выходя на улицу, говорите: «Здравствуй, Солнце, Божество моё. Тебе о Солнце, Божество моё, - радости, радости, радости. О, Солнце, Божество моё. Ты наполняешь своей энергией-радостью все клетки моего организма». Перечислите клетки всех ваших органов. Прикажите здоровым клеткам занять место больных. Клетки ваши обладают разумом, и они выполнят команду мозга, вернее, клеток мозга. Оля сделала несколько шагов в гущу кипрея и, стоя там, продолжила: - Далее вы говорите: «О Солнце, Божество моё, все клетки моего организма живут для тебя, работают в Твоём ритме и радуются Тебе. Я наполнен Твоей Божественной энергией-радостью, сливающейся с Твоего прекрасного сияющего Тела. Вся вредная энергия – не радость уходит из меня в пространство и в землю...»

Оля не заметила, как я сделал несколько снимков. (Фотографии, сделанные в заповедном лесу, не получились, мало было света, а снимки на поляне получились удачными. Оля стоит в зарослях кипрея с поднятыми к солнцу руками и разговаривает с древним светилом). Она не стала спрашивать меня, понял я что-либо из её слов или нет, принял это к сведению или же отнёсся со скепсисом – она, видимо, предоставила мне право выбора, как это делали египетские жрецы в отношении своих адептов, желающих стать посвящёнными.

Вечером мы вымыли посуду в ручье. Потом Оля рассказывала, какие учёные были здесь и чем занимались. Я сидел на самодельной скамье у окна и не сразу обратил внимание на старинную книгу в

газетной обложке, которая лежала тут же на скамье. Но вот я взял книгу в руки. Полистал страницы.

- Это книга моего прадеда, - сказала Оля. – Геометрические доктрины Древнего Египта...

Я стал читать и почувствовал, как у меня холодеет внутри. Я исписал весь свой репортёрский блокнот. Вот маленькая частица исписанного: «Могут ли души умирать?» - спросил Гермес. «Да, ответил голос Осириса. – Отпускаясь из сферы в сферу, они облекаются в оболочки всё более тяжёлые. В каждом воплощении они приобретают новые телесные чувства, соответствующие обитаемой среде. Их жизненная энергия увеличивается, но по мере того как они проникают в тела всё более плотные, они теряют воспоминания о своём небесном происхождении. Многие погибают, спускаясь в материю. Душа есть дочь небес, и её странствия есть испытания. Если в своей безудержной любви к материи она потеряет воспоминание о своём происхождении, таившаяся в душе божественная искра, способная превратиться в сияющую звезду, возвращается обратно в эфирное пространство, и душа рассеивается в вихрях грубых элементов...» Гермес затрепетал. Семь сфер исчезли в густых туманах. Он увидел в них тени людей, бьющихся и испускающих страшные крики, их хватали и разрывали на части призраки чудовищ и животных посреди невыразимых стонов и проклятий. «Такова, - раздался голос Осириса, - судьба душ неисправимо злых и низких. Их мучения кончаются только с их уничтожением, которое есть потеря всякого сознания. Но взрай: туманы рассеиваются, семь сфер появляются вновь. Видишь ты этот рой душ, пытающийся подняться в лунную сферу? Взгляни, как они роятся и, описывая круги, соединяются в божественные хоры. Каждый приближается к своему гению. Наиболее прекрасные пребывают в области Солнца, наиболее сильные устремляются в Сатурну. И лишь немногие поднимаются до самого Отца, становясь среди совершенных сами совершенными, ибо там, где всё кончается, - всё начинается вечно, и все семь сфер возглашают: «Мудрость! Любовь! Правосудие! Красота! Слава! Знание! Бессмертие!»

Я читал эту книгу допоздна. И я понял, почему Оля берёт её с собой в научные экспедиции, почему она разговаривает а Солнцем утром и вечером. А позднее я где-то прочитал, что прадед её поклонялся египетским богам.

Мистерии Древнего Египта завораживают, а искусство гипнотизирует.

Утром я проснулся, вылез из спального мешка и открыл дверь. Солнечное утро было как вознаграждение за вчерашние душевные переживания. Я походил босиком по росе. Вспомнил разговор с Олей и произнёс про себя то, о чём она мне накануне поведала. Не знаю, может, это было уже самовнушение, но я в самом деле весь день чувствовал потом необыкновенный прилив сил, бодрость и лёгкость.

Я сломил ветку с лишайником и положил в сумку.

Оля улыбнулась.

- Запомнили, как называется? Забыли? Уснея хохлатая. В загрязнённых местах её не встретишь.

Эта ветка хранится у меня до сих пор...

Однажды был в Москве и в метро на станции Арбатской неожиданно увидел Олю. Мы обрадовались встрече. Сели на скамью у тускло сплетающейся мраморной стены и долго говорили, не замечая людей и проносившихся с воем мимо нас поездов. Оля только что вернулась из экспедиции на остров Врангеля, восхищенно описывала мне северные красоты – дикие скалы птичьи базары, синеву ледовитого океана и удивительную прозрачность воздуха, а в конце разговора все же вспомнила заповедный кологривский лес.

- Так хочется вернуть в этот покой, - сказала она. – На поляну, заросшую кипреем, к домикам ученых. Хочется услышать журчание ручья и с радостью осознавать, что ждут тебя знакомые тропинки в фловом лесу, знакомые птичьи голоса...

Зеленые глаза ее грустно светились.

Я слышал, что она еще раз приезжала в Варзенгский массив. А потом был Чернобыль. Первыми из ученого мира поехали туда Юрий Данилович Абатуров, с которым я дважды встречался в заказнике, и Оля Тураева. На месте катастрофы они изучали влияние радиации на растительный мир, - и очень скоро ушли из жизни, пожертвовав собою ради науки.

ЗАГАДКА ЛЕСНОГО ОЗЕРА

В середине июля, в разгар Сенокосной поры я долго мотался на редакционном «газике» по проселочным дорогам под Сусаннином. Солнце палило, словно, в песках Каракумов. За машиной тянулся пыльный хвост. Клубилась пыль и в салоне. Добрых двадцать километров проехали по таким дорогам. Вот и конезавод «Медведки». Вышел на зеленую лужайку возле старинной барской усадьбы с колоннами – весь серый от пыли. Рядом девочка пасла козу и, увидев меня, засмеялась.

- На черта похож? Да? – бросил я.

- Ага – ответила она, - а вы поезжайте на озеро. Искупайтесь.

- Далеко отсюда?

- В километре. Езжайте прямо, потом свернете налево и полем проедете, за Озеряйками спуститесь вниз и пройдете немножко по болоту.

- А не утонем?

-Нет. Там доски положены. Мы ходим туда купаться...

Я поблагодарил девочку, завели машину и поехали. Проплутав немного, добрались, наконец, до болота. Перед ним буйная растительность. Травы – выше плеч. Отыскивали с шафером мосточки, о

которых сказала нам девочка, - то были старые, местами прогнившие доски сороковки, брошенные прямо на мох. Они вели к середине низового болота и скрывались там в кустах. Осторожно пошли по ним. Кое-где между досками поблескивала вода. Остановившись, я попробовал вступить ногой на кочку – она заколыхалась. Стало жутковато, не по себе. Вокруг была редкая растительность – чахлые березки и елочки. Мелькнула мысли – а не вернуться ли нам? Тем не менее прошли корявый кустарник, и сразу же впереди засверкала на солнце водная гладь. Лесное озеро! Наконец-то добрались! На деревянном настиле увидели мужчину с мальчуганом. Они, видимо, только что искупались и быстро одевались, судорожно отмахиваясь от оводов, которые тут кусаются как ни в каком другом месте. Мостки закончились у самого настила. Несколько шагов я сделал по мшистому ковру, который проседал под ногами. Было такое впечатление, словно идешь по батуту – все колеблется под тобой. Только вступив на деревянный настил, почувствовал себя в безопасности. Озеро напоминало темную чашу (солнце в это время закрыло высокое кучевое облако) с зеленым полуостровком, на котором росли молодые березки. На противоположной стороне озера стоял еловый лес. Я остановился на кромке деревянного настила. Рядом плеснулась лягушка и скрылась в траве под водой.

- Глубоко здесь? – поинтересовался я у мужчины.

- Как вам сказать, - пожал он плечами. – Прямо у ваших ног восемнадцать метров будет.

- Вы шутите?

- Нет. Тут давно уже глубина измерена. У самого берега восемнадцать. И по всей окружности так. А на середине, говорят, немного глубже.

Я инстинктивно подался назад.

- Невероятно! Откуда такая глубина в этом озере?

- Не знаю. Старики говорят, в старину здесь какие-то разработки были. Вот на всем этом пространстве, - мужчина обвел рукой болото с ветхими чахлыми деревцами, - раньше была вода. А потом поверхность стала постепенно зарастать.

Я осторожно вступил на мох возле настила. Покачался.

- А подо мной что?

- Тоже вода. Озеро это, между прочим, очень интересное. Щелочи в нем много, - мужчина снял с куста белый картуз. – Вот, только что постирал. Был грязный, в масле и в мазуте. Я механиком работаю. Ну а теперь, видите? Как новая. Без всякого мыла стирал.

- Как без мыла? – удивился я.

- Так. Женщины сюда приходят с бельем – никакого мыла с собой не берут. Зачем? Вот вы сейчас искупаетесь и тело у вас станет как после хорошей деревенской бани – упругим и чистым. И волосы будут рассыпаться как после дорогого шампуня.

- Интересно. А что же здесь все-таки добывали? – допытывался я.

- Не знаю. Спрашивал я у стариков – они не помнят. Давно ведь это было. Очень давно.

Я разделся. Осторожно направился к краю настила. От мысли, что подо мной настоящая пропасть, наполненная водой, где с крыши скроется пятиэтажный дом, становилось жутковато. Мужчина, видя, что я переминаюсь с ноги на ногу, улыбнулся.

Не бойтесь, прыгайте. Здесь еще никто не тонул. Вода такая, что сама выталкивает человека, если он начнет погружаться.

Я нырнул и поплыл. Вода была теплая, обволакивала тело, звенела серебром, когда я взмахивал руками. Слегка погрузился, и ледяной холод обдал мои ступни.

Мужчина на берегу крикнул мне:

- А вы попробуйте стукнуть по воде ногой...

- Я сделал это.

Послышался гул, словно где-то там, внизу, ударили в большой колокол. Я поплыл, ударяя ногами по воде. Теперь стоял такой гул, словно на огромной глубине звонили мощные колокола невидимого града Китежа. Это было необычное впечатление! Вода в озере необыкновенно чиста, прозрачна, лучи полуденного солнца проникают вглубь, высвечивая мальков недалеко от берега.

Не хотелось вылезать из воды.

А когда, наконец, взобрался на настил, то вдруг с удивлением обнаружил, что зеленый полуостров, который я видел слева от себя, отделился от берега и медленно плывет в противоположную сторону. Оказывается, это плавающий остров, на котором растет небольшая березовая роща и кустарник. По нему можно ходить, можно сидеть или лежать в тени деревьев и одновременно совершать путешествие от одного берега к другому, причем какие-то непонятные подводные силы (никакого течения на поверхности не наблюдается) гонят его иногда против ветра.

По дороге в Кострому мы с шофером болтали о разных мелочах, и вдруг я с удивлением взглянул на него: кожа на его лице и шее была такая, будто он только что вышел из парной, а волосы на голове рассыпались. Оказывается, точно такую же картину представлял я сам. Посмотрел на свои руки – нашел их чуть ли не прозрачными от чистоты.

Несколько дней прошло после этого купания. Стояла жара. Волга была рядом, а тянуло по-прежнему на лесное озеро. Оно так и стояло перед глазами...

Я трижды потом бывал в этих местах.

Однажды шел к озеру по мосткам, когда на небе появились уже первые звезды, была поздняя осень. Быстро смеркалось. Находясь у водоема, я не заметил, как наступила темнота, и тут я стал свидетелем довольно странных явлений. В темной чаше лесного озера, как мне показалось, на большой глубине появились огни. Вспыхнув, они как бы застыли там. Я ждал минуту, две, три – огни не исчезали. Я так и не мог понять - что это? Может, в черной чаше озера отражались яркие

звезды? Тогда можно себе представить, что происходит здесь в лунную ночь и особенно в полнолуние. Только я так подумал, как где-то в глубинах болота, в нескольких десятках метров от меня послышался странный гул, он медленно приближался и вдруг возле островка вода забурлила и вздулась полусферой. У настила появилась рябь. А вокруг стояла необыкновенная тишина. Что же это такое было? Мне ничего не оставалось делать, как подумать, что где-то под коркой болота в таинственных водах образовался пузырь, который затем и вырвался наружу в темную чашу озера. Но не исключено, что это могло быть нечто совсем иное. Во всяком случае, человек, желающий испытать острые ощущения, может найти их здесь в ночное время сколько угодно.

Кстати, очень скоро после моего первого посещения этого озера, в редакцию газеты «Северная правда», где я тогда работал, пришло письмо от восьмидесятилетнего С.Ф.Бесчастного, который мне писал: «Озеро это находится в ста метрах от деревни Озеряйки, где я родился и вырос. Окружность озера по твердым берегам будет меньше километра, зеркало же водоема не более, как 20 x 30 метров. Глубина его у мостов не более 18 метров. И в других местах тоже. Озеро это произошло не о каких-то разработок, как вам сказали. Если бы здесь что-нибудь добывалось, то это мне было бы известно от моего деда или прадеда, такого я от них не слышал. И вообще тогда бы остались какие-то сооружения или хотя бы остатки подъездных путей. Ничего этого нет. Вода в озере, в самом деле, содержит очень много солей щелочи. Когда мы купались в озере, то какими бы грязными не были – вылезали на берег чистыми, словно после бани, руки и тело становились мягкими, как бархат. И что самое интересное, тут действительно никто никогда не тонул, хотя купающихся в летнее время бывает много. Чудо здесь, наверно, никакого нет, просто огромная плотность воды, а на дне водоема, по видимому, бьют ключи, хотя их, конечно же, никто никогда не видел. Самые смелые ныряльщики опускались только лишь на два-три метра вниз и пулей вылетали вверх. Внизу ледяная вода. С юга к озеру течет маленькая речка, летом она высыхает, но остаются бочаги. В восточной части из озера вытекает вода, тут тоже много бочагов и все они очень глубокие. Мальчишками мы обследовали это болото, попадая в таинственные его уголки. Ничего не боялись. Бояться начал лишь когда повзрослели.

Зимой и летом деревенские женщины стирают в озере белье. Не надо ни мыла, ни порошков! Водятся в водоеме караси, правда, небольшие, до пяти сантиметров, рыба хорошо растет только в теплой воде. Вокруг озера, на моховине, всегда можно встретить изобилие клюквы.

Как возникло это озеро? По-моему, оно произошло в период формирования земли, иначе трудно объяснить появление этого естественного колодца в двадцать метров глубиной. Хотя слышал я еще одну версию, что болото – огромная воронка от упавшего когда-то крупного метеорита, а само озеро является эпицентром взрыва...»

Интересно, расстанется ли когда-нибудь это лесное озеро со своей тайной?

СМЕРЧ В ЛУНЕВО

10 июня 1984 года многие костромичи слышали из уст перепуганных дачников, вернувшихся из-под Лунева, весть о диковинном смерче, который со скоростью курьерского поезда и со страшным воем и грохотом пронесся по турбазе «Лунево», где отдыхали сто с лишним человек (да еще было 250 человек персонала), краем задел пионерский лагерь им. Ю. Гагарина, заглотнул волжской воды и понесся дальше по другому берегу, все сметая и ломая на пути, засасывая длинным черным хоботом, который свисал с огромной темной тучи, людей (под Ивановом унес корову и пастуха), мелких зверюшек, кроны деревьев, щебень, песок, доски, стекла и т.д., потом выбрасывая все это за десятки километров от Лунева. Ежедневно люди с любопытством открывали местные газеты, слушали радио, смотрели телевидение - ни строчки, ни слова о смерче. Как будто его и не было. Правда, по центральному телевидению проскочил небольшой сюжет Владимира Чистякова, да и то, кажется, из Нерехтского района, где смерч сорвал лишь крыши с деревенских домов да с дуру решил полакомиться асфальтным покрытием дороги, но тут же выплюнул.

Я в ту пору работал в областной газете «Северная правда». На второй день после смерча зашел в кабинет к редактору. Говорю, надо срочно написать о стихии, о смерче, читатель ждет такой информации. А редактор флегматично сосет сигарету, молчит (хочу заметить, что редактор В.А. Соколов был очень демократичным и порядочным человеком) и вдруг говорит, что о смерче ничего писать не будем. «Как так?!» Он снова помолчал и добавил:

«Бюро обкома партии так решило...» Так бюро обкома КПСС постановило в 1984 году, что смерча в Костромской области не было. И на официальных бумагах о последствиях смерча везде стоял гриф «секретно» Мне сдается, что тогдашние костромские власти, привыкшие жить в оранжерейных условиях, в которых ничего экстремального не происходило, были шокированы тем, что неизвестно откуда появившийся смерч без разрешений сверху принялся куролесить по всей области, разрушая строения, убивая и раня людей. Хоть задним числом, но все-таки запретили его. Окрестности Лунева были взяты в оцепление военными и милицией, - заяц и тот незамеченным не пробежит. Мне рассказывал один милиционер. Он заправлял свою машину на заволжской заправке, и женщина, отпуская ему топливо, спрашивает: «Что случилось в Луневе? Одна за другой едут оттуда «труповозки». Шоферы молчат...» Милиционер знал ситуацию, но тоже пожал плечами. Вот такая была секретность. А между тем в Костроме начали появляться первые очевидцы смерча. В редакцию приехала с дачи сотрудница из отдела писем и с ужасом в глазах говорила о том,

что их сосед по даче полез в погреб за огурчиками, услышал шум наверху, а когда вылез - вместо потолка увидел небо над головой. Ее дом случайно уцелел, только крышу ободрало. Разные рассказывали тогда истории.

Один мужчина, которого смерч оторвал от земли, взглянул вверх и увидел там настоящую преисподнюю - в черной трубе сверкали десятки молний и стоял невообразимый грохот.

Были истории смешные, даже в том же Лунево. «Мы стоим у павильона «Пиво-воды», потягиваем пиво и вдруг видим, как домики прямо на глазах исчезают или превращаются в скелеты из деревянных бревен. И тут всех нас какая-то сила подняла кверху, понесла. Один миг прошел, и мы уже плаваем в затоне. Даже кружки с пивом не успели выпустить из рук. А у меня так и пиво осталось. Допил и поплыл к берегу. Кружку держу, думаю, сдам в целостности-сохранности - плеснут еще пиво. А из воды-то вылез, глядь, павильона нет, унесло».

Гостившие в эти дни в Костроме ивановцы рассказывали случаи словно заправские мюнхгаузену: в поселке Балино, например, нашли 10-копеечную монету, проткнутую обычной щепкой. Там же смерч проделал фокус, которому позавидовал бы нынче американец Дэвид Копперфильд: в буханке хлеба оказалось два десятка камней, а сверху на корке ни одного отверстия. Все эти чудеса, очевидно, связаны с мощными скоростями воздушных потоков (свыше 300 метров в секунду), с большой разряженностью воздуха в эпицентре смерча и т.д.

А теперь мы восстановим хроникальную картину трагедии пятнадцатилетней давности. Возникновению смерча (в Новом Свете его называют торнадо) способствовала сначала жаркая и сухая погода в апреле и мае, когда количество пожаров увеличилось вдвое по сравнению с предыдущим годом, увеличилась гибель людей, а потом вдруг в конце мая температура резко упала, зачастили дожди. В ночь с 8 на 9 июня 1984 года над северной Украиной образовался мощный циклон и с огромной скоростью начал перемещаться в центральные области России. Здесь и произошло столкновение холодных и очень теплых масс воздуха. В центре этого фронта давление упало до 722 миллиметров ртутного столба. Сразу же на землю обрушились ливневые дожди с градом. Величина градин достигала 15-20 миллиметров. Скорость ветра в завихрениях - 100 метров в секунду.

Смерч образовался в Иванове. 9 июня около 16 часов в небе появилось тревожное темное облако с воронкообразным выступом. Раскачиваясь из стороны в сторону, выступ на глазах у людей превратился в черный хобот и стал опускаться к земле. Коснувшись ее, снова приподнялся, затем прочно присосался к поверхности земли. Воронка-хобот, быстро вращаясь, всасывала все, что попадалось на пути, и затем на огромной высоте выбрасывала предметы. Тот, кто находился неподалеку от черного вихляющего хобота (а от главного появились еще несколько хоботков), ощущал боль в ушах. Было такое

впечатление, что рядом взлетал мощный реактивный лайнер - такой стоял грохот и свист.

Материнское облако, из которого к земле спустился хобот, быстро уходило на север, оставляя на земле полосу полукилометровой ширины, где валялись скрученные опоры электропередач, сломанные деревья, разрушенные дома, перевернутые автобусы и железнодорожные вагоны, унесенные за пределы железнодорожной станции.

Через час смерч уже был под Костромой. Он прошел всего в четырех километрах от ГРЭС. А если б через Волгореченск?

Но и тогда стали одна за другой выходить из строя линии электропередач, идущих в направлении Москвы, Иванова, Владимира. Полностью вышло из строя распреедустройство на 220 кВ. Во избежание серьезной аварии персонал остановил 5 агрегатов станции. Потом уже энергетики подсчитали убытки: было выведено из строя 9 ЛЭП, 530 трансформаторных подстанций.

А смерч, помиловав ГРЭС, вторгся на территорию турбазы «Луново», где люди безмятежно отдыхали в своих щитовых домиках, играли в волейбол, катались на лодках, молодые мамы смотрели на своих детей, которые крутились на каруселях, качались на качелях. Слышались веселые голоса, смех.

В несколько секунд ничего этого не стало. Над Луновым повисла тягостная, гробовая тишина. И только через несколько минут из-под обломков зданий послышались голоса, потом появились первые пришедшие в себя отдыхающие. И тут началось. Стоны. Плач. Крики обезумевших матерей, зовущих своих исчезнувших детей.

Заведующая пунктом проката Л.И.Тишинкова оказалась в эпицентре всех этих событий. Она была свидетелем того, как приехал столичный «Икарус», и дети, устав от долгой дороги, шумно высыпали на зеленую лужайку, стали играть в бадминтон, бегали, смеялись, шофер с воспитательницей разговаривали у кабины, - и вдруг потемнело, начался ураганный ветер, кругом гремело, большой автобус подпрыгнул два раза как резиновый мячик, и упал боком на лужайку, задавив всех, кто был на ней.

Разговаривая потом с Л.И.Тишиновой, я вспомнил официальную цифру погибших – 17 человек. Из них – 6 детей. И еще ранено 167 отдыхающих. Выслушав меня, она сказала:

- Эта цифра очень занижена. Я участвовала в комиссии по расследованию этой природной катастрофы. По нашим данным погибло 117 человек. И ранено значительно больше.

(В начале 2000 года Л.И. Тишинкова стала инициатором строительства часовни на территории санатория «Луново». О прошедшем здесь смерче уже почти ничего не напоминает, но женщина хочет, чтобы о людских жертвах помнили всегда).

Ну а тогда, в первые минуты на разрушения даже никто не обратил внимания, бросался в глаза только лес белых кольев вместо прежней березовой рощи, под сенью которых стояли прежде жилые дома. Из 37

летних спальных корпусов 26 были полностью разрушены. Возле дороги на боку лежал туристический автобус «Икарус-люкс». Из него вылезали через окна раненые туристы, кричали, что там, в салоне, есть убитые...

Из Волги уже вылавливали первые трупы.

Через час дежурному сотруднику МВД в Костроме позвонил директор совхоза «Чернопенский» А. Сидоров. Сообщил о трагедии. И тут же на место разыгравшейся драмы выехали 150 работников милиции, 250 военнослужащих. С Козловых гор приехал секретарь обкома КПСС Ю. Баландин. Появились автобусы, снятые с городских маршрутов, грузовики, машины «Скорой помощи». 40 сотрудников пожарной охраны примчались в Лунево. Правда, пожаров здесь не было.

Майор милиции Н. Беляев и капитан Дьяков со своими людьми обследовали все завалы, отыскивали много раненых, а затем на лодках отправились на другой берег - туда умчался смерч и там могли быть живые или мертвые люди.

Зародившись в 15 километрах от Иваново на лугу, неподалеку от небольшого леса, смерч убил свыше 100 жителей областного центра и свыше 300 человек получили ранения.

Ну а цифры наших жертв, как мы уже знаем, - разнятся. Официальные – одни, неофициальные – другие.

Смерч прогулялся по 16 районам нашей области. Он разрушил 121, повредил 453 дома, только в Костроме было повреждено 249 домов. Нарушил связь с 563 населенными пунктами.

Ущерб, нанесенный смерчем нашей области, выразился в довольно круглой сумме - 13 миллионов рублей. По тем временам это были очень большие деньги. Особенно пострадали от смерча леса. Просеки он сделал будь здоров. Напротив Лунева на другом берегу и по сей день видны обрубки деревьев. Причем срезал, подлец, словно вымерял - на высоте трех и шести метров.

В тот год я был в Столпине Кадейского района. Дождался «Метеора» на Кострому. Вижу, неподалеку прекрасный сосновый бор - почти весь срезан на высоте 6 метров. «Смерч?» - спросил у шкипера. «Да. Деревья-то что. Слава Богу, без жертв обошлось. В это время от дебаркадера как раз «Метеор» отошел. Задержись он на минуту - и все. Утопил бы. А там сто с лишним пассажиров...» Вот какая опасная штука - смерч-торнадо. Случайно люди погибают и так же случайно остаются живы.

Фотографии гибели турбазы «Лунево» вряд ли сегодня у кого встретишь. Снимать тогда запрещалось. Но в музее пожарного дела в Костроме эти фотографии все же есть - даже есть панорама разрушений и описание событий тех дней. Все это оставил для потомков и истории полковник в отставке В.А. Запара, по долгу службы находившийся в ту пору на месте катастрофы. На этих снимках особенно замечаешь странности смерча - его любовь к скальпированию - крыши содраны даже с оставшихся домов. От моста остались деревянные сваи - бревенчатый настил исчез. Березовая роща стала похожа на массажную

женскую расческу - ровненько подрезана. Панорама напоминает зону землетрясения, где неповрежденными остались лишь трехэтажное каменное жилое здание, гараж, водонапорная башня...

Вообще, судя по последним природным явлениям, происшедшим на правом волжском берегу недалеко от Лунева, - ветровалы, ветроломы, ураганные порывы ветра, какие-то странные несозревшие смерчи, которые куролесят по берегу в диком танце – создают впечатления, что местность эта имеет какую-то аномалию. Когда я нынешним летом приехал в «Трифоныч», а затем берегом Волги прошел до «Тихого уголка», то был поражен увиденным. Честно скажу, у меня создалось впечатление, что мы имеем дело с силами природы, наделенными разумом. В поселке дачников смерч перевернул дом, в котором, как мне сказали, жил лоботряс, любитель выпить. Смерч повалил два дерева, в котором он качался в гамаке, и натащил сюда кучу мусора. А всего в двух метрах от этого места у трудолюбивой и одинокой женщины ничего в огороде не тронул, даже теплица под пленкой как стояла, так и стоит. Между прочим, жители другого дачного поселка тоже удивлялись этому загадочному смерчу, который явно проявлял благожелательность к трудолюбивым и доброжелательным людям. Этот смерч, или один из них, поскольку очевидцы говорили, что видели три смерча, носившихся друг за другом, осветлил большой участок со старинным прудом, после чего дача А.Витова приняла тот вид, который был у нее до революции. Кстати, как я тут же узнал от персонала санатория, этот старинный особняк, шедевр в стиле модерн, покупают москвичи, они уже были здесь и радовались, что смерч проделал за них ту работу, которую хотели выполнить они. Любопытно, что в санатории «Волга», где отдыхающие жгли костры в нижнем парке, смерч повалил все деревья на этой территории, словно отомстил за циничное отношение людей к природе. Но, конечно же, все эти разрушения ни в какое сравнение не идут с делами памятного смерча 1984 года...

КТО, ТЫ КОСТРОМСКОЙ ЛИК?

24 июня 1991 года в субботний день Владимир Григорьевич Яшин, работник механического цеха завода «Рабочий металлист» пошел в город, как всегда прихватив с собой фотоаппарат. В рядах встретил свою знакомую.

- Сфотографируй меня, – попросила она.
- Так у меня слайд...
- Ну и что.

Они пошли в парк имени Ленина. Там она встала возле елочек, что растут у самого памятника, положила руку на ветку. Улыбнулась...

Был теплый и туманный июльский день. Никого рядом не было, если не считать туристов, которые, постояв около памятника, ушли в город.

Когда же Владимир Григорьевич через две недели проявил пленку и поставил слайд в диапроектор, на белой стене он увидел портрет знакомой и рядом с ней большое мужское лицо в половину человеческого роста – иконописный взгляд, нос с горбинкой и некое подобие белой бороды. Несколько дней Владимир Григорьевич находился в таком состоянии, словно инопланетяне брали его с собой в другие миры, а потом возвратили на землю. Каждый вечер он включал диапроектор и смотрел на загадочное лицо. На работе ему никто не верил, говорили, что это монтаж. Но он продолжал стоять на своем. Нашлись сведущие люди и сказали, что в книгах написано о том, как фотоаппарат фиксирует лица людей, давно ушедших из жизни, - это бывает обычно на кладбищах. А Владимир Григорьевич делал снимок как раз в том месте где прежде стояли костромские соборы. Взорванные в тридцатых годах, рядом с соборами были захоронения.

После публикации в «Северной правде» снимка и корреспонденции о таинственном портрете этим случаем заинтересовался полковник милиции В. П. Дьячков – он своего рода специалист по проблемам НЛО, различным аномальным явлениям и разным земным загадкам. Он смотрел слайд в лабораторных условиях, с помощью наисовременнейших технических средств и убежден, что подделки тут никакой нет: на голове загадочного явления он обнаружил шапочку с ворсом, а то, что мы считали бородой, оказалось ветками елки, как бы засвеченными энергетической субстанцией.

Я вспомнил день выхода газеты с этим снимком. Полиграфическая база у нас не ахти какая. Порой и отличные снимки выходят вялыми и темными. Мы все беспокоились, что фотография может просто-напросто не выйти в газете. Но когда на следующее утро развернули номер, были бесконечно удивлены. Лицо пропечаталось лучше, чем женский портрет. Сам по себе возник разговор о сильной энергетике, исходящей от снимка. В полиграфический процесс будто вмешались потусторонние силы.

Показали снимок, сделанный В.Г. Яшиным, физику, анатому, экстрасенсу, фотографу – и все они высказали свое мнение о «костромском лике». Мнения эти довольно любопытные.

Часть их мне хотелось бы привести.

В. Смирнов, физик: У меня три версии. Или это очень талантливая подделка. Или излучение, которое лежит в невидимой ультрафиолетовой области. Или же отражение. В тумане происходило рассеивание света, которое и дало эту причудливую картину, благодаря прямому пучку солнечного света.

В. Строганов, анатом: Это изображение полностью соответствует анатомическому строению человеческого лица.

Экстрасенс: Это добрый человек. Или душа доброго человека.

Экстрасенс: От снимка исходит мощная энергия. Лик зовет очистить наши души, очистить ауру общества. Это не душа умершего человека. Это посланник, космическая фигура, стоящая за солнцем. От него чувство тревоги – хочется плакать. Это духовность высшего уровня, образ неземного происхождения. Он появился из энергетического шара. Он говорит: «Я удивляюсь вашей беспечности...»

И еще один: Эта сущность несет ни с чем не сравнимый поток духовной энергии. Лик способен врачевать, излечивать болезни души и тела. Энергию несет слайд, фотография и даже воспроизведение лика в газетном номере.

И вот я снова в маленькой квартире В.Г. Яшина в Заволжье.

Со мной пришла сотрудница московского журнала Наталья Знаменская. Она в некотором роде экстрасенс. Взяв в руки слайд с загадочным лицом, она сразу почувствовала мощный энергетический поток, идущий как от слайда, так и от фотографии. Пришли к одному мнению, что это – ментальная, или как ещё её называют, психическая фотография, то есть когда передаётся изображение, существующее в человеческом мозге, или из потустороннего мира, на обычную фотоплёнку.

Владимир Яшин – один из медиумов, который в последнее время всё больше приводит нас в изумление. Мы уже по телевидению видели, как медиум – фотограф показывал лица, запечатлённые фотоаппаратом в то время, когда никто из находившихся рядом в комнате этих лиц не видел.

Знаменская показала принесённую с собой фотографию – в сумке у неё было несколько снимков.

- Смотрите! Видите, среди деревьев стоят двое влюблённых. Парочка. Прижались друг к другу.

- Вижу.

- Это призраки.

- Как?!

- Когда я фотографировала – на сельском кладбище было пусто.

- Невероятно!

- А вот ребёночек ходит... Это уже на другом кладбище. А эту женщину я сфотографировала у дома. Видите, она стоит у водосточной трубы.

- Да.

- Всё это плазма...

Юля сказала, что таких, как она, которые фотографируют давно умерших людей, уже не мало. Например, фотограф – медиум Тед Сориез сделал сотни снимков умерших родственников, друзей и непознанных духов. Все они появляются как слегка расплывающиеся изображения, почти всегда окружённые дымкой, похожей на прозрачную ирскую ауру. Юля Брауде рассказала мне о докторе Джулии Эйзенбад, психиатре Колорадского университета, которая долгие годы изучала медиумические фотографии семейства Весте.

Это удивительная семья. Все вместе они ходили на местные кладбища. Джулия Эйзенбад предлагала фотографировать без разбора, всё подряд: деревья, небо, дорогу, могилы. После проявки на многочисленных снимках оказались чёткие изображения людей в окружении ауры. Она ходила с этими снимками в музей, листала старые семейные альбомы местных жителей, и все с удивлением увидели на новых фотографиях людей, которые умерли сто лет назад или больше. Точно такие же снимки были в альбомах старожилов.

Я спросил у Знаменской:

- А что вы искали сегодня в парке, у памятника?

Она ответила мне:

- Здесь в парке когда-то стоял собор и рядом было кладбище. Вы же это знаете? И именно здесь вашим знакомым был сделан первый медиумический снимок. Как раз на этом самом месте, где мы с вами сейчас стоим. Мы привезли с собой фотоаппаратуру, специальные магнитофоны, которые улавливают голоса покинувших этот мир людей. Ну и ещё кое что. Если мы получим положительные результаты, то нам легко будет продолжать последующую работу. Ведь это кладбище у кафедрального собора было элитарным. Простых костромичей здесь не хоронили. А знатные горожане, духовенство оставили после себя, скажем так, видеографический ряд – портреты, написанные маслом и карандашом, дагерротипы и так далее. Это облегчит наши поиски.

Между прочим, когда Владимир Яшин принёс мне свой снимок, я первым делом подумал, что это просто-напросто подделка, причём довольно профессионально выполненная. Сам же автор снимка был несколько растерян и довольно сбивчиво пытался объяснить, как всё происходило.

Недавно на страницах одного научного журнала была опубликована статья и даны фотографии, показывающие выход из умершего человека души в виде облачка, которое, увеличиваясь в размерах, постепенно уходит от тела. Всё больше учёных, задумываясь о потусторонней или, как мы говорим, о загробной жизни, приходят к мысли, что после ухода из материального мира мы перейдём в иную жизнь, плазменное состояние. А плазма может принимать самые различные формы. Не исключено, что и НЛО – никакие не межпланетные корабли, а та же плазма, состоящая, будем так говорить, из душ, некогда населявших нашу землю людей и животного мира.

Есть плазма со знаком плюс и со знаком минус, то есть вобравшая в себя мировое зло и добро. И если в человеке добро и зло уживаются вместе, то после смерти (а это вовсе и не смерть, а рождение в новом мире) они разлагаются на две составные части в чистом виде.

Судя по внешним чертам, на фотографии Владимира Яшина мы видим бывшего священника или монаха. Появление или проявление его – благодатный знак. Недаром и Знаменская, и мои знакомые в Костроме и в Нижнем Новгороде, которые заимели это фотографию, убеждены в

том, что снимок лечит от многих болезней, уменьшает или вовсе снимает боль.

Говоря о проявлении потустороннего мира, мы со Знаменской (это было уже на автовокзале на другой день, когда она уезжала) одновременно вспоминали недавние публикации в журналах «Итоги» и «Свет».

- Вы обратили внимание на фотоснимки, сделанные американским телескопом «Хаббл»? – спросила она.

- Да.

- Что вы увидели на краю вселенной в туманности Орла?

- Под снимком написано, что это гигантские пальцы из пыли и водорода, протяжённость в шесть триллионов миль. Но знаете, я увидел женщину, покрытую шалью, её лицо, глаза и нос. А в том месте, где земная женщина носит свой плод, у Вселенской Дамы из компактных «капсул» космического водорода иногда «вылупляются» звёзды. Это потрясает! И ещё. Напротив этой Вселенской Дамы при желании можно увидеть другие существа, и над их «головами» регистрируется интенсивное ультрафиолетовое излучение, как над нашими головами.

- Всё так, - сказала Юлия, - подготовленные люди, земляне увидели в снимках то, о чём вы сказали. И задумались. Но не все загадочные снимки, переданные на землю «Хабблом», были опубликованы в печати. Сразу же после того как американские космонавты с «Шаттла» отремонтировали космический телескоп «Хаббл», его гигантские линзы были направлены на скопление звёзд на краю вселенной. Это было 26 декабря 1994 года. Представители НАСА сообщили, что телескоп передал сотни фотоснимков в центр космических полётов Годдарда в Гринбэлте, штат Мериленд. Среди этих снимков, были те, которые НАСА сразу же засекретили. Одну копию фотографии добыла через своих людей в НАСА доктор Марсия Мэссон.

- И что было на ней? - спросил я.

- Снимок ясно воспроизводил большой белый город, плывущий сверхъестественным образом в космических делах. Возможно, в Рождественскую ночь высшие миры или сам Христос подали свой знак землянам. Мы увидели обитель Бога!

Представители НАСА заявили, что этот город не может быть обитаем материальным миром. Душами умерших – возможно. Но во всяком случае НАСА признали, что обнаружено НЕЧТО, что может изменить будущее землян. К фотографиям особый интерес проявили Билл Клинтон и Альберт Гор. Однако до общественности пока правду не доводят, как и в случае с инопланетянами, хотя фотографии их уже попали на страницы иностранной и нашей печати.

Я поинтересовался у Знаменской, удачной ли была её поездка в Кострому (она приехала с друзьями, они привезли аппаратуру и работали с ней в парке им. Ленина). Она сказала, что в столице они расшифруют полученные результаты, и тогда будет известно, удалось

ли группе установить контакт с внеземной жизнью. Во всяком случае, она собирается ещё раз приехать в наш древний город.

ИНОПЛАНЕТЯНЕ В КОСТРОМЕ?

Год 1990...

Это был год инопланетного бума. Развернёшь газету и читаешь: то над Горьким НЛО появился, то под Вологдой инопланетяне приземлились, а в Перми с пришельцами вроде бы даже и в контакт вступили наши соотечественники. Как-то подумал: ну и захолустье наша Кострома. Сонный, неинтересный город. Инопланетяне и те предпочитают стороной его облетать. Делать тут нечего. Тоска. Скука, видимо. И вдруг неожиданное известие: НЛОнавты наконец высадились на древней костромской земле, и не где-нибудь на лесной поляне или в поле, вдали от людских глаз, а в самом центре Костромы, на улице Юных пионеров, у дома №18. Не знаю, почему именно это место им приглянулось, а не площадь Революции или площадь Мира – там, на мой взгляд, просторнее. Впрочем, это их дело. Ну так вот. В пятницу в редакцию газеты позвонила пенсионерка Мария Александровна Румянцева из этого дома и с волнением в голосе стала рассказывать о ночном происшествии:

- Вы знаете, до сих пор в себя не могу прийти. Столько прожила, а такое в первый раз в жизни видела. Уму непостижимо!

- А что случилось?

- Я проснулась от того, что в огороде залаяла собака. Лает и лает. Я подошла к окну. И обомлела. Увидела голубой шар. Какой-то венчик над ним. Под золото. Блестит. И вроде бы лицо женщины увидела. Потом этот шар стал бледно-голубой и переместился за сарай. И вдруг из этого шара выходит женщина. На ней тёмный костюм – куртка и брюки. В руках что-то наподобие сумочки. Собака увидела её и ещё сильнее лаять стала. Я перепугалась и кричу в форточку: «Уходи давай из огорода». А она даже и не смотрит в мою сторону. Собака заливается. И тогда женщина достала из сумочки (может, это и не сумочка была, а что-то другое, в темноте-то не очень разберёшь), достала, значит, какой-то предмет наподобие палочки, направила в сторону собаки, и та моментально в конуру убралась. И больше не лаяла. Женщина прошла мимо будки – пёс молчит. Я думала, что она в калитку выйдет. Нет. Она над забором вознеслась и дальше пошла по улице...

- А может быть, это какая-нибудь костромичка ночью заплуталась? Возвращалась из компании, например...

- Я тоже сначала подумала так. Но зачем ей через забор прыгать, когда можно было спокойно в калитку выйти. И потом этот голубой шар.

- Во сколько было дело?

- Я встала в два ночи. А ушла она около трёх. И соседка моя тоже поднялась от лая собаки. Тоже её видела. А уж потом я и заснуть не могла. В шесть утра только задремала. Ненадолго. Поднялась, пошла в огород. Собака молчит. Заглянула в будку – жива ли? Жива..

- А следы какие-нибудь остались?
- Ветка у куста смородины сломана. И цветы немножко помяты.
- Может быть, эта женщина цветы рвала ночью?
- Нет. Они все целы.
- Ну, а следы ног?
- Этого что-то не заметили...
- Вы посмотрите получше.

Признаться честно, я не верю в прилёт инопланетян. Поэтому стал осторожно спрашивать у Марии Александровны, где она работала и т. д. Она рассмеялась:

- Вы, наверное, принимаете меня за ненормальную? Но я вам чистосердечно говорю, что никогда со мной такого не было, что ни живу.

Наш разговор был утром. А к обеду звонит:

- Вы знаете, следы нашли...

Итак, если любезная Мария Александровна в самом деле увидела НЛО, то можно поздравить с этим знаменательным событием всех костромичей, и особенно тех, кто верит в инопланетян и каждый вечер смотрит на небо в надежде увидеть неопознанный летающий объект. И вообще очень мило, если по нашему ночному городу гуляют прекрасные инопланетянки. Хоть бы одну увидеть. Тогда бы поверил в НЛО...

Опубликовав в июне две заметки о таинственной женщине, появившейся среди ночи во дворе дома на улице Юных пионеров, о полёте НЛО, а также о посадке в Караваеве странного прозрачного шара с яркими лучами, от которого при взлёте пошли круглые световые волны, какие идут по воде от брошенного камня, я уже подумал, что больше не вернусь к этой теме, потому как проблемой НЛО интересуюсь как всякий смертный человек, но не увлечён, не энтузиаст этого дела и вроде бы не мистик по натуре. Но странно, только об этом подумал, являюсь в редакцию парнишка и приносите снимки. А на фотографиях полёт НЛО.

Иван Матвиенко, учащийся СПТУ-20, снял этот полёт в Прибрежном. Там была почти вся его группа. Ребятишки лежали в палатках, время было около часа ночи, вдруг услышали голос Владимира Куликова: «Скорее фотоаппарат...» Все выбежали. И затаили. Откуда-то из-за островов поднимался жёлтый шарик, оставляя после себя клубящийся белый след, подсвеченным зашедшим уже солнцем.

- «А может быть, это был самолёт?» - спросил я у Ивана.

- «Нет, - ответил он. – Мы в палатке потом долго спорили на этот счёт. У летящего на большой высоте самолёта между соплом и инверсионным следом всегда бывает зазор. Вы, наверно, сами это видели. А тут не было. И шёл объект беззвучно. Нет, это не самолёт. На

сто процентов. Вот в этом месте над морем у него появились лучи потом что-то вспыхнуло, и объект стал напоминать громадным дирижабль. Только прозрачный...»

Судя по траектории полёта на снимке, объект шёл от поверхности моря ввысь. Значит, он где-то приземлялся или приводнялся? (Через несколько дней преподаватель музыки в школе искусств Е.П. Лещенко, встретившись со мной, рассказала, что её знакомые в ночь с 21-го на 22 июня рыбачили на водохранилище и видели, как над чёрной поверхностью завис блестящий диск, а затем круто устремился вверх). В эту ночь НЛО видели десятки костромичей. Правда, формы объектов все называют разные, и создаётся впечатление, что на Кострому сразу туча НЛО налетела. Может быть, перебазировались? Попробуй вот узнай...

Любопытный снимок НЛО принесла мне в тот же день и Тамара Бортникова, портниха из Дома моды. Фотографировал муж Александр Сидели у окна, чертили графики, она диктовала цифры.

Неожиданно Тамара увидела что-то слепящее в темноте за окном. От Стрельникова или от Шунги летел шар с клубящимся хвостом. Она схватила театральный бинокль, но, кроме массы белого света, ничего не увидела. Первая мысль была: «Что-то запустили...» Потом усомнились – откуда, с соседних полей что ли?

- «А что из себя представляло НЛО?» – поинтересовался я.

- «Хвост состоял из бело-розового клубящегося дыма. А может, это были пары. Я не знаю. Эти пары обтекали спереди и сам шар. От головы потом раскинулись лучи. Головка потускнела, затем ярко сверкнула и, быстро набирая скорость, стала удаляться в сторону аэродрома».

- «А след?» - «След ещё долго сохранялся. Пока его ветром не раздуло».

Тамара, кстати, прихватила с собой журнал «Наука и жизнь» десятилетней давности. Мы сравнили НЛО на фотографии Александра Бортникова и в журнале (снимок был сделан 14 июня 1980 года) - похожи, как две капли воды.

Надобно сказать, что в Костроме давно имеются обладатели фотографий НЛО. Один из них – известный в нашем городе гитарист Б.Н. Хохлов. Но обо всех этих фотографиях, как, впрочем, и о встречах с НЛО или инопланетянами, наши земляки предпочитают не распространяться, дабы не вызвать смех у друзей и соседей или того больше...

Однако не все могут справиться с эмоциями, иной раз брали ручку, садились за стол и писали в редакцию.

«Мы приехали на лошади с работы, - написал Р.В. Карсонов из деревни Починок Буйского района, - и, не выпрягая лошадь, решили перекусить. И тут увидели, как в сторону нашей деревни двигается блестящая точка, оставляя за собой ажурные полосы. Думали, что самолёт. Но у предмета этого скорость больше, и ещё обратили внимание, что он летит как бы разрезая воду и создаёт волны. Можис

смотреть, но этого не опишешь. Потом он резко свернул на девяносто градусов и тут, к нашему всеобщему удивлению, словно бы что-то включил, и из него, как из выхлопной трубы трактора, вылетело кольцо дыма, оно стало расширяться, и огненный шар начал стремительно удаляться...»

В Нерехте было ещё интересней. З.А. Голышева, работница завода «Маяк», сидела в бухгалтерии и в метрах 700 – 800 увидела (это явление наблюдали шесть работников бухгалтерии), как с земли поднялись три разноцветных шара – ярко-синий, ярко-зелёный и ярко-красный. На уровне садовых домиков они исчезли, только пошёл гул, как в трансформаторной будке.

«Это было, - пишет она, - в половине двенадцатого. А через час все наши уехали на обед (в бухгалтерии остались только двое), вновь сильно загудело, и нас охватило ярким пламенем: огонь был, как при сварке или как сильная молния во всё небо. В помещении страшно было находиться. У меня потом долго болели глаза от этой вспышки. На том месте, где вспышка была, растут тополя. И один тополь всё лето был голый. В эту весну снова распустились листья на всех тополях, а этот по-прежнему без листьев. Что это было за явление, не знаем...»

Вообще мы в большинстве случаев довольно ленивы умом и не любознательны. Я думаю, встретиться инопланетянин – не поверим. А то ещё и пошлём подальше. Такова наша натура. Статистики по части аномальных явлений у нас не ведётся. Хоть на голову НЛО садись, отмахнёмся, как от назойливой мухи – и всё. В этом отношении Запад проявляет больше заинтересованности и деловитости. Там существует 25 центров по изучению аномальных явлений. Причём, центры эти очень мощные, объединяющие тысячи людей, технически оснащённые. У нас в стране изучением АЯ (аномальные явления) занимаются лишь на общественных началах. Под боком у костромичей, в Ярославле, сколотилась небольшая группа энтузиастов - уфологов. Где только появляются известия об НЛО, они сразу же туда.

Приехали ко мне.

- Откуда вы узнали о появлении у нас НЛО?

- Из вашей газеты...

Познакомились. Евгений Николаевич Каштанов, инженер – физик по образованию, учёный секретарь группы по изучению АЯ при Ярославском отделении ВАГО (Всесоюзное астрономо – геодезическое общество). Несколько лет занимается проблемой НЛО. Вместе с ним приехал член группы О. В. Рукавишников. Евгений Николаевич побывал в Петрозаводске, в Харовске, в Данилове и в других местах, где приземлялись НЛО или где наши видели инопланетян. Он высыпал мне кучу фотографий. Правда, НЛО и пришельцев на них нет, тут – очевидцы встреч с ними.

- Вы писали об инопланетянке, которая вышла из оболочки на улице Юных пионеров. Вот фотография. Ровно год назад даниловец Василий Колпаков увидел, как опустился шар, и из него вышла женщина с черной

сумочкой. Очень высокого роста. Желтая. Ушла по тропе. Мы сделали цветной рисунок этой женщины, воспроизвели ее по словам Колпакова. Вот она. Мне хотелось показать этот рисунок Марии Александровне Румянцевой...

Сели в старенький, потрепанный «Москвич». Через полчаса были на улице Юных пионеров. Мария Александровна Румянцева сидела на лавочке во дворе. Встретила нас без особой радости. Оказывается, к ней настоящее паломничество началось после публикации заметки. Мы присели на лавочку. Евгений Николаевич достал из портфеля фотографии.

- Похожа?

- Нет. Та, которая появилась у нас во дворе, была пониже ростом. В чёрном костюме или в комбинезоне. Волосы длинные, распущенные по плечам. Чёрная сумочка такая же. Только она держала её в руках. Из неё она вытащила небольшую трубку или палочку, когда на неё залаяла собака. И собака залезла в конуру и не вылезала оттуда почти весь следующий день. Мы подумали, уж не мёртвая ли. Нет. Жива.

- А следы остались? – спросил Е.Н. Каштанов.

- Были. Но приезжали разные люди. Взяли почву на анализ. Она сначала через этот забор перелетела. Прямо вот так с места: раз – и там. А потом через этот. Вон какая высота. А она с места. Что-то её приподнимало...

- Я её тоже видела, - включилась в разговор соседка.

- А она не вступала с вами в контакт?

- Нет. Мария Александровна несколько раз ей кричала: уходи, мол, чего тебе здесь нужно. Погрозила вызвать милицию. А она как будто ничего не слышала. И не видела. Как будто совсем другой жизнью живёт. Не нашей, земной...

Уфологи записали на старенький магнитофон весь разговор. Проверили местность биолокационным способом. Жители двора ходили за ними по пятам. Как аборигены за белыми пришельцами на островах Полинезии в прошлом веке. Понятно, здесь всё интересно, необычно.

В машине на обратном пути мы обменялись впечатлениями.

- Вы верите, что это инопланетянка? – спросил меня Е.Н. Каштанов.

Я пожал плечами. Что делать, я из той породы людей, которым нужно увидеть своими глазами НЛО или самих инопланетян, чтобы поверить.

- Это хорошо, - сказал Е. Н. Каштанов, - в таком случае вы можете быть объективны и беспристрастны.

Говорили о гипотезах. Их несколько. Можно слышать, что НЛОнавты – это потомки угаснувшей на Земле некогда великой и мощной цивилизации; что это пришельцы из других миров, следящие за развитием нашей цивилизации; что пришельцы уже внедрились в наше человеческое общество, живут среди нас (в таком случае, может, инопланетянка прилетела в гости к кому-нибудь в Костроме?). Церковь не остается в стороне от событий, связанных с НЛО. В одной из газет я

недавно прочитал, что «НЛО и их пилоты – все те же древние лукавые существа, которые морочили головы нашим предкам в виде уродцев с рожками и с копытцами, а теперь являются их просвещенным потомкам во всеоружии «последних достижений межпланетной космической техники...» В общем, кому какая версия нравится, что ближе – пусть то и выбирает. По моему же мнению, как уж тут воздержаться от высказывания собственной гипотезы, НЛО – либо нарождающаяся новая жизнь на Земле, которая должна прийти на смену человеку, либо имеет солярное рождение: еще Гершель и другие знаменитые ученые говорили, что на Солнце существует жизнь. Солнце – величайшая тайна. И что скрыто за трехсоткилометровым слоем фотосферы, ни один человек не знает. Ученые обходятся лишь определениями «вероятно», «возможно» и т. д. А между тем жрецы древнего Египта хранили какую-то жгучую тайну о Солнце, а фараоны называли себя «сынами Солнца»...

Несмотря на весь свой скептицизм в отношении инопланетянки, я все-таки не могу не сказать о своих ощущениях: я чувствовал себя в этом уютном дворике на ул. Юных пионеров легко, испытывал какое-то душевное спокойствие, чистоту в мыслях, прекрасное настроение. Может быть, это просто совпадение. Но так и было.

КНЯЖАЯ ПУСТЫНЬ

Многие таланты напитала своими соками кологривская земля. Красавица Унжа дала им радостные мгновения в детстве, закалила организм. Собственно, все реки Кологривского края чисты, прохладны и красивы. Особенно живописна река Княжая. В водах ее много хариуса и иной рыбы.

В среднем течении Княжей четыреста лет назад возникла Пустынь. В материалах Патриаршего приказа можно найти такую запись: «В Княжой Пустыни на реке Княжой церковь существует более трехсот лет и она сооружена усердием Игнатия Фомича Цизарева, который вступил в монашество и устроил при оной мужской монастырь, упраздненный в 1762 году». Две церкви тут сейчас, каменная -Успенская и деревянная без гвоздей, поставленная в 1719 году. В Княжую Пустынь можно добраться двумя путями: через лесной поселок Воймас, откуда до поселка Советского идет укатанная и прямая как стрела лесовозная дорога и через село Георгиевское или Николу-Граф.

Об этих местах на кологривской земле легенды ходят - о целебных источниках, камнях и деревьях. Идти на Святую гору, в Княжую Пустынь (так деревня тут называлась), что возвышается над зеленым океаном в 20 километрах от Кологрива, надо решительно освободившись от всех мирских и будничных дел. Иначе не дойти. Остановят ягоды под ногами, крепкие, чистые королевские грузди, за которыми приезжают аж из Москвы, или такие же крепкие, радующие глаз и приводящие в восторг белые грибы, коих за час можно набрать бельевую корзинку, и, наконец,

как говорят, Святая гора может не пустить, если человек идет к ней с греховными мыслями.

Так что до Княжой Пустыни добраться вроде бы и легко и непросто в одно и то же время. Но вот мой знакомый Борис Лезнев, оператор петербургской киностудии (он снимал фильм «Выйти замуж за капитана» и другие), собрался снимать фильм по собственному сценарию, искал натуру, приближенную к месту действия его героев, жителей лесного поселка. Я рассказал ему о кологривских местах, о Пустыни - и он загорелся. Поехали втроем, в машину к нам подсел костромской искусствовед Виктор Игнатъев, живший в кологривской гостинице (он только что вернулся из Шаблова – родины Е. Честнякова) и тоже бредивший Княжой Пустыню.

В лесопункте я заглянул к бывшему леснику Александру Петровичу Баданину. Тот хоть и обедал в это время, но отставил тарелку и поднялся из-за стола. Вообще люди в этих местах необыкновенно добры и доверчивы, как малые дети, и кажется, такое понятие, как зло, испокон веку обходит окрестности Святой горы стороной. Я помню, как сей маленький мирок, заброшенный в лесные дебри, этот поселок Советский, где я познакомился с Баданиными - отцом и сыном, даже в самое голодное время конца восьмидесятых годов жил и не тужил. На триста жителей поселка было 60 коров, а уж коз никто и не считал, почти каждая семья имела кроликов, овец и поросят. Лесорубы пили молоко и сливки, ели сметану, творог и сливочное масло, которое делали сами. Мясо тоже свое. А дарами леса были забиты все кладовки в домах, все сараи. Рыба имелась соленая, вяленая и свежая - из реки Княжой. Люди здесь всегда были самодостаточны, уверены в себе, сыты и здоровы, а отсюда и доброжелательность, сердечность - как к своим, так и к приезжим.

В хорошую летнюю пору до Святой горы можно на легковой машине за несколько минут долететь. Но накануне прошли ливни, и на дороге появились настоящие озера. Оставив машину, пошли пешком. По бокам дороги стоял замшелый лес. Кричали птицы в его глубине. В одном месте чуть ли не из-под ног у нас с шумом вылетел глухарь, за ним, громко хлопая крыльями, поднялся другой.

Но самое большое впечатление производит, конечно, здешний можжевельник. Кусты его, как свечи, стоят вдоль дороги. А у самой Святой горы пяти-шестиметровые можжевельники устремились в небо, словно кипарисы.

Под Костромой можжевельник теперь редко встретишь. Он уходит от техногенной цивилизации и встречается лишь там, где здоровая природа и чистый воздух. Говорят, вокруг куста можжевельника в радиусе 30 метров стерильный воздух, убивающий все болезнетворные микробы, все вирусы. Ну а поскольку тут, у Святой горы, можжевельник на каждом шагу, то, надо думать, какой воздух вокруг, и не на десятки метров, а на километры.

Это ощущаешь особенно тогда, когда песчаная проселочная дорога круто пошла вверх. А мы, чтобы сократить путь, пошли по еще более крутой тропе - и ни усталости, ни одышки, ни сердцебиения не ощущаешь. Удивительно! В Костроме бы не раз остановился и отдохнул.

Справа услышал журчание ручья. Из-под замшелого валуна бил родничок.

- У нас здесь под горой четыре ключа бьют, - сказал лесник. - И везде лечебная вода. В одном месте водичка благоприятно сказывается на желудочно-кишечном тракте. В другом - на почках. Эта вот, говорят, омолаживает человека. Женщины у нас ходят сюда по грибы и ягоды - обязательно умываются. Это у них заведено, как ритуал. Ну а самый известный - Святой поток - на другой стороне и повыше! Об этом потоке легенды ходят...

Я поднимался в гору. Вокруг стояли вековые сосны и ели. Тут и там попадались валуны, непонятно какими силами заброшенные на склон горы.

Я вспомнил две акварели художника Г. Ладыженского, которые видел в запасниках кологривского краеведческого музея. Эти акварели были сделаны здесь, на Святой горе, в начале нашего века. На одной я увидел деревянную часовенку возле Святого потока, а на другой - белокаменную церковь за оградой и рядом - деревянный храм.

- В старину-то здесь монастырь был, - продолжил свой рассказ лесник. - Я еще в детстве застал последнюю монашку. Пашечкой звали. Маленькая, хрупкая была. Но до последних дней своих работала на огорожке возле кельи, хворост в гору носила. Старая была, а глаза светлые и чистые. Убили ее. Не из-за икон, как нынче бывает, а просто так, из озорства. Но это давно было. А вообще-то на Святую гору приходили паломники из Вологды, из Вятки, из других мест, за сотни километров. Да еще вот не так давно копал я картошку возле своего дома - у меня еще здесь есть дом, в Пустыни, - гляжу, женщина идет. «Откуда», - спрашиваю. «Из Нижнего Новгорода», - отвечает. Оказывается, лежала в больнице, ноги отнялись, и дала себе слово, если вылечится, то пешком пойдет сюда, на Святую гору, к Святому потоку. И вот пришла. У русского человека с этим делом строго. Дал слово Богу, Святому месту - изволь выполнить. Прежде человек мог жить в монастыре хоть месяц, хоть год - гостиница была для этих целей.

За разговорами не заметили, как оказались на вершине Святой горы.

- Красота-то какая! - не удержался от восторга Виктор Игнатъев. - Бог ты мой...

Я увидел за разрушенными деревянными постройками каменную церковь без крыши, с темными провалами окон. Голубое небо над головой казалось синее и чище, чем в поселке. Далеко внизу сизыми гривами уходили к горизонту леса. Над ними плыли кучевые облака. Сверкало солнце.

Дышалось легко. Лесник продолжал свой рассказ о деревне Пустынь, которой уже и на карте Костромской области нет.

- Раньше у нас двести дворов было. Вот в этой каменной церкви сперва столовая была. Потом пекарня. А потом в общежитие переделали. Высланные из Крыма татары тут жили. Помню, Абдулла такой был. Пекарь. Ох, силищу имел! Мешок с мукой в сто килограммов как пушинку в гору вносил. А в деревянной церкви клуб был. Наша самодеятельность гремела на весь район.

Мы остановились у деревянной церкви. Сложена она была без гвоздей и потому еще довольно крепка, несмотря на все перипетии. Рядом, под мощными еловыми лапами, небольшой погост. На могилах и на старых деревянных оградах - зеленый мох. К стене храма прислонены две чугунные плиты в человеческий рост. На одной читаю, что крестьянин Лука Васильев принёс с Афона в Княжую Пустынь распятие животворящего креста

- А где этот Афон? - спросил лесник.

- В Греции.

- Раньше тут было три плиты. Третью увезли в поселок. В столовой она сейчас, на кухне. Сразу за погостом начинается крутой склон. В одном месте сквозь столбы неохватных деревьев и зеленого хаоса кустарников блеснула речка Княжая. Но это далеко внизу. Камень бросишь - будет минуту падать. Кругом мох, лишайник, паутина. Сумрачно под сводами исполинских елей и берез.

Спустился немного вниз. Держась за кусты, сделал несколько шагов в сторону - и передо мной вырос замшелый монолит правильной четырехугольной формы, высотой метра в три. Впечатление такое, что этот монолит закрывал вход в таинственные пустоты горы. В самом деле, не скрыта ли за этой каменной дверью какая-то тайна, уходящая в далекое прошлое человечества? Откуда он здесь? Кругом там и сям в траве и под прелыми листьями лежат камни разной величины. Говорят, что эти камни когда-то носили снизу. И чем труднее давался подъем, тем больше грехов отпускалось тебе.

Поднял один камень. Кто его нес? Когда? Сто или двести лет назад? Снял ли он грехи с человека? Не знаю. У каждого человека своя душа, которая ведаёт, когда время разбрасывать камни, а когда их собирать.

А лесник уж зовет нас к себе. Подошли. - Видите липу? Лечебная. Погрызешь ее - зубная боль проходит...

Я вспомнил небольшой чурбан, стоящий под лестницей в Кологривском краеведческом музее. Он был когда-то отпилен от подобной же липы и отсюда же, со Святой горы, увезен в Кологрив. Милая молодая смотрительница музея сказала мне, что пробовала грызть это дерево во время зубной боли - не помогло. Но ведь в том-то и суть, что помогает живая клетка, наполненная солнечной энергией и соками земли. По-видимому, у этих чудо-лип существует какая-то связь с подземными ключами, которые сами по себе благотворно действуют на все живое, в том числе на человека.

А ведь известно, что колодцев на Святой горе никогда не было. Их даже не рыли, потому что жители Пустыни исстари знали, что воды в горе нет, что она сложена из миллиардов камней самой разной величины и формы. Какие силы и в какую эпоху насыпали эту огромную гору? Зачем? С какой целью? Тут множество загадок. Кстати, уже в наше время, лет двадцать назад, буровики сделали на горе с десятков скважин - искали воду и не нашли. А жители всегда носили ее снизу, с речки (эту воду можно пить) или с родников.

Мы спустились по узкой тропке вниз. Углубились в чащу. А вот и Святой поток. В этом месте в овражке сливаются три родника. Изредка луч солнца высвечивает мокрые разноцветные камни. Мелкий песок под зеркалом воды вдруг начинает беспокойно шевелиться и подниматься вверх тонкими фонтанчиками. Вверху на камушках стоят иконки.

Именно к этому источнику приходили паломники из разных губерний старой России. Пили целебную воду, умывались, уносили с собой. Вода эта, как рассказывают местные жители, лечит от многих болезней, и не только тела, но и души. Тогдашний глава администрации Кологривского района Павел Николаевич Кудельников, помню, рассказал мне, как повез сюда своего брата, у которого было заболевание на лице, и никакие лекарства не помогали, а тут умылся, и через несколько дней все прошло.

И еще одно здешнее чудо - некоторые камни у Святого потока имеют целебные качества - приложишь к голове - уйдет боль. Это уж совсем странно, но местные жители это знают.

В последний раз осматриваем окрестности с орлиной высоты. То и дело щелкает фотоаппарат Бориса Лезнева. Будет ли он снимать здесь свой фильм - не знаю. Но, думаю, когда-нибудь и кто-нибудь об этой Святой горе и ее обители напишет книгу или снимет кино.

Как-то я поделился своими впечатлениями с костромским историком Константином Воротным, много пишущим о древней Руси. Его мысли, как всегда, были оригинальны, любопытны. И я представляю их вниманию читателя. Вот версия К. Воротного:

«Занявшись изучением долетописной истории Руси и русского народа, вдруг с удивлением обнаружил, что имени Кологрив не одна тысяча лет. И оно имеет сакральное, священное значение. Именно так - Кологрива - звали коня одного из самых могущественных славянских богов Велеса, создателя и разрушителя вселенной, хранителя времени, вершителя судеб людских.

О древности имени говорит фонема «коло», ключевая в этом слове. Коло - основное понятие в славянском мировоззрении, оно означает время. И не просто время, а ось времени, которая его держит и вокруг которой оно вращается. Неслучайно в те далекие времена Полярная звезда, одиноко, вечно и неподвижно стоящая на ночном небе, называлась у славян «Кол». Коло - это есть колесо времени: у славян - «Коло Велеса», у русов-ариев - «Коло Сварога». Медленно крутится этот

коловорот, отмеряет жизнь всего сущего. Скачет конь Кологрива, а из под копыт его летят секунды и часы, годы и столетия.

Тысячи лет назад на том месте, где впоследствии был поставлен город, носящий имя священного коня (именами богов города называли, никто не имел права), находилось ведическое святилище бога Велеса, и первоначально Кологривом назывался холм, где горел вечно Велесов огонь. К этому месту совершали паломничество древние славяне, шли сюда со всего края на поклон грозному богу во время великих ведических празднеств. Это был священный холм священного времени, отсюда и название КОЛОГРИВА (коло - время, грива - холм, гора).

Связь между названием холма (а потом и города) и Полярной звездой – Колом – несомненна. Ибо именно Полярная звезда считалась в те времена центром мироздания, а не Солнце; она была священной звездой для славян, олицетворявших ее с легендарной горой Меру, с которой и началось все, сущее на земле.

Видимо, здесь, на холмах Кологривы, возносили славяне хвалу Колу – Полярной звезде - и богу Велесу, создавшему этот мир.

Неподалеку от Кологрива есть Святая гора, которая такое название получила еще до прихода сюда христианства, из-под земли здесь били (и до сих пор бьют!) семь священных источников-родников - живая вода русских народных сказок, которая и на самом деле была лечебной.

По глухим сведениям, где-то в кологривских холмах издавна существовали пещеры, подземные ходы, куда уходили последователи ведической веры от преследования христиан и государственной власти. И не только тысячу лет назад, но и много позже, во времена расколки середины XVII в., при Петре I и других Романовых.

Известно, что еще в двадцатые годы XX века в кологривских лесах жили загадочные старцы, с которыми сумел встретиться знаменитый А.В. Барченко, всю жизнь искавший легендарную Гиперборею и тайные знания. Спасали эти жрецы не себя, а древнейшие знания, которые тысячи лет передавались из поколения в поколение, записывались на деревянных досках и бересте. Не хранятся ли бесценные «деревянные книги» и до сей поры в каком-нибудь из кологривских холмов-святилищ?

Вспомним также, что Кологрив стоит на отрогах Северных увалов - легендарных Рипейских (Гиперборейских) гор не только древних русов и славян, но вообще всех индоевропейских народов. Именно здесь, на территории современных Вологодской, Костромской и Ярославской областей, и находилась легендарная страна наших предков Беловодье. Более того, около года назад из уст одного высокопоставленного чиновника Министерства образования прозвучали фразы, что «территория современных Ярославской и Костромской областей является родиной всех индоевропейских племен и народов», которые постепенно разошлись отсюда по всей Евразии.

Кологрив был одним из святилищ Беловодья. Лишь многие века спустя географическое положение этой страны переместилось на юг, в Тибет и Индию. Но перед этим была еще одна остановка - Аркаим,

родина легендарного Заратустры. Однако Аркаим - это название горы, неподалеку от которой стоял город. Настоящее название его – Колоград, «город священного времени», сакральная столица древних русов на Южном Урале.

Но это было уже потом. Первыми же хранителями священного коло русов были жрецы Кологрива, религиозного центра наших предков.

Археологических изысканий здесь никогда не проводилось, а ведь под этими холмами могут быть скрыты сенсационные материальные свидетельства существования развитой цивилизации, вплоть до развалин огромного, для тех времен, города, первого «Аркаима» Колограда. Уже само наличие в этих местах священных источников-родников и пещер, о которых свидетельствуют легенды, очень напоминает описание Шамбалы-Беловодья в «Житии инокка Сергия», ходившего на рубеже X-XI вв. в Индию и Тибет, где он провел почти пятьдесят лет...

Для наших предков кологривская земля была священна, как, впрочем, и земля всего Костромского края. И жили на ней не какие-то мифические меря, а реальные русы и славяне, которые и дали наименования нашим рекам, озерам, холмам. Большая часть этих топонимов в финно-угорских языках «не имеет никакого знаменования».

Что и говорить, версия довольно привлекательная и если кто-то из молодых умов возьмется ее разрешить, то, возможно, последуют и какие-то находки на Святой горе, да и в самом Кологриве.

Недавно (спустя пятнадцать лет) побывал в Княжой Пустыни.

Встретил здесь отдыхающих. Некоторые приехали на машинах.

- Вы откуда?

- Из Москвы.

- Из Петербурга.

Жители поселка Советский, которые тоже пришли сюда в этот выходной день (их дети приехали на мотоциклах), сказали мне, что на Святую гору приходят монахи, приезжают из-за границы, идут паломники из других областей.

Я прошел по знакомой тропе к Святому потоку. Спустился по деревянной лестнице вниз и не узнал диковатого в прошлом места: на пригорке стояла открытая часовенка с иконами, рядом - большой деревянный крест. Кристально чистая вода теперь бежала по желобкам. Уставший путник мог теперь и посидеть на удобных скамьях.

Взял с собой святой воды. Поднялся наверх. Какая-то тучка, переваливая через гору, окропила ее дождем. Воздух сразу стал необыкновенно чистым и свежим. Залоснились на солнце гигантские можжевельники, напоминающие кипарисы в Крыму.

Все, кто когда-нибудь побывал на Святой горе, до конца дней своих не забудут ее. А я в часы душевного смятения, тоски и недовольства жизнью частенько в мыслях обращаюсь к этому уединенному миру, теща себя надеждой когда-нибудь снова побывать здесь, увидеть дали, серебро лишайников на деревьях и зеленые шапки мха на старых пнях,

услышать журчание Святого потока в камнях и, может быть, уже понести в гору свой камень...

В ОЖИДАНИИ ЦУНАМИ

Еще в середине нынешнего века модным было плавать по Волге на плотах, проводя на реке свой отпуск. Вспомним фильм «Верные друзья». Каждый день была уха из щуки, судака, сазана, а в низовьях - из стерляди и осетра. Чай кипятили, зачерпнув воду прямо с плота. От Рыбинска в то время до Волгограда можно было доплыть на плоту за 50 дней. А в половодье и того меньше, всего за месяц. Если же мы сегодня с вами отправимся в такое путешествие, то доберемся до Нижней Волги только за полтора года, не испытывая при этом комфорта (в летнее время Волга цветет, и у реки стоит тошнотворный запах. Эту воду уже не попьешь), не очень-то балуя себя свежей рыбкой. Уже возле Юрьевца, где между берегами от десяти до двадцати километров, можно увидеть сотни рыбьих плавников, которые бороздят зеленые воды по всем направлениям или же делают бесконечные круги, не имея возможности погрузиться в глубины водохранилища. Рыбное население горьковского моря, по утверждениям ученых, от 80 до 100 процентов поражено гельминтами, то есть солитером. Лещи гибнут массами - у отмелей, пристаней и причалов. Солитером заражены уже судак, щука и стерлядь. Малая проточность реки способствует этому заболеванию. Кстати, на Рыбинском, Куйбышевском и Волгоградском водоемах поражение рыбы гельминтами чуть меньше - до 70 процентов. Так что нынешний отдых на Волге, дальнейшее плавание на плоту может обернуться для путешественника и больничной палатой.

Поскольку в наше повествование сразу же вторглась статистика, то я бы хотел привести еще некоторые цифры, которые необходимо знать нам, живущим на волжских берегах. Из школьных учебников нам было известно, что Волга приносит Каспию в среднем 240 кубокилометров воды в год. А собирают эту воду 150 тысяч рек, речек и ключей. После того как реку в нескольких местах перекрыли плотинами, из названных выше 150 тысяч притоков реки исчезло 30 процентов. Большинство речек, впадающих в Волгу, загрязнены, обезлесены, забиты. Самоочищаемость реки снизилась в десятки раз, и она стала по существу антисанитарным водоемом. На некоторых участках под Ярославлем, Нижним Новгородом, Саратовом и Самарой обнаружены скопища химических веществ, многие из которых токсичны. Во многих местах начал колебаться уровень подземных вод и приходит в движение земная твердь. Все мы помним не столь давнюю катастрофу в Нижнем - оползень берега в городской черте, повлекший за собой человеческие жертвы. Все чаще стали проявлять себя оползни и на Верхней, и на Нижней Волге. За последние 30 лет только от переформирования берегов на водохранилищах потеряно 50-70 тысяч гектаров, а общие

потери земли в результате сооружения водохранилищ составляют около 5 миллионов гектаров, то есть несколько стран Западной Европы. Но если в Нидерландах, например, даже маленький клочок земли стараются отвоевать у моря, строя дамбы, то мы с истинно российским размахом затопили, перенесли и разрушили во время строительства водохранилищ 96 городов, поселков городского типа и посадов, свыше 2500 сел и деревень, уничтожили тысячи памятников истории и культуры, градостроительных ансамблей. Затоплены многие древнерусские монастыри. Кстати, только в Костромской области было снесено около 50 сел и деревень.

Ну что ж, гидроэлектростанции на Волге мы построили, электроэнергия придала импульс в работе многим промышленным предприятиям. А что Волга? По данным института питания Минздрава, по Волге течет такая дрянь, что в осетровых рыбах на каждый килограмм веса содержится от одного до пяти миллиграммов тяжелых металлов - кадмия, свинца, ртути. У белуги и севрюги начинается распадение мускулов. Ниже нас по течению предприятия Заволжского химзавода ежегодно сбрасывают в Волгу до 9 миллионов тонн неочищенных стоков. Эти отходы не только вредят реке, но и нарушают иммунную и генетическую систему самого человека. Отсюда бурный рост аллергических, раковых, сердечно-сосудистых заболеваний. А подобных заводов предостаточно и в низовьях, и выше нас по течению.

Как пишут ученые, река Которосль, что впадает в Волгу под Ярославлем, в 200 с лишним раз превышает предельно допустимые нормы по своему бактериологическому состоянию. Еще выше постоянно делает сбросы в Рыбинское водохранилище Череповецкий металлургический комбинат и т.д. А поскольку стоячая река теряет способность к самоочищению, то надо представить себе, что мы пьем из своих водопроводных кранов. Отсюда многие болезни и отсюда же опасность потери нашего потомства. Известный факт: при обследовании только одного Волгоградского роддома № 3 из 2732 детей 244 родились с явными признаками болезни и уродства. У 98 процентов матерей беременность проходила ненормально. Если мы обратимся к нашему роддому в Костроме, то получим приблизительно такие же цифры. Все взаимосвязано. От загнивающей Волги начинает «гнить» человек, обитающий на ее берегах, и не исключено, что в этом отношении скоро могут начаться необратимые процессы.

Волга в полном смысле слова стала дамкловым мечом, который висит над нашими головами. То, о чем я сказал выше, - это одна сторона. Другая - при роковой случайности может превзойти по своим катастрофическим результатам первую в сотни раз и, думаю, американские фильмы ужасов покажутся в сравнении с явью просто-напросто забавой. Если это несчастье произойдет, то потребуются по крайней мере век, чтобы излечить раны европейской России.

Читатель уже, наверное, начинает догадываться, что здесь что-то связано с гигантскими резервуарами воды, которые появились у вол-

жских плотин, перекрывших Волгу с верховьев до нижнего плеса. Совершенно верно. Все мы знаем, если черные костяшки домино поставить в ряд, полукругом или кругом и затем уронить одну - за ней упадут все другие. Волею человеческих умов и рук в таком же положении оказался каскад плотин и водохранилищ за ними. Верхневолжское, Ивановское и Угличское водохранилища не столь уж велики и опасны. А вот Рыбинское - это спящий вулкан. И разбудить его может либо человек - его злая воля, либо природные аномалии - например, большие паводковые воды. Ядерный удар, нанесенный по плотине, в первые минуты военного конфликта парализует многие города Верхней Волги и промышленный потенциал их в течение нескольких часов. То же самое может сделать и рука злоумышленника. Кстати, как говорят, попытка произвести диверсию на плотине Рыбинского водохранилища уже была.

Что же представляет из себя рыбинское море? Оно было создано в 1941 году. Гидростроители перекрыли русло Волги в районе Рыбинска и русло Шексны. Волжский створ сооружений состоит из бетонной водопропускаемой плотины, земляной плотины и судоходного шлюза. Шексинский створ из земляной плотины и гидростанции. Шесть лет наполнялась чаша водохранилища. Длина его теперь 112 километров, ширина 56 километров. Площадь моря - 4580 кв.км. Средние глубины - до 6 метров, а максимальные - свыше 30 метров. Вот такая чаша, готовая в любой момент опрокинуться на нас, находится всего в 160 километрах от Костромы. Когда начинали готовить ложе будущего Рыбинского водохранилища - в середине 30-х годов - разумеется, никто не знал, что к 2000 году арсеналы России и США будут ломиться от ядерного оружия, что объявится новое воинственное племя - террористы, для которых нет ничего святого, что, наконец, изменится климат. Каскад плотин строили с целью получить дешевую электроэнергию и создать благоприятные условия для судоходства, а через полвека пошли предупредительные сигналы отовсюду - внимание, возможен апокалипсис!

Что же произойдет, если плотина, сдерживающая за собой рыбинское море, не дай бог, разрушится? (А подобные примеры уже были. Талые воды снесли плотину в Волгоградской области, в результате чего был затоплен город Новоаннинск). В сейфах главного управления по делам ГО и ЧС лежат секретные папки с документами, в которых детально определены все зоны затопления поволжских городов в случае прорыва плотины, и уже подсчитаны убытки, которые выражаются в астрономических цифрах, расписаны пути эвакуации населения, оборудования промышленных предприятий и т.д.

При разрушении плотины волна захватит часть Рыбинска и устремится дальше. Начнется подтопление Ярославля. Частично будут затоплены Кировский и Ленинский районы. Красный Перекоп будет напоминать знаменитую Венецию. Спасаться можно будет на крышах пятиэтажных домов, ну а жители верхних этажей девятиэтажек будут на

протяжении полутора месяцев смотреть со своих балконов и из окон на необычную жизнь старинного города и ждать катер или самоходку с продовольствием и питьевой водой. А водный вал, между тем, помчится дальше. За шесть часов до приближения цунами костромичи получают грозное предупреждение о надвигающейся опасности. Речной флот, к сожалению, уже ничего не спасет. Мощная волна будет обрушиваться на двух-трех и четырехпалубные теплоходы, опрокидывать, топить и разбивать их о каменные строения города и о берега. О прочей речной мелочи и говорить нечего. Жители заречной части Костромского района, поселка Первомайский, Ипатьевской слободы, улицы Кооперации, Татарской слободы и т.д. успеют покинуть свои дома и увезти часть своего имущества. За четверть часа жители Костромы услышат тревожно приближающийся гул с верховьев Волги. Тысячи людей устремят туда свои взгляды. Через шесть часов после оповещения службой ГО и ЧС на горизонте появится стена воды высотой 4-6 метров. Многие даже не успеют перебраться двумя-тремя фразами, как этот вал накроет всю низинную часть Костромы и устремится дальше, где средняя ширина реки шесть с лишним километров, а глубина достигает двадцати двух метров.

Если плотина Горьковской ГЭС выдержит фантастический напор водной массы, то жители окрестных мест увидят потрясающую картину рождения нового водопада, не уступающего по мощи и красоте Ниагарскому водопаду или Виктории - в Африке. А если плотина не выдержит (все-таки прослужила верой и правдой свыше сорока лет!), то цунами высотой в несколько десятков метров могучим броском кинется на Сормово, на крупнейшие заводы страны в Канавинском районе, где живут и трудятся свыше полумиллиона нижегородцев.

Картина эта усугубится, если все произойдет в зимнюю пору, когда на рыбинском море стоит более чем полуметровый лед и такой же на Волге. Эхо этого «ледохода» будут помнить и потомки. А спустя годы, может быть, кинематографисты создадут по свежим следам один из ужаснейших фильмов века, как река, которую народ любовно называл Волгой-матушкой, изменила свое историческое предназначение и превратилась в реку-убийцу. Впрочем, каким бы ни был сюжет этой страшной драмы, а на причину перевоплощения Добра во Зло всяк укажет перстом в одну сторону - на человека, чья гордыня, своеволие, бесцеремонность, бездумность породили преступление века, над которым уже не властвуют людские законы.

ТАЙНЫ УНЖЕНСКОГО БЕРЕГА

Однажды отдыхая летом в Кологриве, я вернулся с Унжи и сказал хозяйке дома, что был в Екимцеве, а обратно перешел реку вброд, около кладбища. Она побледнела и, глядя на меня, будто я с того света явился, сказала, что в этом месте никто не купается, потому что тут

воронки и ямы, а может, и еще что-то - и уже много людей утонуло тут на ее веку - на Верхнем Кокиле. Причем тонут не по пьянке, не сердечники, а здоровые молодые люди. И она привела мне самые последние примеры: утонул солдат, купаясь вместе с друзьями на противоположном берегу. Попал в яму. Его сразу обнаружили. А другого утопленника смог достать лишь водолаз - да и то не сразу, потому что тело течением занесло в подводный грот.

Старожилы города утверждают, что Верхний Кокиль собирает урожай своих жертв с завидным постоянством. Но несмотря на это, с полным основанием могу сказать, что этот унженский берег, пожалуй, один из самых живописных, самых загадочных и таинственных на всей реке. В примечании к лоцманской карте реки Унжи написано: «Кокильская излучина является сложным для плавания участком. На перекате Верхний Кокиль действует прижимное течение к левому берегу. При высоких уровнях воды суда и плоты затягивает на левобережную пойму...» Река в этом месте делает два крутых поворота, и на лоцманской карте этот участок напоминает латинскую букву «S».

Когда весной буксиры ведут с верховьев плоты, то в этом месте их всегда поджидают аварийные команды на катерах - и днем и ночью. Кокильские повороты, наверно, сняты потом сплавщикам в самых страшных снах. Но зато летом здесь благодать - тут и там стоят рыболовы, а однажды при мне за какие-то двадцать минут удачливый мужик поймал с лодки пять здоровенных щук - аж обалдел от такого улова.

Однако я предпочитаю посидеть в вечерний час на закате солнца под песчаным крутояром на какой-нибудь перевернутой лодке - такой успокаивающей тишины и покоя, как здесь, вряд ли где еще сыщешь. В каком бы растревоженном состоянии не пришел сюда, в тоске, печали или в злобе на кого-нибудь, - здесь, на Верхнем Кокиле, все это куда-то улетучивается, приходит чувство радости, умиротворенности. Причем я спрашивал здесь приезжих (в Кологриве много отдыхающих из обеих столиц, Мурманска и из других городов России), что они испытывают на берегу Верхнего Кокиля. Ответ был один и тот же - покой, ощущение расслабленности, безмятежности, радости, идиллии. Не надо пить валерьяну после семейного раздора - приходи сюда и через несколько минут будешь пребывать как в нирване. Это знают многие кологривчане.

Кстати, совершенное равновесие духа придает здесь собирание камней, а также аммонитов с остатками лилово-розового перламутра, беллерафона, белемнита. Здесь под песчаным обрывом находится выход пород Юрского периода, то есть, сидишь или ходишь по окаменелому миру, который существовал на Земле 180 миллионов лет назад. Странно, но такое же ощущение спокойствия приходит к тебе в Бурдове - это еще несколько километров выше по Унже, там тоже выход пород Юры. И под Макарьевым - где самый большой выход этих пород.

В полукилометре от берега Унжи, на вершине горы, в сосновом бору приютился обветшалый уже Чижовский городок, построенный сто с лишним лет назад на средства ученого и мецената Федора Васильевича

Чижова. До революции здесь было техническое сельскохозяйственное училище, а потом, в советское время - зоотехникум. Уже лет десять или даже больше как зоотехникум закрыт. Но люди в городке продолжают жить. Во многих квартирах здесь можно увидеть необыкновенной красоты и довольно больших размеров раковины аммонитов. Их находят совсем рядом, в русле лесного ручья, который пересыхает в жаркое лето. Сухое русло обманчиво. В ином месте ступишь и по пояс провалишься в смесь из ила и раковин. Я бродил вдоль ручья под пологом мощных папоротников. Один раз лучи солнца, пронизав густую листву над головой, высветили крупную раковину какой-то сложной конструкции. Я снял верхний ребристый диск и застыл в изумлении, увидев розово-фиолетовый перламутр. То были какие-то неземные краски, существовавшие на земле за сто восемьдесят миллионов лет до моего появления на свет. Такие же краски хранит перламутр многочисленных раковин, которые встречаются на каждом шагу возле деревни Бурдово. Однажды здесь встретили американку - любительницу палеонтологии. И снова любопытный штрих! Мы с друзьями хотели искупаться в этом месте, но жительница деревни, фельдшерица, предупредила нас: будьте осторожны. Здесь много тонут. Вчера мужчина погиб. Молодой, здоровый. Ни с того ни с чего стал тонуть. И всё!

Что за странная и непонятная связь? Люди гибнут в воде в местах выходов юрского периода! Какие энергии наполняют эти загадочные проталины на земле, возраст коим сотни миллионов лет? (Кстати, и здесь, как и на Верхнем Кокиле в Кологриве в вечерние летние часы стоит удивительная тишина, спокойствие и видны краски природы, приводящие любого человека в восторг и удивление.)

Вернемся к Верхнему Кокилю. Лет тридцать назад, когда геофизики искали здесь нефть, из земли вырвался мощный фонтан минеральной воды. Старожилы утверждают, что высота его была под двадцать пять метров! С фонтаном ничего не могли поделаться, не могли укротить. Лишь через месяц привезли специальный цемент и с трудом сделали заглушку.

А несколько лет назад в этих местах стали селиться утки. Тысячи уток! Видели и журавлей...

Пространство между Большим и Малым Кокилем – это, прежде всего, редкостное совмещение геопатогенных и геоактивных зон, в результате чего энергетические вихри взбаламутили тут и дно реки, и сушу. Старожилы говорят, что прежде глубина реки на повороте Верхнего Кокиля была шестнадцать метров в межень. Сейчас - до шести метров. А всего в нескольких сотнях метрах ниже по течению на середине Унжи вам будет по щиколотки, можно лечь и лежать, заложив руки под голову. Выше Кокиля тоже можно перейти реку вброд.

Обильный рост растений, целебные минеральные воды и т.д. - все это присутствует в ареале между двумя поворотами Унжи.

Рядом с крутояром бьет источник, солоноватый на вкус. Заместитель главы администрации района предполагает, что это минеральная вода, все собирается отправить ее на анализ в Москву, да не может наскрести несколько тысяч рублей для этих целей. А в двадцати километрах находятся источники, которые лечат внутренности и ноги. Архиепископ Костромской и Галичский Александр, говорят, испытал на себе их благотворное влияние - да и многие другие паломники. Ну чем не Трускавец и Хоста вместе взятые на одном пяточке костромской земли? Кто бы только вложил деньги - стал бы у нас свой бальнеологический курорт! И стол бы у этих курортников ломился от местных грибов, ягод, дичи и пр.

Однако продолжим исследование диковинного места под названием кологривский Кокиль. Как-то спросил у мужика, заготавливающего дрова на берегу:

- Говорят, где-то здесь пережат есть?

Он показал на скопление высоких ив на песчаном берегу. С полкилометра от Кокиля. А когда я пошел, то предупредил меня:

- Только берите все время вкось. Прямо не переходите. Слева глубина...

Я отправился по берегу. Осталось позади кладбище в чудесном сосновом бору. Начался мелкий ивняк. Но вот и указанное место. Снял сандалии и засучил брюки. Пройду не раздеваясь или нет? Дно, как и везде, было песчаное, все в ярко-золотых солнечных сотах. Черные ракушки, казалось, приросли к месту, но за ними тянулись борозды - значит, двигаются. С какой, интересно, скоростью? Слева от меня темнела вода, я инстинктивно взял правее, как мне советовал дровосек. Река тут была ниже колен, бурлила у ног, сверкала на солнце. И вдруг на середине реки увидел мелкие пузырьки, поднимающиеся к поверхности. Подводные ключи! Я принялся было их считать, но скоро сбился со счета. Чем ближе я подходил к противоположному берегу, тем холодней становилась вода. Под ногами били десятки родников. Тысячи мелких пузырьков устремлялись к воде от песчаного дна. У меня ломило ноги, когда я вышел наконец на берег. Такого обилия ключей (не исключено, что на пережатке их сотни) я никогда не видел.

Я попал сюда после того, как исчез с лица земли невероятно живописный уголок у Нижнего Кокиля - Медведки. Это был песчаный мыс, заросший пахучими ивами. Войдешь под их сень и наслаждаешься запахом свежих яблок. Этот запах издавал белый налет на буровато-зеленых прутьях молодых ив. Песок с этого места можно было использовать в песочных часах - он был мелкий, чистый. Рядом был перевоз: стальной трос, натянутый с берега на берег, и деревянная посудина, которая передвигалась благодаря рукам пассажиров и перевозчика. Эта милая сердцу архаика исчезла в семидесятые годы, когда какой-то кологривский умник из райкома или исполкома превратил Медведки в песчаный карьер.

Теперь этого дивного творения природы нет. Я остро ощутил его утрату (да и многие кологривские тоже), и это подвинуло меня на мысль поискать его эстетический, эмоциональный и энергетический эквивалент на противоположном унженском берегу в пределах Верхнего и Нижнего Кокиля.

И я нашел это место!

Это райский уголок! Такой же, как в Медведках, песок. И такой же запах источают ивы. Тут еще были заливы с полным набором растительности прудов и водоемов, зеленые острова с густыми травами, песчаные косы с пятнами ивовых кустов сменялись полянами с гигантскими листьями мать-и-мачехи. А дальше высокой стеной стоял ивовый лес, почти непроходимый из-за нагромождения бревен, оставшихся здесь после молевого сплава, когда спала вода.

Любопытно, что через каждые пять-семь лет ландшафт местности полностью менялся. Это был новый мир! Совершенно неузнаваемый. С новыми заливами, островами, деревьями, конфигурацией берега. Но по своей положительной энергетике это место превосходит все остальные благодатные места, за исключением разве Святой горы на реке Княжой, где геоактивная зона фантастична по своим параметрам.

Место, о котором я веду речь, рядом с городом. На противоположной стороне - окраина Кологрива. Но здесь, как и на Святой горе, за несколько часов набираешься сил и здоровья на много дней вперед. Один раз я заглянул сюда всего на два часа. Был прекрасный солнечный день. Я искупался в Унже, полежал на белом горячем песке. Потом заглянул в редакцию местной газеты. Знакомые смотрели на меня удивленными глазами. Сказали, что я сбросил двадцать лет и пышу здоровьем. А вот еще пример. Все время хотел обливаться холодной водой - и не мог заставить себя это сделать. Так шел год за годом. Но вот приехал из Кологрива (два дня провел на благодатном берегу, даже число помню, 31 июля), утром открыл в ванной холодный кран, представил благодатную песчаную косу, горячий песок, прохладную Унжу - и с тех пор несколько лет обливался. Прошла гипертония. На улицах замечал - я не иду, а лечу, так легко, словно мне двадцать пять лет.

Но и тут имеются геопатогенные зоны. Я уже упоминал о провале. Так вот, я обнаружил его неподалеку от того места, где отдыхал. На вид обыкновенная, чуть продолговатая воронка (не больше комнаты в «хрущевке») наполнена темной водой. Я хотел подойти ближе - и не мог. Какая-то сила отталкивала меня от этой черной воды. Ни с того ни с сего возник страх. Отходил от провала, и ко мне опять возвращалось прежнее состояние спокойствия и радости. На другой год повторялось то же самое.

Потом я не был в Кологриве пять лет. Этим летом пришел сюда и уже ничего не узнаю. Там, где была песчаная коса, плавно уходившая в воду, теперь виднелись барханы с ивняком. Раздвигая кусты, я уверенно шел к берегу и вдруг остановился, как вкопанный. Передо мной был провал. Он увеличился в размерах, стал глубже. С одной стороны

появился обрыв из глинистых пород. Зеркало спокойной черной воды смотрело на меня из этой загадочной глазницы. И снова чувства тревоги и страха возникли у меня как и в прежние времена, и я не мог освободиться от этого дискомфортного состояния.

Между прочим, уровень воды в провале одинаков с уровнем воды в Унже. Это говорит о том, что существуют какие-то подземные сообщения с рекой. Местная жительница рассказала мне одну жуткую историю. Еще в тридцатых годах она купалась с подружкой в подобном же водоеме. Случилась трагедия. Подружка утонула. Прибежали мужчины с баграми. Искали. Нырjali по всему озерку, но утопленницу так и не нашли. Предположили, что ее затянуло в какие-то пустоты, связывающие это озерцо с Унжей. А сегодня этого провала уже и не существует.

Ну и последнее об уникальном месте возле древнего Кологрива. Два месяца назад мне прислал письмо из Галича восьмидесятилетний Сергей Николаевич П. Родом он из Кологрива, а точнее из Суховерхова. Он пишет о своем детстве: «Съезжая на заднице с отрывистого берега, мы находили суглинки с крапинами золотистых зерен. А некоторые куски суглинков были с золотыми прослойками. До сих пор думаю, что это золото!» К своему письму он приложил карту-схему, указал место выхода золота. Это совсем рядом с унженским Кокилем.

А написал я этот очерк с одной лишь мыслью, что когда-нибудь участок берега, где мы с вами побывали, объявят памятником природы.

ЧУДЕСА У СВЯТОГО КОЛОДЧИКА

Летом 1998 года был в Сибири, в Красноярске. Вечером со знакомыми музейными работниками сидели в уютном баре на пароходе «Св. Николай», на котором в конце прошлого века молодой Владимир Ульянов-Ленин плыл в ссылку, в Шушенское.

Мы пили легкое вино, и на столе стояла бутылка «Святого источника». Наша, костромская. Спутники, разумеется, поинтересовались, в самом ли деле это святая вода? Что я им мог на это ответить? Еще лет пятнадцать назад геологи говорили мне, что в Малышкове пробурена скважина и обнаружен подземный поток, который бежит чуть ли не с Уральских гор. Скважину законсервировали. А в начале 90-х деловые люди — американцы совместно с батюшками из Костромской епархии — приспособили установку и принялись разливать артезианскую воду в полиэтиленовые бутылки разных размеров, дав для рекламы сакраментальные, священные для Руси слова «Святой источник».

А между тем есть на нашей костромской земле действительно святые места, и истари бьют святые источники, которые даруют немощным людям физическое и духовное здоровье.

Об одном таком источнике я и хочу рассказать. Нынешним летом, где-то в середине августа, поехали мы с друзьями за грибами в Кадыйский район. Возле Екатеринкина посадили в машину женщину, которая попросила довести ее до Словинок. Посадили мы ее у красивого деревянного храма — лучшего в области я, пожалуй, и не видел. А она, сев на заднее сиденье, стала рассказывать о многочисленных церквях, которые стояли когда-то по деревням — в Словинках, в Савкине, в Кострове, назвала еще несколько деревень, а в Панове даже монастырь был в начале нашего века.

— А вы сами местная? — поинтересовался я у женщины.

— Я из деревни Комары. До войны у нас более ста дворов было. А теперь несколько изб осталось, да и в тех дачники живут. Старую-то жизнь вспомнишь — ой, слезы наворачиваются. Сколько народу было! Гуляния какие были! Из одной деревни в другую ходили — с гармониями, с песнями. И куда все подевалось? — Она помолчала немного. — Хотя известно куда. Только с войны в Комары шестьдесят мужиков не вернулось. Все погибли. А потом молодежь начала постепенно отъезжать.

Чтобы сменить грустную на фоне столь живописного пейзажа за окном тему, я поинтересовался, много ли здесь грибов и ягод и в какую сторону лучше ехать. Женщина поведала нам, где за час можно ведро «брусены» (так она называет бруснику) собрать, где обилие клюквы, черники, малины. Сказала, куда нам лучше ехать за грибами, — там одни лишь белые, потому как даже боровики никто не собирает.

Пока ехали, я обратил внимание на большое количество легковых машин, снующих туда-сюда, словно мы мчались по оживленной трассе где-нибудь в Подмосковье.

Впереди показались два автобуса. Когда мы поравнялись с ними, я с удивлением увидел, что сидят в них то ли монахи, то ли священники.

— Тоже за грибами ездят? — удивился и знакомый, — номера ярославские...

— Это они со Святого колодчика возвращаются, — сказала женщина, — у нас тут каждое лето машин видимо-невидимо бывает. И все за святой водичкой едут. Даже иностранцы приезжают. На прошлой неделе при мне вышли из машины, что-то по-своему лопочут. А с нами наша русская одна. Видимо, переводчица.

— И где же этот святой источник?

— Колодчик-то? Недалеко тут будет. Надо сначала свернуть к Демино, потом к Лыжино, а затем уж ехать в Паново. До самого Святого колодчика, конечно, не доедешь — с километр придется идти по лугам, а потом по болотцу.

В России ко всякому роднику, пробивающемуся из глубин земли на свет Божий, у людей всегда было радостно-трепетное отношение, даже благоговение. Ну, а уж к ключам, за которыми числились различного рода исцеления, отношение было особое. И по-разному эти ключики называются. Все мы с детства знаем картину Ивана Шишкина «Святой

ручей близ Елабуги». Здесь ручей. Под Кологривом, в Шаблово, родник называется Ефимов ключ — там вода тоже целебная. И под этим же древним городком, на Святой горе, где был монастырь, родник называется Святой поток. А вот здесь, в болотце, под деревенькой Паново, родник называют совершенно особо — Святой колодчик.

— И от чего лечит эта водичка? — поинтересовался я у женщины. Она сразу вся встрепенулась.

— Ой, да от всех болезней. Меня мама принесла к нему, когда мне было пять лет. До войны это еще было. Я заболела ветряной оспой. Говорят, у меня все тельце покрылось коростой и уж не думали, что я выживу. Принесли меня, раздели, облили ледяной водичкой — и, верите, через два дня я выздоровела. Даже никаких признаков оспы не осталось. Все болезни эта святая водичка лечит. У меня как-то голова болела, не находила себе места несколько дней, пошла, облилась — и все прошло. Туда идут те, у кого болят глаза, у кого ревматизм или печень больная, или почки.

Не знаю, может быть, и рак лечит водичка из Святого колодчика. А у моей подруги экзема на руках была. Ко всем врачам ходила, к знахаркам, к экстрасенсам — и ничего не помогало. Только зря деньгами сорила. Я посоветовала ей съездить на колодчик. Приехала она, облилась, с собой водички взяла — и через неделю от экземы и следа не осталось.

В этих святых местах в былые времена был поставлен монастырь. Остатки его сохранились и до сих пор. Во время войны (по рассказам женщины, тут уж надо назвать и ее имя — Екатерина Ивановна Веселова, награждена орденом «Материнская слава I степени», семь уже взрослых детей у нее, все в люди вышли) в монастыре сделали ферму. Год она просуществовала, и весь скот погиб. А две девушки, что ухаживали за скотиной, повесились на березах. История, конечно, похожа на легенду, но старожилы этих мест подтверждают, что это было именно так.

Кстати, у местных властей, у руководителей хозяйства Святой колодчик, к которому толпами шли в праздники колхозники и приезжий люд, вызывал не то что неприязнь, а даже и озлобление. Несколько раз посылали на болотце бульдозер. Тракторист все добросовестно перекопает и завалит землей деревянную кадку с родниковой водой, а через некоторое время, глядь, родник опять ожил и опять паломники возле него. Однажды привезли бочку с мазутом и вылили в Святой колодчик. А на утро люди пришли — мазута нет и вода снова в колодчике хрустально-чистая.

Между прочим, кое-кто из местных деревенских людей, склоняясь над чистой, как стекло, поверхностью водоема, видели прозрачно-легкий, но четкий в своих очертаниях образ Николая Угодника. (Собственно, именем его и колодчик этот называют.) А один мужичок из Словинок увидел Николая Угодника прямо перед собой. В нескольких шагах, прямо из воздуха святой появился. Наш мужичок опешил,

испугался и даже чувств лишился. Пришлось его отхаживать другим паломникам.

Видели люди этот образ или это плод человеческой фантазии — не знаю, но, по крайней мере, вам могут назвать даже имена этих счастливиц, они живы и здоровы. Сама же Екатерина Ивановна была свидетельницей такого странного случая. Шли к колодчику две женщины. Одна прошла, а другую жабы не пускают. Не дают пройти — и все тут. Тогда попросила она принести ей водички со Святого колодчика в посудине. Спутница — та, что прошла к колодчику, — зачерпнула воды и понесла. Не доходя метр или два неожиданно споткнулась и пролила святую воду.

— Не далась ей водичка, — подытожила свой рассказ Екатерина Ивановна

— А почему не далась-то? — спросил я.

— Кто его знает. Видимо, грешница большая. Хотя все мы грешны. Не далась и все...

В тот день мы насобирали три большие корзины королевских груздей, одну корзину — белых и, возвращаясь домой, решили все-таки заглянуть к Святому колодчику, который так по-русски восторженно живописала нам попутчица.

А места тут и впрямь необыкновенно красивые, трогают душу и цветистые луга, и складки неглубоких оврагов, и сосновый бор, что стоит на возвышенности и манит к себе (здесь много белых грибов). Переехали по старому мостику речку Щачу. Правее осталась деревня Паново и руины старинного монастыря на горюшке. Мелким березнячком подъехали к болоту. Встретили трех женщин, видимо, местных, пешком пришедших сюда. Они и показали нам новый настил, который положили недавно вместо жердей.

Мои спутники направились к святому источнику, а я, взглянув в сторону леса, увидел картину, от которой пришел в замешательство и даже потрянул головой — уж не галлюцинация ли у меня началась? По всему лесу на ветвях деревьев висели рубашки, женские чулки, детские распашонки, пиджаки, кофты, женские сорочки, свитера, обувь мужская и женская, носки, брюки, трусы и прочее — все пестрое, как на ярмарке. А людей нигде поблизости не было, и не слышно было голосов с болота.

— Что это за маскарад? — спросил я у женщин, кивнув в сторону леса.

— А это уж так принято здесь. Кто приехал сюда, чтобы избавиться от болезни, снимает с себя белье, обливается и надевает новое, привезенное с собой. Это издревле такая традиция ведется. Иногда сюда приходят нищие или заглядывают бомжи, подбирают себе что им в пору, надевают и уходят.

К нам подошел мужчина в черном спортивном костюме. Вид цветущий. Здоровяк! Глаза радостные. Этому-то чего здесь надо среди страждущих и немощных? Потом уже разговорились на обратном пути, и он поведал обычную мирскую грустную историю. Служил на ракетной

площадке. Была небольшая авария — и в результате к тридцати пяти годам стал импотентом. Ушла жена. Пробовал американские лекарства — ерунда. Напрасная трата денег. А здесь он третий раз и чувствует, что возвращается к нему мужская сила. А это так здорово! Ведь молод еще.

— Такая легкость в теле чувствуется. Вот-вот полетишь, — сказал он мне, — и ощущение полноты здоровья появляется. В самом деле святая вода здесь и святая земля.

Я прошел по деревянным мосточкам к небольшой часовенке, стоявшей посреди болотных кочек. Видимо, в дождливое лето, когда здесь лежали жердочки, паломники добирались до родничка по колена в воде. Сейчас хорошо.

Я вошел в деревянную часовенку. Тихо. Прохладно. Таинственно! Висят маленькие иконки. На подоконниках стоят эмалированные кружки. Прежде там, где бьет удивительный ключик, была вкопана обыкновенная деревянная бочка. Теперь же сделан сруб. Я наклонился над ним и увидел чистейшую прозрачную воду. Увидел песчаное дно. Глубина Святого колодца где-то чуть больше метра.

Говорят, иногда тут очередь выстраивается за святой водой. Едут с бидонами и канистрами. Черпают ведрами, колодец быстро наполняется. Всматриваюсь в хрустальную глубину. Может, повезет, и увижу Святого Николая Угодника? Нет. Напрасный труд. Видимо, грешен. Однако набрать водички в ведро и донести до возвышенности, где стоят сосны, удалось. Разделся. Опрокинул на себя ведро ледяной ключевой воды. О! Сразу жар пошел. И необыкновенно легко сделалось. Это же отметили и спутники мои. А когда шли к машине, то впечатление было такое, будто тела наши оторвались от грешной земли и мы не идем, а летим. Каждый почувствовал это — момент уменьшения земного притяжения.

Мы взяли святую воду с собой. Говорят, она может стоять много лет и лечебные качества ее при этом не исчезают и не уменьшаются. Разумеется, вода эта лечит и дает здоровье, если пользуешься ею с верой...

ТАЙНА ЗОЛОВЫХ ГОРЮДОВ

В начале июля 1942 года к маршалу Эрвину Роммелю в Тобрук приехал его однокашник ученый Эрих Краус, занимающийся палеонтологией. Он вернулся из Центральной Сахары с плато Тассили и рассказывал своему другу детства и юности много любопытных историй, поведал о своих встречах с туарегами, которые показали ему наскальные рисунки, а под конец беседы, уже за полночь достал из чемоданчика скальную породу и показал пальцем на срез. Изумленный маршал увидел четкие очертания статуэтки красивой женщины. Как могла эта древняя мраморная статуэтка оказаться в скальной породе? Для обоих это осталось загадкой. Скоро для Э. Роммеля наступили

плохие времена. Его африканский корпус начал отступать под натиском англичан. Э. Краус не вернулся из очередной экспедиции. История с загадочной мраморной статуэткой в скальной глыбе стала забываться. У ученых были другие проблемы. И вдруг самым неожиданным образом история полувековой давности обрела свое продолжение в Костроме.

Однажды у меня в редакции областной газеты зазвонил телефон. Снимаю трубку и слышу густой баритон:

— Здравствуйте. С вами говорит Ращевский Петр Георгиевич. Я бывший учитель физики. Сейчас пенсионер, работаю оператором в газовой котельной. Вы как-то писали о Княжой Пустыни под Кологривом. Я храню эту вырезку. Скажите, а на этой горе, где Пустынь стоит, есть отвесные скальные стены?

— Есть с одной стороны. Я попробовал было взобраться и не мог. Очень крутой склон. Мужчина спросил с нетерпением в голосе:

— А вы не заметили там уложенные друг на друга чередующиеся слои? Как бы этажи современных зданий?

— Нет, не заметил. На склоне толстый слой мха. Камней вокруг, много лежит. А почему вас это интересует?

— Видите ли... — после некоторого молчания сказал мужчина, — я пишу большую работу, которая называется «Циклический историзм цивилизаций на планете Земля». И в этой книге имеется глава «Нетрадиционное объяснение возникновения эоловых городов. Ну, вы знаете, что Эол — это мифический бог ветров. Эоловые города встречаются во всех уголках планеты. Есть они и у нас. Прошлой осенью мой родственник прислал мне из Красноярска два подарочных комплекта цветных открыток «Красноярск» и «Заповедные столбы».

Рассмотрев все открытки, я сопоставил две. На одной — Органный зал, красивое здание в готическом стиле, а на другой — «Скала Перья» из комплекта «Заповедные столбы». И знаете, что бросилось в глаза? Их структурное и морфологическое сходство. Я даже вскрикнул от удивления. Позвал всех своих домочадцев. Смотрите, говорю, «Скала Перья» десятки миллионов лет тому назад была каким-то культовым зданием, очень похожим на «Органный зал». На тыльной стороне этой скалы четко видны этажность, зальность, комнатность и вертикальная стенность бывшего когда-то здания. А спереди два заостренных гранитных столба напоминают башни красноярского органного зала. Все остальные скальные изображения поддаются такой же интерпретации. Всем им можно легко найти в том же Красноярске структурные и морфологические аналоги. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Не совсем...

— Я убежден, что Красноярск построен в местах, где миллионы лет назад стоял примерно такой же город. Это сенсация! Да что мы, собственно, по телефону говорим? Вы можете приехать ко мне? Я на Нижней Дебре сейчас. Дежурю в котельной до вечера...

Что-то меня заинтересовало во всей этой истории. После работы заглянул к нему в котельную, которая стоит на берегу Волги. Меня

встретил плотный мужчина в синем выцветшем халате, в кепке. Седая окладистая борода придавала его морщинистому лицу восточный вид.

Голубые глаза смотрели из-под очков, внимательно и как бы даже с насмешкой. Он взял с подоконника папку, положил на стол и не спеша развязал тесемку. «Вот то, о чем я вам говорил... — бросил он передо мной две открытки. — Видите? Есть аналогия? А?» — На меня пристально смотрели его глаза.

- Есть? Вы спросите, что заставило меня сопоставлять эти открытки? Отвечаю. Я со студенческой скамьи, а это значит, свыше тридцати уже лет работаю над темой, о которой вам говорил, — «Циклический историзм цивилизаций на планете Земля». Тема гипотетическая, и я всю жизнь разыскиваю для нее доказательства.

Петр Георгиевич достал из папки какие-то графики, развернул, и, стоя надо мной за моей спиной, принялся растолковывать свою идею. Я слушал настоящую лекцию по геологии... Он подробно рассказывал мне об ученых-нептунистах, плутонистах, мобилистах, фиксистах, об их спорах о Земле.

— Мне удалось помирить все геологические концепции. Я пришел к выводу, что Земля развивается по синусоидальному закону. Сейчас планета находится в состоянии покоя. За шестьсот миллионов лет это третий покой. А после каждого покоя начинается ледниковая эпоха. Она ведет к катаклизмам и перестройке земной коры.

Петр Георгиевич отошел от меня, закинув назад голову, посмотрел на приборы, что-то записал в журнале, бросил карандаш на раскрытую страницу и, заложив руки за спину, принялся расхаживать взад-вперед по котельной.

Я с интересом слушал его и вертел в руках гладкий коричневый камушек — их много лежало на краю стола. Петр Георгиевич остановился возле меня.

— Как вы думаете, что у вас в руках?..

— Камень.

— Это окаменевший птичий желудочек. Присмотритесь хорошенько. Он был когда-то в замерзшем кристаллическом состоянии, а потом, при таянии ледника произошло замещение кристаллов льда на кристаллы кремния. — Заметив сомнение на моем лице, он почти вскричал: — Не верите? Я готов взойти на костер. Это желудочек птицы. Может быть, чирка...

На все у него свой взгляд и свое собственное мнение. Беседуя с ним о ледниковом периоде, я поинтересовался, что он думает о «снежном человеке».

— «Снежный человек»? — воскликнул он. — Это гомометацивилис! Человек между цивилизациями, оставшийся после катаклизма. Он утратил абстрактный разум, но постепенно передавал генотип гомо сапиенсу. Это эволюция в сторону будущего. Но были и мутанты, которые, регрессируя, превратились в обезьян. — Петр Георгиевич задумался на минуту, поправил очки, положил на стол несколько

фотографий гор. — Мне кажется, мы с вами далеко ушли от главной темы нашего разговора.

— От золотых городов?

— Да. Вот они на фотографии.

Он, наконец, сел на стул и после длительной паузы принялся излагать свою гипотезу. Я привожу ее полностью.

— Сейчас никто не может дать гарантий того, что ядерный конфликт на планете полностью исключен. И мы уже знаем, что если такой конфликт произойдет, то на планете установится «ядерная зима» с ее последствиями, которые погубят цивилизацию. Об этом много писалось в центральной прессе. Может возникнуть и «астероидная зима» вследствие падения на Землю крупного, более десяти километров в поперечнике астероида. Их десятки тысяч носятся в космическом пространстве.

Ядерная война или удар астероида дадут старт геологическому, атмосферному и биологическому катаклизмам на планете. В первом случае вся атмосфера, вплоть до стратосферы, будет засорена продуктами горения городов, лесов и так далее. В случае астероидного катаклизма — вулканенным пеплом. Солнечная энергия не будет доходить до поверхности Земли, поэтому на континентах температура резко понизится. Океаны же, вследствие огромной тепловой инерции и теплоемкости, будут остывать значительно медленнее континентов. Над планетой будут свирепствовать ураганы, бури, смерчи и ветры. Они будут представлять из себя гигантские «пескоструйные машины» глобального масштаба. Они же станут самой мощной разрушительной, транспортирующей и созидательной силой природы, способной основательно преобразить лик планеты. Цивилизация не выживет в таких условиях — с этим согласны все ученые. А что же будет происходить в этот период с нашими городами?

Прочные многоэтажные здания в течение нескольких лет через разрушенные окна и двери ураганами, смерчами, бурями и ветрами будут засыпаны под потолок песком, мелким обломочным щебнем, пылью и пеплом, смоченными влагой — дождем и снегом, эти здания будут стоять на своих местах. Можно смело утверждать, что засыпка всех этажей зданий будет происходить одновременно, причем с градацией одного и того же материала по этажам, чем выше этаж, тем величина частиц материала меньше. Направление ветра или урагана будут осаждают минеральные осадки на каждый этаж здания, создавая одинаковые ритмы цветных и минеральных слоев.

Минеральный состав, заполняющий здания и напоминающий собой сов временные бетонные и цементные растворы, впоследствии отвердеет и превратится в камень — гнейсы, кварциты, песчаники, граниты. Улицы и переулки тоже засыпятся осадками, но величина их будет расти обратно пропорционально их продуваемости ветрами. В регионах, где влага в здания будет попадать постоянно, в комнате, например, могут создаваться несколько отвердевших каменных слоев,

разделенных слоями сухой пыли. В дальнейшем стены и крыши зданий в течение миллионов лет полностью разрушатся, превратившись в элювий. И на месте современных городов, построенных, как правило, из огнеупоров и на осадочных породах, спустя миллионы лет после ядерного или астероидного катаклизма мы обнаружили бы метаморфизированные пирамидообразные или вытянувшиеся в стены каньонов, - горные объекты с параллельной слоистостью, объединившиеся в золотые города. Вот так, по следу мысленного анализа, мы приходим к метаморфизму городов нынешней цивилизации. А потому не есть ли встречающиеся во всех уголках планеты золотые города — города предыдущей цивилизации? Я убежден, что это научные артефакты. Артефакт — это искусственно сделанное. В связи с этими артефактами история эволюция гомо сапиенса становится еще более загадочной.

Может быть, человек, страдающий отсутствием абстрактного мышления, не увидит в объектах золотого города «Джеты-Огуз» (семь быков), расположенного в прибрежной зоне озера Иссык-Куль, бывшие многоэтажные здания. Но я вижу. И не только я. Эти объекты сохранили прямоугольную форму, на них четко видна этажность, комнатность, и выглядят они все вместе как современный городок. Еще более выраженными свойствами бывшего огромного, может быть, столичного города с небоскребами, обладает золотой город «Чиль-Духтарон» (сорок девушек) в Кулябской области Таджикистана. Каждая из сорока «девушек» представляет из себя копии бывших спаренных небоскребов, построенных одной из предыдущих цивилизаций. Они одинаково многоэтажны, на них видна комнатность и вертикальная стенность. Здесь же есть объекты, копирующие не только небоскребы, но и все другие здания, присущие нашим городам, вплоть до культовых.

Золотые города, располагавшиеся в регионах движения мощных ледников, были срезаны и разрушены этими ледниками, развалились на каменные глыбы прямоугольной формы. Это комнатность! Затем эти глыбы, толкаемые ледником, раскалывались, терлись друг о друга и о поверхность земли, постепенно прекращаясь в валуны овальной формы. Их сохранилось великое множество. Свойство валунов ровно колотья только в одном плоскостном направлении, умело распознаваемом камнетесами, легко объясняется осадочно-пылевой технологией их создания в объемах бывших зданий. Следовательно, валуны — тоже артефакты.

Под впечатлением рассказанного я уже другими глазами смотрел на снимки, которые лежали передо мной. Что и говорить, гипотеза Петра Георгиевича Рацевскоо увлекательна и необычна.

Ничего подобного я нигде не читал. Во всяком случае она может подвинуть любознательный ум к размышлению, к поиску. Это прекрасная тема и для писателей-фантастов — в ней ярко выражена антивоенная концепция.

Кстати, Петр Георгиевич прямо со школьной скамьи попал на фронт. Воевал под Волховом, ходил в атаку под Балатоном и закончил войну в Чехословакии — вернулся домой, звеня орденами и медалями на гимнастерке.

— А вы в какой школе преподавали?

— В седьмой. Вел там радиокружок. Мои ученики, поступая в институты, обычно никогда не проваливались по моему предмету. Знания хорошие давал. Учил ребят мыслить, анализировать — это ведь так важно. Ну а потом на пенсию пошел. Окончил курсы операторов газовых котельных — и вот уж здесь несколько лет.

Он прикрыл ладонью папку со своими записями и чертежами. Улыбнулся умными глазами. — Это мое хобби. Ну а если серьезно, то это цель моей жизни. Труд радостный и тяжелый... Не знаю, как все это воспримет ученый мир. Нужно нестандартное, новое мышление, чтобы принять мои идеи, мои гипотезы. Я преклоняюсь перед Вернадским. Перед его учением о ноосфере. И считаю: время ноосферы уже наступило. Смотрите, как весь мир объединился в борьбе за экологию, за сохранение всего живого на земле.

— Петр Георгиевич, у вас есть дети?

— Да. У меня их четверо. Старший сын работает врачом, младший служит в армии, дочь учится в институте...

— Ну и как они относятся к этой вашей гипотезе о эоловых городах?

— По-разному...

Что ж. Жизнь многолика. Для человеческой мысли не существует преград. Она вольна в своем полете. А мне Петр Георгиевич напомнил чем-то известного русского мыслителя, библиотекаря Румянцевского музея в Москве Николая Федорова, создавшего огромный и еще до конца не оцененный труд «Философия общего дела», — кладезь очень неординарных идей.

Есть книги, которые по-настоящему оцениваются лишь через века...

ПОЧЕМУ ГЕРИНГ ПОЩАДИЛ КОСТРОМУ?

Костромичи, пережившие войну, помнят, как летали над городом немецкие самолеты. Некоторые летчики на бреющем полете проносились над улочками Заволжья, пугая детишек и явно получая от этого удовольствие. Во всех больших костромских дворах были вырыты в ту пору бомбоубежища, а в маленьких - щели, где прятались жильцы во время воздушной тревоги. Они звучали часто. Но что самое удивительное, за всю войну ни одна немецкая бомба не упала на Кострому.

А ведь было что бомбить. В Заволжье завод «Рабочий металлист» выпускал снаряды для гаубиц и танков. Костромские фабрики и мастерские шили военное обмундирование, давали самую различную продукцию для фронта. В городе размещались военные училища,

эвакуированные из Ленинграда. У пристаней стояли пароходы и баржи - в других местах немецкие самолеты ни в коем случае не оставили бы их в покое. Утопили бы.

Поэтому до сих пор остается загадкой - почему немцы не бомбили Кострому, в то время как бомбы почти каждую ночь падали на соседний Ярославль и другие города – остается загадкой. Ведь в Костроме в эти годы находились военные училища, эвакуированные из Ленинграда, а они готовили офицеров, работал завод, изготавливающий снаряды, фабрики шили военную амуницию, - и самое главное, на костромской аэродроме базировалась эскадрилья, а затем полк авиации дальнего действия, эти самолеты летали бомбить германские города.

После войны костромские обыватели на полном серьезе утверждали о специальном приказе Гитлера сохранить Кострому, как колыбель династии Романовых. Загадка рождала и другие мифы. Думаю, что имеет право на жизнь и еще одна версия, о которой я хочу вам рассказать.

Весной 1918 года военный патруль, гулявший ночью по заволжской стороне города, арестовал молодую красивую женщину на Московской улице и привел ее в здание комендатуры. У нее потребовали предъявить документы. Она достала справки, удостоверенные московскими властями, из чего следовало, что актриса Ольга Чехова направлена труппой театра «Сороконожка» в город Кострому для обмена различных вещей, принадлежавших артистам, на продукты питания. На всех справках стояли печати. Утром пришел начальник - молодой человек, по-видимому, из студентов - весь в ремнях, с большой деревянной кобурой на боку, посмотрел еще раз ее документы, поинтересовался, не имеет ли она отношение к писателю Антону Павловичу Чехову, и Ольга с удовольствием рассказала, что ее родная тетя, актриса Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, была замужем за великим писателем. А сама она является женой племянника Антона Павловича - знаменитого артиста Михаила Чехова. После этого Ольгу Чехову отпустили.

В ту пору мостов через Волгу не было, поэтому у железнодорожного вокзала на правом берегу всегда стояли извозчики, готовые подвезти пассажиров к берегу, где летом они переправлялись на парходике, а зимой эти самые извозчики везли пассажиров через Волгу. Ольге попался добрейшей души молодой извозчик, который отвез ее в город, помог обменять вещи на картофель, муку и несколько кусков сахара. Но когда они вернулись к вечеру на берег, то услышали гул, который приближался со стороны Ярославля. Дул ураганный ветер. В некоторых местах на реке появились торосы. Молодой голубоглазый извозчик (как она узнала - отец двоих детей) остановил лошадь. Ольга видела, как он волнуется. «Нельзя ехать, - наконец произнес он, - сейчас ледоход пойдет...» А у нее подходит к концу командировка. Да и следующий поезд пойдет лишь через три дня. Что она будет делать с этими мешками одна? Видя ее замешательство, парень согласился ехать через Волгу. И

он еще уговорил своего друга. Тот повез Ольгу с маленьким мешком муки. А основной груз был на вторых санях.

Ветер ревел. Тут и там подо льдом раздавались раскаты грома. Извозчики тревожно погоняли лошадей. Неожиданно в глубокой синей колее появилась вода. Но сани, на которых сидела Ольга, уже вылетели на берег. А сзади раздался страшный треск, послышался человеческий вопль и ржание лошади. Ольга оглянулась. Сани провалились между двумя льдинами, которые встали торчком. В ледяном месиве мелькнула на мгновение мокрая спина извозчика, потом лошадиные ноги - и все - от берега до берега было нагромождение льда, уносимое мощным течением вниз по реке.

С Ольгой случилась истерика. Она погубила человека, доброго и заботливого. И еще, по существу, он спас ее, посадив в сани к своему другу. А если бы она ехала на мешках вместе с ним? Она поняла, что родилась во второй раз в этом старинном городке. И в этот день всегда ходила в православный храм, ставила свечку и молилась за своего спасителя.

Очевидно, начитанный человек задаст вопрос, это не о звезде ли германского кино тридцатых и сороковых годов, любимице Адольфа Гитлера и других высокопоставленных нацистских чиновников идет речь? Разумеется. Ольга Чехова, разведясь в начале 1922 года с мужем, уехала со своей театральной труппой на гастроли в Германию и осталась там. Через десять лет она становится популярной актрисой кино, снимается в фильмах, на которые немцы прут толпами.

Ольга была необыкновенно красивой женщиной. Любивший смотреть фильмы с ее участием вождь нацистской партии Гитлер (еще не став канцлером) обожал ее. А когда нацисты пришли к власти, то очень скоро Ольга получает звание - государственная актриса. Она по-прежнему снимается в фильмах, но часто и днем, и по вечерам уже не принадлежит себе. И хотя ей не всегда хотелось, но она вынуждена была приезжать на обеды и ужины или дипломатические встречи ко многим политическим деятелям Третьего рейха. Дипломат и журналист Валентин Бережков в своей книге пишет, что на встрече с Молотовым в 1940 году рядом с Гитлером, Геббельсом, Риббентропом и другими всегда была Ольга Чехова. За обеденным столом, в театрах, на музыкальных фестивалях Гитлер всегда садился рядом с ней.

Уже в шестидесятых годах, во время оттепели, ее тетья, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, рассказала в кругу самых близких друзей, как она с МХАТом ездила на гастроли в Германию в 1937 году. Спектакли прошли с огромным успехом, и на обратном пути она заехала в Берлин к своей племяннице. Ольга устроила ужин для своей знаменитой тети. Под вечер к дому начали подъезжать черные лимузины. Ольга встречала гостей в прихожей. А затем каждого знакомила с Ольгой Леонардовной - актрисой МХАТа и вдовой писателя Антона Павловича Чехова. От всех этих имен у советской актрисы чуть не вылезали глаза из орбит - Геринг, Гесс, Риббентроп, Шпеер,

Розенберг... Хотел приехать и Гитлер, но дела не позволили ему отлучиться из рейхсканцелярии в этот вечер, о чем он передал свое сожаление по телефону. Два десятилетия Книппер-Чехова держала эту историю в строжайшей тайне, никому не рассказывая, боялась КГБ. И рассказала только незадолго перед уходом из жизни.

Ольга Чехова любила поболтать с Бенито Муссолини, когда тот приезжал в Германию, считая его самым начитанным человеком из своего окружения. Кстати, в это окружение не входил министр пропаганды Иозеф Геббельс - он недолюбливал Ольгу, а та терпеть не могла хромоногую коротышку. Зато она дружила с семьей второго человека в Третьем рейхе - Германа Геринга.

Жена Геринга, Эмма Зоннеман, в молодости была провинциальной актрисой. Уже тогда Ольга и Эмма часто встречались на сцене и постепенно их знакомство переросло в дружбу. Овдовевший в 1931 году Герман Геринг начал встречаться с подругами на ужинах, в театрах, на вечерах. Красивая и талантливая Ольга Чехова могла вскружить голову кому угодно. Начал за ней ухаживать и Геринг (ему не было тогда и 40 лет). Но увы, он был не герой ее романа, хотя вся Германия и боготворила своего Германа. Весной 1935 года он женился на Эмме Зоннеман. С тех пор Ольга постоянно бывает в доме своей подруги. За столом, во время обеда, она любит пикироваться с рейхсмаршалом, острит, шутит, а добродушный хозяин, любитель юмора и анекдотов, с удовольствием хохочет. Когда Ольга уезжала на съемки фильма в другой город, Геринг явно скучал. О его привязанности к русской актрисе впоследствии писала и Эмма Зоннеман.

На загородной даче Геринга, где было много шедевров искусства, коллекций оружия, охотничьих трофеев, фарфора и т.д., часто вспоминали в минуты отдыха годы молодости. Все трое тогда были бедными и неустроенными. Однажды Геринг рассказал историю своего тяжелого ранения - две пули в низ живота - во время пивного путча в Мюнхене. В этот вечер и Ольга рассказала о том, как в 1918 году во время ледохода в Костроме оказалась на волосок от гибели и спаслась благодаря заботам простого парня, который из-за нее погиб в Волге, оставив сиротами двух детей. Своим рассказом актриса произвела большое впечатление на Геринга, который иногда впадал в сентиментальность. Здесь же, за столом, Ольга спросила у него, бомбит ли немецкая авиация Кострому? (Рейхсмаршал командовал авиацией Третьего рейха.) Он сказал, что его самолеты пока наносят ночные удары по Горькому и Ярославлю. Если в Костроме имеются военные заводы, то и этот город будет подвержен бомбардировке. Ольга Чехова не была бы Ольгой Чеховой, если бы не пользовалась своим редким влиянием на нацистских бонз. Она словно завораживала, гипнотизировала их, они готовы были выполнить любую ее просьбу. И более того, многие высшие офицеры вермахта носили в карманах ее фотографии или автографы - как талисман. Говорят, это приносило удачу.

Известно, также, что она просила Гитлера сохранить в Ялте музей А.П. Чехова. Фюрер сделал распоряжение, и музей великого русского писателя перешел под охрану германских властей. Немецким солдатам и офицерам было запрещено посещать этот дом. А когда немцы отступили, то ни один экспонат не исчез из музея Чехова.

Такового было влияние актрисы на Гитлера.

Постоянно мучавшая Ольгу мысль, что она была виновницей гибели человека и что она в силах уменьшить или предотвратить гибель других людей в древнем городе Костроме (может быть, это будет вдова того самого извозчика, может, сыновья или мать, отец, просто жители города), заставила ее вернуться к этой теме на одной из встреч с Герингом в его имении. Рейхсмаршал, уже не раз испытывавший на себе благотворное влияние дружбы с русской актрисой - все неудачи, и самое главное - провал воздушной операции «Морской лев» сошли ему с рук, - сделал ей маленький подарок, дал слово, что ни одна бомба на ее Кострому не упадет.

Во время войны Ольга снималась в фильмах (с ее участием снято около сорока кинокартин). У нее была трагическая любовь с летчиком, который погиб в бою над Ла-Маншем. Во время битвы за Берлин Ольга Чехова была вывезена в Москву. Удивительное дело, после допроса ее снова отправили в Германию, предоставили квартиру, ей давали продовольствие, бензин для машины и т. д. У ее дома стояла охрана из нескольких красноармейцев. Но она пользовалась свободой передвижения.

Все это породило догадки, что она была связана с советской разведкой и даже дала согласие способствовать проникновению нашего разведчика в рейхсканцелярию Гитлера с целью покушения на германского вождя.

А удача не покинула Ольгу Чехову и после ухода с политической сцены (некоторых повесили в Нюрнберге) всех ее поклонников. После войны она снова снималась в фильмах, а затем основала преуспевающую фирму «Косметика Ольги Чеховой», где работало свыше ста человек. Продукция этой фирмы завоевывала многочисленные награды, в том числе и международный Гран-при в Венеции. Она написала воспоминания. А умерла в 1990 году в возрасте 93 лет.

Все газеты мира дали материалы о смерти известной кинозвезды и самой загадочной женщины XX века.

НОСТРАДАМУС

ИЗ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

В августе был в Красноярске, вечером зашел в бар «Пикра» на старом пароходе «Святой Николай» — том самом, на котором молодой Владимир Ульянов с супругами Кржижановскими плыл в шушенскую ссылку, — и здесь, в небольшом холле, где в мягких кожаных креслах

беседовали местные предприниматели, познакомился с тридцатилетним Олегом Седых, коммерсантом из Новосибирска, приехавшим на Енисей по своим делам. Узнав, что я из Костромы, он сразу оживился, сказал, что у него мать из Нерехты и что он с удовольствием вспоминает детство, проведенное у бабушки в этом зеленом и тихом городке в двухэтажном деревянном доме на берегу реки.

Мы разговорились об историческом пароходе, и Олег (он был здесь, видимо, уже не первый раз) показал мне две каюты. В одной за стеклом я увидел восковую фигуру цесаревича Николая, а в другой — молодого Ленина с газетой в руках. Судьба так распорядилась, что почти в одно и то же время оказались пассажирами на этом пароходе и будущий царь, и будущий вождь, только плыли в разных каютах и по-разному сложилась их судьба. Признаться, я почувствовал какую-то грусть и даже тоску, глядя на эти молчаливые восковые фигуры, чьи прототипы повелевали когда-то судьбами миллионов своих соотечественников. Как одиноко им было здесь сейчас, в полумраке, в заточении, плывущим в никуда, в то время как в нескольких метрах от них гремела музыка, слышался смех, пахло духами и хорошим пивом.

Мы вышли на верхнюю палубу, постояли, любясь закатом, а затем поднялись на набережную и сели на скамью, по-прежнему рассуждая о бренности человеческой жизни.

— Кстати, а вы знаете, что в 1913 году, когда император Николай II приезжал в Кострому, — сказал Олег, — во время посещения Ипатьевского монастыря ему показали старинный документ — предсказание монаха о судьбе царской фамилии и всей России? Когда он прочел, то побледнел и оставался рассеянным и задумчивым весь день.

— А как звали монаха?

— Авель.

— И что он предсказал?

— То, что царская семья погибнет. Затем начнется гражданская война, и на несколько десятилетий империя снова возродится. Но это возрождение будет мимолетным, как сверкание метеорита, а затем Россия повторит судьбу Римской империи. От государства отпадут окраины. Это повергнет народ в уныние, а то и в протрацию. В столице начнутся смута, измены, власть ослабеет. И тогда в Сибири появится человек, который отделит ее от Европейской России и сделает великим государством. Страна таким образом разделится на Европейскую и Восточную Россию. Европейские русские скоро будут подвержены нападению со стороны бывших окраин, которые и приберут в конце концов эту территорию к своим рукам. Часть европейских русских, смирившись с новыми обстоятельствами, будет влачить жалкое существование, а наиболее здоровая, крепкая нервами и волевым характером часть населения уйдет за Уральский хребет. Кстати, монах даже называл

имена и годы, когда это произойдет, и кто будет первый царь, так он называл руководителя в новом сибирском государстве.

В подтверждение своего пророчества Авель " привел историческую хронику прямо-таки мистического характера: Россия сама обрекла себя на гибель, взяв себе у угасшей Восточной Римской империи герб — двуглавого орла. Все страны, взявшие этот герб, раскололись и погибли. А далее еще более удивительное прочел Николай II в документе. Основателем Рима был Ромул. Последним императором, при котором Рим пал, был тоже Ромул. Основателем Восточной Римской империи — Византии — стал Константин I. А погибла Византия в 1453 году при императоре Константине XI. Основателем Великой Российской империи был Михаил Романов, чье восшествие на царствование произошло в Костроме, и последним императором Российской империи будет Михаил (в его пользу от власти отречется Николай II). Ну а при следующем Михаиле — Горбачеве — великая держава Российская и вовсе приказала долго жить. Вот такое пророчество сделал монах Авель в XIX веке. Как вы видите, многое сбылось...

Вернувшись в Кострому, я начал разыскивать какие-либо сведения об Авеле. Узнал, что он предсказал день и год смерти Екатерины Великой, а также год гибели Павла I и время сожжения Москвы, восстание декабристов в Петербурге (почти за 10 лет до этих событий). В старых энциклопедических словарях о нем сказано также, что монах Авель (в миру крестьянский сын Василий Васильев) родился в деревне Окулово Тульской губернии в 1757 году, прожил 83 года, из них 21 год провел в казематах, куда его несколько раз бросали за предсказания смерти священных особ и трагических событий в государстве. И вот неожиданное открытие: Авель предсказал смерть Екатерины II... в Костроме. Оказывается, скитаясь по различным русским монастырям, он в конце концов очутился в Костромской губернии. Ему очень пришлось по душе Николо-Бабаевский монастырь на берегу Волги, неподалеку от Костромы. Здесь к нему приходит озарение, и он садится писать свою первую книгу пророчеств о России и об императорской фамилии. (Всего он написал три книги пророчеств, которые по сей день находятся в архивах, недоступные еще научным работникам.)

Студеной зимой 1796 года, поставив точку на последней странице рукописи, Авель рассказал о своем сочинении чернецу Аркадию, к которому питал искренние братские чувства. Аркадий, прочтя рукопись, где говорилось о скорой смерти императрицы, испугался и рассказал все настоятелю, который в страхе велел немедля запрячь сани, и в тот же день Авеля вместе с рукописью отправили под конвоем в Кострому. Рукопись сначала попадает в консисторию, а затем ее очень внимательно читает костромской архиерей Павел. «Ересь!» — кричит он смиренному иноку. А о пророчествах Авеля уже говорит лея Кострома. Об этом даже пишет в своих записках генерал А.П. Ермолов, который в те времена был в опале и жил в нашем городе. С вешим монахом пожелал встретиться губернатор.

Принял он чернеца довольно любезно (тогда губернатор жил в здании, где сегодня размещается технологический университет на Муравьевке), попросил рассказать все, что явилось ему свыше. Кроткий и доверчивый Авель поведал свои видения: сказал о Екатерине Великой (она умерла при довольно странных обстоятельствах, увидев однажды ночью на тронном кресле в зале свой призрак. Увидела — и упала без чувств. А через два дня ее не стало), рассказал, какой страшной смертью умрет наследник Павел I. Его сын Александр, сокрушив французов, сделается потом белым иноком, и на престол взойдет Николай I.

— Константин, — поправил его губернатор.

— Нет, Николай I. И будет при этом дне большой бунт военных. Кровь прольется.

Авель рассказал о гибели сына Николая I — Александра II. А когда начал перечислять события начала XX века — убийство всей царской фамилии, воцарение на престол сына сапожника, крушение православия, голод, мировые войны — губернатор не выдержал, вскочил и замахал руками.

— Довольно, довольно...

Он не поверил Авелю. Отправил его в Петербург. Екатерина же, узнав, что монах напророчил ей скорую смерть, упрятала его в Шлиссельбургскую крепость.

Вызволил его оттуда новый император Павел I. И тут же пригласил монаха к себе на аудиенцию. Удивительно, но Павел, узнав от Авеля о скорой своей гибели, тем не менее ласково расстался с иноком, повелев поселить его в келье в Александро-Невской лавре и окружить заботой. Однако Авелю неуютно в Петербурге, и он просит разрешения удалиться в родной ему Николо-Бабаевский монастырь под Костромой. Днем он молится, ночами молится и пишет свои бесчисленные тетради, где дает, как мы сейчас говорим, прогноз судьбы России на двести лет вперед. Прогноз страшный. Кремль станет островком в море крови. Россия станет прибежищем сил зла, которые устроят вакханалию на русской земле. Пишет он подробно, ярко, зримо, что приводит царедворцев и церковных чиновников в смятение. Хорошо, что они не доживут до этого апокалипсиса, но Авеля они все-таки предпочитают сослать подальше — в Соловецкий монастырь.

Шли годы. Сбывались один за другим пророчества Авеля. Убит Павел. Императором становится Александр. Война с Наполеоном. Загадочная смерть Александра I в Таганроге и слухи о его уходе от мирской суеты, слухи о старце Федоре Кузьмиче — якобы этого странника, очень похожего на императора, встречали то в одном месте, то в другом.

Незадолго до восшествия на престол Николая I инок Авель вдруг исчезает из монастыря. Николай I распоряжается немедленно его разыскать. Авеля ищут в родной деревне в Тульской губернии, ищут в Костроме, где у него осталось немало почитателей и знакомых. Ну, конечно же, именно здесь, у Успенского собора, откуда открывается вид на заволжские дали (и где-то там в морозной дымке поблескивают

купола Николо-Бабаевского монастыря), Авеля узнают и препровождают в консисторию, а затем увозят в Суздаль, в Спасо-Ефимовский монастырь. Говорят, что в момент ареста у Авеля видели темную тетрадь с последними пророчествами, но она сразу же исчезает. По одним сведениям, тетрадь осталась в Костроме, по другим — увезена в неизвестном направлении.

Гонения и аресты наконец-то привели Авеля — этого русского Нострадамуса — к мысли, что «лучше ничего не знать, а если знать, то молчать». Так он сказал. К нему в монастырь едут одна за другой кареты — многие хотят знать свою судьбу, судьбу чад, женихов, невест, но Авель молчит.

Единственное пророчество сделал он в это время — когда будет конец света. Вот эта дата — 2892 год. А сам пророк умер 29 ноября 1841 года в Суздале и похоронен около алтаря церкви Святого Николая.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНСТВИЯ ГРАНИТНОЙ КОЛОННЫ	1
ПАМЯТНИК НАД ВОЛГОЙ	5
КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ?	6
ЗАКЛАДКА ПАМЯТНИКА.....	11
НОВАЯ ФИГУРА НА ПОСТАМЕНТЕ	16
ЧТО ХАНЯТ ПОДВАЛЫ.....	18
СОБОРНОГО АНСАМБЛЯ?	
В ПОИСКАХ ТУНГУССКОГО МЕТЕОРИТА	23
ЖЕРТВЫ ЛАЙНЕРА «БЕРЛИН».....	28
ПОЗЫВНЫЕ ДИРИЖАБЛЯ «ИТАЛИЯ»	31
ПРОИГРАННАЯ ОПЕРАЦИИ ОТТО СКОРЦЕНИ.....	34
ИЗ ЖИЗНИ АРИСТОКРАТОВ	39
УВИДЕЛ ЧУДНЫЙ УГОЛОК	43
ТАЙНА ХРИЗОЛИТОВОЙ ПЕЧАТИ.....	45
«СТУДЕННЫЕ КЛЮЧИ»	48
ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРТИНЫ.....	50
ЖГОНА КОКРИ ЗАТРОИЛИ.....	54
ЦВЕТОВОДА-КОСТРОМИЧА ДАЖЕ В АФРИКЕ ЗНАЛИ.....	56
ТРАГЕДИЯ В АЛЬПАХ.....	60
ПЕТР И ПАВЕЛ, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ В ВЕКАХ.....	62
ВЫ ШУМИТЕ, ШУМИТЕ НАДО МНОЮ, БЕРЕЗЫ.....	66
ДАЧА ВИТОВА.....	69
ЖРИЦА ЗАПОВЕДНОГО ЛЕСА.....	71
ЗАГАДКА ЛЕСНОГО ОЗЕРА.....	77
СМЕРЧ В ЛУНЕВО	81
КТО, ТЫ КОСТРОМСКОЙ ЛИК?.....	85
ИНОПЛАНЕТЯНЕ В КОСТРОМЕ?.....	90
КНЯЖАЯ ПУСТЫНЬ	95
В ОЖИДАНИИ ЦУНАМИ	102
ТАЙНЫ УНЖЕНСКОГО БЕРЕГА	105
ЧУДЕСА У СВЯТОГО КОЛОДЧИКА	110
ТАЙНА ЭЛОВЫХ ГОРОДОВ	114
ПОЧЕМУ ГЕРИНГ ПОЩАДИЛ КОСТРОМУ?.....	119
НОСТРАДАМУС.....	123
ИЗ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	123

Корректор Т. Рудина
Компьютерный набор В. Андреева.
Отпечатано в мини-типографии «Копи-Сервис-Центр»
г. Кострома, ул. Молочная гора, д.5 тел. 31-67-80
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 200 экземпляров.

